

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

Е.А. Цыпанов

Сравнительный обзор финно-угорских языков

ООО «Издательство «Кола»
Сыктывкар
2008

ББК 81.2

Ц 96

УДК 801.3=945.33=945.32

Цыпанов Е.А.

Ц 96 Сравнительный обзор финно-угорских языков.—
Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2008. — 216 стр.

Настоящая работа посвящена системно-сравнительному описанию финно-угорских языков, выяснению в них как общих, так и специфических языковых особенностей. Очерки по конкретным языкам написаны последовательно по единым пунктам описания. Кроме того, в отдельных очерках даны также общие сведения об основных этнонимах, диалектах, развитии письменной традиции, литературных языках, дана краткая характеристика фонетики, грамматики, синтаксиса и лексики, представлены самые необходимые библиографические данные, а также некоторые фольклорные и литературные тексты с дословными переводами на русский язык. Книга предназначена как для ученых-языковедов, так и для самого широкого круга читателей: прежде всего для студентов филологических специальностей вузов Российской Федерации, преподавателям высших и средних учебных заведений, всем тем, кого интересуют живые финно-угорские языки.

Рецензент: доктор философии, профессор университета
г. Турку Сиркка Сааринен (Финляндия)

Подготовка текста работы была проведена при
организационно-методической помощи
Программы по поддержке родственных народов,
осуществляемой правительством Финляндии.

© Цыпанов Е.А., 2008

© ООО «Издательство «Кола», 2008

REDEI KAROLY
CHRISTOMATHIA
SYRJAENICA

Е.А. Цыпанов
ПЕРЫМ-КОМИ
ГИЖОД КЫВ

В.И. Вещалов
РУССКО-
МАРЦИСКИЙ
РАЗГОВОРНИК

ОСНОВЫ
ФИННО-УГОРСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Вопросы происхождения
и развития
финно-угорских языков

ОСНОВЫ
ФИННО-УГОРСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Практико-финские,
славянские
и мордовские языки

CSÜCS SANDOR
CHRISTOMATHIA
VOTIACISA

Н. Н. Топоркова
Удмурт кыл
Нарья кутоньса
дунгома книга
Удмуртский язык
Учебник для начинающих

Петер Хайду
УРАЛЬСКИЕ
ЯЗЫКИ
И НАРОДЫ
ПРОГРЕСС

ЭНКО С
Курс
венгерской
языка

ЯЗЫКИ
МИРА
Уральские
языки

О.Е. Логова
РУССКО-
МОХИМАНСКИЙ
РАЗГОВОРНИК
Я · МОН, ТЫ · ТОН, СОН · СОН

Eila Hämmäläinen - Salli-Marja Bessonoff
JATKETAAN HARJOITUKSIA!
LISÄHARJOITUKSIA · JATKETAAN·KIRJAAN

Markku Aho, Leena Sillanpää
KATO HEI

ISO
suomen
kielioppi

2
Puhutaan
suomea
ГОВОРИМ ПО-ФИНСКИ

И. Д. Митин
ФИНСКИЙ
ЯЗЫК
I

Е. К. Срибиник
К. В. Афанасьева
Часть I
Практический курс
мансийского
языка

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Расселение и численность финно-угорских народов	9
Владение финно-угорскими народами родными языками	15
Из истории изучения финно-угорских языков	16
К вопросу о происхождении финно-угорских языков	24
Венгерский язык	31
Обско-угорские языки	44
Мансийский язык	45
Хантыйский язык	56
Пермские языки	67
Коми язык	71
Удмуртский язык	90
Марийский язык	109
Мордовские языки	126
Эрзянский язык	129
Мокшанский язык	141
Прибалтийско-финские языки	151
Финский язык	155
Карельский язык	169
Вепсский язык	172
Ижорский язык	175
Эстонский язык	177
Водский язык	188
Ливский язык	190
Саамский язык	193
Вместо заключения	205
Сокращения языков и диалектов	208
Литература по финно-угроведению/уралистике	209
Summary	213
Помкыв	214

«Для человечества было бы величайшим несчастьем, если бы вся масса языков, ныне существующих, исчезла и заменилась одним языком. К счастью для человечества, это невозможно. Наряду со стремлением к объединению существует как поправка к нему сила разъединения, способствующая сохранению индивидуальных черт народа и отдельного человека.»

академик С.Ф.Ольденбург,
востоковед

ПРЕДИСЛОВИЕ

Финно-угорские народы издавна заселяли Европейскую часть России (бассейн Камы и Волги). В древнейшие эпохи, вероятно, уральский пранарод обитал по обе стороны от Уральского хребта, а также в Западной Сибири. Сегодня родственные по происхождению и языку народы живут в разных странах, в Венгрии, Финляндии, Эстонии, России. Кстати именно в Российской Федерации проживает большинство финно-угорских народов: удмурты, коми, марийцы, мордва, ханты, манси, карелы, вепсы, воть, ижора, саамы. Последние постоянно проживают и в Норвегии, Швеции, Финляндии. В 1989 г. число говорящих на финно-угорских языках составляло около 25 млн. человек, в том числе венгров около 14 млн., финнов 5 млн., эстонцев 1 млн. По данным переписи населения Российской Федерации 2002 г., на территории России проживало 843 350 человек мордвы, 640 028 удмуртов, 604 298 марийцев, 293 406 коми-зырян, 125 235 коми-пермяков, 94 344 карел, 8 240 вепса, 94 344 саама, 28 678 хантов, 11 432 манси. Всего выделяют 17 или даже более финно-угорских этносов, при этом официально различая коми-зырян и коми-пермяков. Количество лиц, владеющих языками предков как родными, у всех перечисленных российских народов меньше общего количества представителей этносов, особенно у мордвы, карел, вепсов, ханты и манси.

Современные финно-угорские народы представляют собой чрезвычайно разнообразные, разноукладные, культурно различающиеся этнические сообщества, имеющие совершенно раз-

ный уровень общественного развития, относящиеся к разным конфессиональным слоям – это и православные, и католики, и протестанты, и язычники. Идея финно-угорского родства в последние века имела как своих приверженцев, так и противников. Хотя в последние годы в Эстонии, Венгрии и Финляндии появились труды, отрицающие понятия родословного древа и единой прародины уральских народов, само языковое, этническое и культурно-историческое родство, именно традиционные концепции уральского/финно-угорского языкознания вызвали большой интерес в регионах России. Обычный читатель может умозаключить, что такие неодинаковые народы (к примеру, живущие в центре Европы венгры, прибалтийские финны и кочующие в Заполярье ханты-манси) вряд ли найдут когда-либо точки объединения, согласия и сотрудничества. Но современная история и здесь преподнесла неожиданные сюрпризы: ныне финно-угорский мир это не мираж, а действительно реальность. Интерес в Российской Федерации к финно-угорским языкам неуклонно повышается.

Как ни покажется парадоксальным, на русском языке до сих пор не было книги, где бы в краткой форме были даны самые основные сведения о финно-угорских языках. Общие работы энциклопедического характера выходили много лет назад, а «Основы финно-угорского языкознания» в трёх томах увидели свет уже 30 лет назад и давно стали библиографической редкостью. Между тем как научное сообщество, так и высшие учебные заведения РФ испытывают острую необходимость в подобных изданиях. Настоящая работа призвана в какой-то мере восполнить этот недостаток.

Настоящая работа выявляет системные сходства и расхождения в современных финно-угорских языках. Это направление анализа предпринимается не в качестве дескрипции ради дескрипции, а в целях более детализованного и системного представления и изучения генетически родственных финно-угорских языков. Обзор сделан на основе отбора и выделения ряда лингвистических единиц, явлений на всех уровнях языка и последовательного представления их в рамках очерков, посвященных описанию конкретных языков. Системно-сопоставительный анализ заинтересованный читатель может произвести путем совмещения сведений и лингвистических комментариев по конкретным языкам или группам языков внутри семьи финно-угорских языков. К числу обязательных пунктов для дескрипций относятся следующие: автоэтнонимы и основные аллоэтно-

нимы народов и их этимологизация, краткие сведения по диалектному разделению, по истории возникновения письменной традиции и литературных языков, составу гласных и согласных фонем, их особенностям, сведения об ударении, морфолого-типологическая характеристика языка, существительные и их категории числа, притяжательности и падежа, прилагательные и выражение ими степеней сравнения, глагол и их категории наклонения, лица-числа и времени, служебные части речи, краткие сведения о синтаксическом строе и лексике. Кроме того, в каждом очерке представлены отдельные выражения приветствия и прощания, различные пожелания, несколько коротких текстов с переводами на русский язык и списки литературы, большинство которой можно найти в российских библиотеках и использовать в дальнейшем самостоятельно. Фольклорные и литературные тексты в какой-то мере дают возможность познакомиться с духовной культурой финно-угорских народов.

Автор вполне осознает определенную неполноту материала для всестороннего сопоставительного анализа. Так, вне дескрипций остались такие части речи как местоимения, числительные и наречия, а также вся сфера словообразования. Однако в случае привлечения перечисленных выше тем общий объем книги рисковал бы вырасти до чрезмерного. Все-таки цели данной работы не связаны с задачами энциклопедического представления языков, что уже было сделано в ряде обобщающих работ отечественных и зарубежных авторов.

Подготовка настоящего издания потребовала проводить многочисленные консультации с исследователями-финно-угроведами и носителями языков. Автор выражает искреннюю признательность и сердечно благодарит за ценные сведения, комментарии и в ряде случаев переводы следующих специалистов-языковедов: кандидата филологических наук Елену Николаевну Федосееву (коми-пермяцкий материал), кандидата филологических наук Юдит Дмитриеву (венгерский язык), кандидата филологических наук Андрея Даниловича Каксина (хантыйский язык), доктора философии Людмилу Леонидовну Карпову (удмуртский язык), кандидатов филологических наук Серафиму Сергеевну Сибатрову и Людмилу Анатольевну Андрееву (марийский язык), кандидата филологических наук Нину Елисеевну Агафонову и доктора филологических наук Любовь Петровну Водясову (эрзянский язык), кандидата филологических наук Николая Степановича Алямкина (мокшанский язык), докторанта Тартуского университета Николая Кузнецова (эстон-

ский язык), профессора Марью Лейнонен (финский язык), а также других специалистов, оказывавших содействие в подготовке текста этой книги. Автор выражает особую благодарность профессору университета г. Турку Сиркке Сааринен за внимательное прочтение текста, высказанные замечания и предложенные дополнения в отношении многих рассмотренных языков.

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ

Данные о расселении и численности финно-угорских и самодийских народов целесообразно представить по более дробным генетическим группам внутри языковой семьи, т.е. по этносам, говорящим соответственно на угорских, пермских, волжских, прибалтийско-финских, саамском, а также самодийских языках.

Венгры самый многочисленный финно-угорский народ, их насчитывается 14-15 млн. человек. Они проживают в Венгрии (свыше 10 млн.), Румынии (2 млн.), в Словакии, странах бывшей Югославии, в Австрии, в Закарпатской области Украины. Многие венгры в XIX–XX вв. эмигрировали и живут в США, Канаде, Австралии, многих европейских странах. Столица Венгрии г. Будапешт. Традиционно венгры занимались сельским хозяйством, в последние века заняты и в промышленности. Однако они как кочевой народ, занимающийся коневодством, в древности сформировались в Западной Сибири и на южном Урале, затем в III–IV вв., постепенно переселяясь, пересекли Европейскую часть нынешней России и обжили места их нынешнего обитания.

Манси проживают в Ханты-Мансийском автономном округе РФ, а также живут и в Ямало-Ненецком АО и Свердловской области. В СССР в 1989 г. проживало 8 474 манси. Традиционные области жизнедеятельности: охота, рыболовство, прикладные промыслы.

Ханты большей частью живут по р. Оби и ее притокам в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, а также в Нарымском районе Томской области. Традиционные виды занятий охота, рыболовство, оленеводство, прикладные промыслы. В СССР в 1989 г. хантов насчитывалось 22 521 человек. У хантов и манси есть образованный в 1930 г. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, столица его г. Ханты-Мансийск.

Удмурты большей частью проживают на территории республики Удмуртия, а также в отдельных районах Башкортостана, Татарстана, Марий Эл, Пермской, Кировской и Свердловской областей РФ. У удмуртов выделяется особая этнографическая группа *бесермяне*. Удмурты традиционно занимаются земледелием и скотоводством, побочное значение в их жизни

занимает рыболовство и охота. Столица Республики Удмуртия г. Ижевск (удмуртское название *Ижкар*). В СССР в 1989 г. насчитывалось 746 793 удмурта.

В российской этнографии различают два народа, говорящих на одном коми языке. Большинство **коми-зырян** проживает в Республике Коми, а также в Мурманской области, Ханты-Мансийском, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, Тюменской и Омской областях. Традиционные занятия сельское хозяйство, охота и рыболовство, у северных коми-ижемцев оленеводство. Столица Республики Коми г. Сыктывкар. В 1989 г. в СССР насчитывалось 344 519 коми-зырян.

Коми-пермяки живут в Пермском крае, а также дисперсно во многих областях и республиках РФ. До 2005 г. у них было свое административное образование Коми-пермяцкий автономный округ со столицей г. Кудымкар, однако в результате проведенного референдума он вошел в состав Пермского края. Традиционные занятия коми-пермяков сельское хозяйство, у северных коми-пермяков также охота. В СССР насчитывалось 152 060 коми-пермяков. Своего государственно-административного образования коми-пермяки теперь не имеют.

Исходя из географического принципа, марийцев и мордву иногда называют волжскими финно-угорскими народами. **Марийцы** проживают в республике Марий Эл, Татарстане, Удмуртии, Башкортостане, Кировской, Нижегородской, Пермской областях. Традиционные занятия марийцев земледелие и скотоводство. Среди них выделяется четыре этнографические группы: луговые, северо-западные, восточные и горные марийцы. Столица Марий Эл г. Йошкар-Ола. В 1989 г. в СССР их насчитывалось 670 868 человек.

Мордва наиболее многочисленный российский финно-угорский этнос, она состоит из двух этнических образований мордвы-эрзи (эрзян) и мордвы-мокши (мокшан), однако у них есть осознание самих единой народностью. Мордва дисперсно проживает на обширных территориях в республике Мордовия, Самарской, Пензенской, Ульяновской, Нижегородской, Оренбургской областях, в Чувашии, Башкортостане, Татарстане, в Сибири, Казахстане. Столица Республики Мордовия г. Саранск. Традиционные занятия мордвы земледелие и скотоводство, различные промыслы. В СССР в 1989 г. насчитывалось 1 млн. 153 987 человек мордвы, в РФ к 2002 г. их число значительно сократилось, до 845 000 человек.

Финны проживают в Финляндии, Швеции, Норвегии, Ленинградской области России, а также США, Канаде, Австралии. Всего финнов около 5 млн. В СССР в 1989 г. проживало 67 359 финна, а в 2002 г. в РФ количество финнов стало 34 000. Традиционные занятия сельское хозяйство, рыболовство, они заняты в лесной и других видах промышленности. Свое государство у финнов появилось в 1917 г., столица Финляндии г. Хельсинки.

Карелы живут в Республике Карелия, в Тверской, Ленинградской, Мурманской и Новгородской областях, а также в Финляндии и Швеции. Традиционно карелы занимаются крестьянским хозяйством, побочно также рыболовством и охотой. Столица Карелии г. Петрозаводск (карельское название Petroskoi). В СССР в 1989 г. карел насчитывалось 130 929 человек, в 2002 г. в РФ их было 93 000 человек.

Вепсы не имеют своего административно-территориального образования, они живут на территории Республики Карелия, в Ленинградской и Вологодской областях. Традиционные виды хозяйства земледелие и скотоводство, а также охота и рыболовство. Если в 1989 г. в СССР насчитывалось 12 500 вепсов, то в 2002 г. в РФ зафиксировано 8 000 вепсов.

По данным переписи 1989 г., **эстонцы** проживают преимущественно в Эстонии (968 30 человек), а также в Псковской области РФ, отдельными селениями в Сибири и Дальнем Востоке, на Кавказе, а также в Швеции (18 000 человек), США (15 000 человек), Канаде (18 000 человек), Австралии (7 000 человек), Англии (2 000 человек). Количество эстонцев превышает 1 млн. человек. Традиционно это крестьянский народ, занимающийся также морским рыболовством. Столица Эстонии г. Таллин. В Российской Федерации в 2002 г. проживало 28 200 эстонцев.

Водь малочисленный народ, проживает в нескольких деревнях Кингисеппского района Ленинградской области, количество говорящих на этом языке не превышает 20-30 человек. Это в основном пожилые люди. Занимаются животноводством и земледелием. По историческим сведениям, водь была гораздо многочисленней в древние времена. Своего административного образования не имеет. В 2002 г. в России водью себя записали 73 человека.

Ижора живет в нескольких десятках деревень Кингисеппского и Ломоносовского районов Ленинградской области и соседних районах Эстонии, люди занимаются сельским хозяй-

ством. Языком владеет лишь старшее поколение. В 1989 г. ижорцев было 820 человек. Своего административного образования не имеется. В России в 2002 г. зафиксировано 400 человек ижорцев.

Ливы проживают в Латвии в прибрежных деревнях северной части Курземского полуострова у Ирбенского пролива. Основные виды хозяйственной деятельности морское рыболовство и скотоводство. Своего административного образования не имеется. В 1989 г. в СССР было 226 ливов, из которых в Латвии жило 135 человек. Количество говорящих на ливском языке не превышает 10-20 человек.

Саамы не имеют своего административного образования и живут на территории четырех стран Норвегии (27 000 человек), Швеции (17 000 человек), Финляндии (4 500 человек) и в Мурманской области России (2 000 человек). Всего саамов в мире свыше 50 000 человек. Традиционные виды хозяйствования оленеводство, охота и рыболовство.

Ненцы наиболее жизнеспособный самодийский народ, они проживают в Ненецком, Ямало-Ненецком, Таймырском (Долгано-Ненецком) автономных округах, частично в Ханты-Мансийском АО и в Мурманской области на Кольском полуострове. Общая их численность, по данным 2002 г., свыше 41 000 человек, это самый многочисленный из малочисленных народов Севера в РФ. Традиционные занятия оленеводство, охота и рыболовство.

Энцы, или по дореволюционной терминологии «енисейские самоеды», проживают в северной части Таймырского автономного округа Красноярского края в Дудинском и Усть-Енисейском районах. Традиционно они занимаются охотой, рыболовством и оленеводством. В XVIII в. их насчитывалось 3 000 человек, в 1989 г. в СССР было 209 энцев, в РФ в 2002 г. энцами себя назвали 300 человек.

Нганасаны проживают в северной части Таймырского полуострова, Дудинском и Хатангском районах, частично в Таймырском (Долгано-Ненецком АО). В 1989 г. в СССР насчитывалось 1 278 нганасан, в 2002 г. в РФ их зафиксировано меньше — 900 человек. Основные виды хозяйственной деятельности нганасан оленеводство, охота и рыболовство. Своего административного образования не имеют.

Селькупы живут в междуречье Оби и Енисея, в северной и центральной части Томской области, частично в Ямало-Ненецком АО, Туруханском районе Красноярского края. Традицион-

но селькупы охотники и рыбаки. По переписи 1989 г., в СССР насчитывалось 3 612 человек, в 2002 г. в России их 4 200 человек.

Кроме того, в исторических источниках упоминаются и ныне исчезнувшие уральские народы *меря*, *мурома* и *мещера*, говорившие на своих языках, сведения о которых сохраняются в топонимах, диалектной русской лексике, в лексике некоторых арго, летописных источниках.

Больше всего сведений сохранилось о народе **меря**. Она была известна в готских и древнерусских летописях в IX–X вв. Этот народ проживал на территории современных Ярославской, Ивановской, Костромской, на севере Владимирской, Московской, на востоке Тверской области РФ. Считается, что меря окончательно обрусела к XVII в. Мерянский язык сохраняется в субстратной топонимии, русских диалектах, в летописных источниках. К примеру, встречающиеся в Костромской области названия *Ингирь* ученые связывают с мерянским словом со значением «река», ср. современное марийское *энер* «река». Мурома проживала по берегам р. Ока, отсюда исходит и обозначение г. Муром. О ней сохранились лишь летописные сведения. Считается, что по языку мурома и мещера представляли соединительное звено между мордовским и прибалтийско-финским праязыками.

Известны также исчезнувшие самодийские народы, жившие на Саянах, в горной тайге. Это **маторцы**, **койбалы** и **камасинцы**. Последний носитель маторского языка умер, по данным М.А.Кастрена, в 1839 г., а носители камасинского языка исчезли в конце XX в. Однако большой корпус камасинских текстов учеными удалось записать, издать и исследовать. Известна точная дата смерти этого языка, в 1989 г. в возрасте 94 лет умерла последняя носительница камасинского языка Клавдия Захаровна Плотникова.

Изменения численного состава уральских народов в период с 1989 г. по 2002 г., данные взяты из статьи Сеппо Лаллукки (Lallukka 2005).

Этнос	1989 г. (по СССР)	1989 г. (по России)	2002 г. (по России)	- уменьшение + увеличение
мордва	1 153 987	1 072 900	843 350	- 229 550 (-21,4 %)
удмурты	746 793	714 800	640 028	- 74 772 (-10,5 %)
марийцы	670 868	643 700	604 298	- 39 402 (-6,1 %)
коми-зыряне	344 519	336 300	293 406	- 42 894 (-12,8 %)
коми-пермяки	152 060	147 300	125 235	- 22 065 (-15 %)
карелы	130 929	124 900	94 344	- 31 556 (- 25,3 %)
ханты	22 521	22 300	28 678	+ 6 378 (+ 28,6%)
манси	8 474	8 300	11 432	+ 3 132 (+ 37,7 %)
саамы	1 890	1 800	2 000	+ 200 (+ 10 %)
ненцы	34 200	34 200	41 302	+ 7 102 (+ 20,8 %)
селькупы	3 600	3 600	4 249	+ 649 (+ 18 %)
нганасаны	1 300	1 300	934	- 368 (- 28%)
энцы	209	209	237	+ 28 (+ 13,4 %)
вепсы	12 500	12 100	8 240	- 3 860 (- 31,9%)
водь	?	?	73	?

ВЛАДЕНИЕ ФИННО-УГОРСКИМИ НАРОДАМИ РОДНЫМИ ЯЗЫКАМИ

Основываясь на данные последней всесоюзной переписи 1989 г., уровень владения родными языками у представителей многих финно-угорских народов в разной степени снизился. Основной вопросник первой всероссийской переписи 2002 г. не содержал вопроса о том, владеет ли гражданин России родным языком и какой у него язык родной (хотя там содержались вопросы о знании гражданами России русского и иностранных языков (?!)). Поэтому нам приходится довольствоваться данными почти что 20-летней давности.

Процентный состав лиц, считающих родным языком язык своих предков, по данным всесоюзных переписей населения.

Народ	1959 г.	1989 г.	2002 г.
венгры	97,2%	93,9%	нет данных
манси	59,2%	37,1%	нет данных
ханты	77%	60,5%	нет данных
удмурты	89,1%	69,6%	нет данных
коми-зыряне	89,3%	70,4%	нет данных
коми-пермяки	87,6%	70,1%	нет данных
марийцы	95,1%	80,8%	нет данных
мордва	78,1%	67,1%	нет данных
финны	59,5%	34,6%	нет данных
карелы	71,3%	47,8%	нет данных
вепсы	46,1%	50,8%	нет данных
эстонцы	95,2%	95,5%	нет данных
водь	—	—	нет данных
ижора	37,7%	36,8%	нет данных
ливы	—	43,8%	нет данных
саамы	69,9%	42,2%	нет данных
ненцы	84,7%	77,1%	нет данных
энцы	—	45,5%	нет данных
нганасаны	93,4%	83,2%	нет данных
селькупы	50,6%	47,6%	нет данных

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Финно-угорская лингвистика как научная дисциплина постепенно сложилась в конце XVIII в. и на протяжении всего XIX в. В конце XVIII в. благодаря пионерским работам венгерских ученых Самюэля Дьярмати и Яноша Шайновича было научно доказано языковое и генетическое родство части финно-угорских языков, финского, эстонского, венгерского, саамского. В XIX в. благодаря собранному в полевых условиях крупными финскими и венгерскими лингвистами материалу был окончательно определен полный состав финно-угорских языков, Матиасом Кастреном были открыты самодийские языки, установлено их взаимное родство. Затем были опубликованы грамматики, словари, сборники текстов на уральских языках, что дало возможность исследователям подготовить первые обобщающие теоретические труды по сравнительно-историческому финно-угорскому языкознанию. Если в XVIII–XIX вв. финно-угроведением занимались в основном (за малым исключением) венгры, финны и меньше эстонцы, то в XX в. наука продвинулась в Россию, на территорию традиционного проживания большинства финно-угорских/уральских народов, и далее по всему миру. Во второй половине XX в. российские ученые начали активно исследовать также фольклор, этнографию, литературы, археологию финно-угорских народов. Таким образом, финно-угроведение из чисто лингвистической превратилось в современную мультидисциплинарную науку.

В настоящее время термины *уралистика/уральское языкознание* и *финно-угристика/финно-угорское языкознание* употребляются параллельно, часто в качестве синонимов.

Собственно изучение уральских/финно-угорских языков начинается с собирания сведений о них, об обычаях говорящих на них народов и местах обитания, их традициях и верованиях. Различные путешественники, купцы, участники военных походов издавна уже заметили языковое сходство в речи разных по месту проживания финно-угорских народов. Естественно, на этом и других основаниях появились первые догадки и утверждения о генетическом родстве отдельных финно-угорских народов. Еще викинги в ходе своих походов и торговых поездок в IX в. заметили сходства в финском и саамском языках. В 1503 г. А.С.Пикколомини в своем опубликованном труде «*Cosmographia*» отмечает родственность венгерского языка с языками Югры (на основании сходства названий *венгер* и *Югрия*). О родственности российских финно-угорских языков и народов отмечал

в своих трудах и М.В.Ломоносов. В XVIII в. попавший в плен к русским швед Ф.Й.Страленберг много лет странствовал по России и определил состав всех финно-угорских языков и составил сравнительные таблицы из 60 заглавных слов. Все подобные наблюдения строились лишь на основе сравнения отдельных лексем и не носили ещё строго научного характера. Однако эти сопоставления, тем не менее, были первыми ценными сведениями, на которых и выросла финно-угорская лингвистика. В его развития можно выделить три основных этапа: 1) этап научного определения и доказательства генетического родства ряда финно-угорских языков (XVII–XVIII вв.); 2) этап классического финно-угорского языкознания, период классической фонологии и младограмматизма (XIX, начало XX в.); 3) этап современного многостороннего исследования уральских языков на основе разных теоретических направлений (с начала XX в. по настоящее время).

1. Научное определение и доказательство генетического родства ряда финно-угорских языков стало достижением науки в XVIII в., этот век еще заслуженно называют веком рационалистов и энциклопедистов. Развитие науки происходило во всей просвещенной Европе, а в Российской империи усилия ученых были направлены на описание богатств, недр, природы и людских запасов растущей державы. В 1724 г. была основана Российская академия наук, по всем весям страны работали различные экспедиции, которые в своих многотомных отчетах фиксировали также и языковые данные. Под влиянием идей Г.Лейбница в это время стало модным составление многоязычных сопоставительных словарей и лексиконов. В России усилиями известного ученого Й.Фишера и под его руководством был составлен многоязычный словарь «*Vocabularium Sibiricum*», куда вошла и лексика многих уральских языков. Большой корпус материалов содержал «Сравнительный словарь всех языков и наречий» Петера Симона Палласа. Коллекции материалов делались очень часто языковедами-любителями. Например, Филипп Йоганн Страленберг, капитан шведской армии, попал в плен к русским войскам в битве под Полтавой, затем 13 лет жил в европейских российских провинциях, также и в Сибири. В своих записях он впервые достаточно подробно описал мордву, марийцев, коми, удмуртов, манси и хантов, обосновал родство их языков с венгерским, финским, саамским языками, в основном на материале лексики. О родстве финно-угорских языков хорошо знали и в самой России. Крупный русский ученый-энциклопедист М.В.Ломоносов в своем труде «Древняя Российская

история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года» писал следующее:

«Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лапония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собой, которые хотя и во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала. Сверх того, сильная земля Венгерская хотя от здеших чудских областей отделена великими славенскими государствами, то есть Россиею и Польшию, однако не должно сомневаться о единоплеменстве её жителей с чудью, рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Представив чудской народ в нынешнем его рассеянном состоянии и по большей части у других держав в подданстве, помыслить можно, что в соединении бывал некогда силён на свете».

Однако первые собственно научные языковедческие труды по финно-угроведению появились во второй половине XVIII в. в Венгрии, где уже в то время начался национальный подъем и интеллигенция искала свои древние корни и истоки народности, национального характера. В 1770 г. в Копенгагене на латинском языке, языке науки той эпохи, была опубликована книга венгра Яноша Шайновича «Demonstratio Idioma Ungarorum et Lapporum idem esse» (Демонстрация идентичности языков венгров и саамов), где было обосновано родство венгерского и саамского языков на основе 169 этимологий слов, в число которых автор включил также местоимения и числительные. Кстати, из выдвинутых Шайновичем этимологий 47 и теперь считаются верными.

В 1799 г. вышел из печати на латинском языке и другой труд, работа другого венгерского ученого Самьюэля Дьярмати под названием «Affinitas linguae Hungaricae cum linguis Fennicae originis grammaticae demonstrata» (Родство венгерского языка с языками финского происхождения). Врач по специальности, С. Дьярмати изучал и языки. В своей книге он сравнивает уже венгерский и саамский, эстонский и венгерский, а также удмуртский и марийский языки, и что очень важно, он сравнивает и грамматические элементы языка, различные суффиксы. Вывод автора — рассмотренные языки являются родственными. Кроме этих трудов, материал финно-угорских языков включали в свои работы также немецкие ученые. XVIII век продемонстрировал возможность научного доказательства генетического родства различных языков.

2. В течение второго этапа ученые начали систематический сбор научного материала в полевых условиях, открыли науке самодийские

языки, написали основополагающие грамматики и иные обобщающие работы по сравнительно-историческому финно-угорскому языкознанию. Первая треть XIX в. не дала ничего нового в фино-угроведении, и лишь в 30-х гг. в прямой связи с национальным подъемом в Венгрии и Финляндии начались долговременные экспедиции ученых к финно-угорским народам для сбора материала. В том отношении особенно важны заслуги финна Матиаса Александра Кастрена и венгра Антала Регули. М.А.Кастрен (1813–1852) стал первым профессором финского языка и литературы Хельсинкского университета. По заданию Российской Академии наук он в 1841–1844 гг. и в 1845–1849 гг. находится в экспедициях, объезжает огромные территории Европы и Сибири, собирает ценные материалы по хантыйскому, коми, самодийским, кетскому, тунгусскому и другим языкам. Он умер от туберкулеза в возрасте 39 лет, однако все материалы после его смерти были обработаны и опубликованы.

Антал Регули (1819–1858) учился на юриста, но в молодости увлекся идеей финно-венгерского родства и посвятил всю жизнь изучению восточных сородичей по языку, хантов и манси. Всего у обских угров А.Регули пробыл с осени 1843 по август 1845 г., почти три года. За это время он успел записать 17 000 эпических строк хантыйского фольклора и много из мансийского. Записи в большой степени носят уже исторический характер, т.е. теперь многие зафиксированные тогда произведения для современных обских угров неизвестны. После его ранней смерти последователи Регули опубликовали весь материал в пяти томах (вместе с записями Йозефа Папая).

В целом в XIX в. активно исследовали финно-угорские языки венгры П.Хунфальви, Б.Мункачи, немец по происхождению Й.Буденс, финны Э.Н.Сетяля, А.Генец, Ю.Вихман, А.Каннисто, К.Карьялайнен и другие. Из этого числа ученых можно выделить двоих — Йозефа Буденца и Э.Н.Сетяля. Первый написал обобщающие труды по фино-угроведению, этимологический словарь «Magyar-ugor összehasonlító szótár» (Сравнительный словарь угорских языков), где выводил уже общефинно-угорские архетипы, и сравнительную грамматику «Az ugor nyelvek összehasonlító alakтана» (Сравнительная морфология угорских языков). Необходимо отметить, что Й.Буденц под словом *угорские* понимал все финно-угорские языки. Э.Н.Сетяля был разносторонней личностью, лингвистом и фольклористом, впоследствии был министром иностранных дел молодой независимой Финляндии. Он оставил после себя много работ по исторической грамматике финно-угорских языков. Э.Н.Сетяля автор схемы родословного древа финно-

угорских языков, он же предложил ввести для записи текстов финно-угорскую фонетическую транскрипцию, выдвинул конкретную систему его знаков.

3. В XX в. финно-угроведение получило дальнейшее развитие в традиционных странах его становления Венгрии, Финляндии и Эстонии, к тому же возникло академическое финно-угроведение и на просторах Российской Федерации в СССР, хотя развитие науки в советской стране шло чрезвычайно трудно и противоречиво. В Венгрии активно работали Эдэн Беке (специалист в области марийского языка), Давид Фокош-Фукс (специалист в области коми языка), академик Дьёрдь Лако, Г.Барци, в Финляндии исследовали родственные языки Хейкки Паасонен (специалист в области мордовских языков), Юрьё Тойвонен, Пааво Равила, Эрkki Итконен, Тойво Лехтисало, Аулис Йоки и другие. В ряду крупных финно-угроведов появились и представители т.н. нефинно-угорских стран: Бьёрн Коллиндер из Швеции знаменит тем, что подготовил серию обобщающих научных работ по уралистике, Вольфганг Штейниц из Германии создал школу изучения обско-угорских языков, одновременно написал крупные труды по исторической фонетике, Вольфганг Шлахтер из ФРГ прославился написанием ряда работ по уральским языкам теоретического плана. Характерно, что ученые активно приступили к реконструкции фонетической системы уральского праязыка, появились первые учебно-научные работы по общему финно-угроведению:

Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. — Berlin-Leipzig, 1922;

Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe. — Helsinki, 1936;

Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. — Uppsala, 1955;

Collinder B. Survey of the Uralic Languages. — Uppsala 1957;

Collinder B. Comparative Grammar of Uralic Languages. — Stockholm, 1960.

Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). — М.: Наука, 1974.

Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. — М.: Наука, 1975.

Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. — М.: Наука, 1976.

В настоящее время из иностранных финно-угроведов наиболее известны венгры Петер Хайду, Карой Редеи, Габор Берецки, Ласло

Хонти, Янош Гуя, Янош Пустаи, финны Алхо Алхониemi, Рая Бартенс, Микко Корхонен, Пекка Саммаллахти, Юха Янхунен и другие, немцы Герт Зауэр, Вольфганг Феенкер, швед Л.-Г.Ларссон и т.д.

На территории Российской Империи в XVIII–XIX в. финно-угроведение было в зачаточном состоянии, академическое финно-угроведение возникло лишь в 1925 г. с созданием кафедры финно-угорской филологии в Ленинградском государственном университете. В царской России к нерусским народам империи отношение было резко отрицательным, государство и православная церковь проводили активную русификационную политику, что естественно сказывалось и на науке: исследовательского интереса к финно-угорским языкам практически не было. Единственным исключением был Казанский университет, где была учреждена должность профессора по финно-угорским языкам. В СССР отношение к нерусским народам и их языкам резко улучшилось: возникли национально-государственные образования, автономии. У многих финно-угорских народов появились современная письменность и литературные языки, национальные школы и печать, театры и свои общественные науки, прежде всего языкознание. Так, появились первые словари, различные учебники для школ и педучилищ, научные сборники по удмуртскому, коми, марийскому и мордовским языкам, в 30-е гг. создавались литературные языки и для ханты и манси, по самодийским языкам. В 30 гг. положение резко изменилось в худшую сторону в связи с господством т.н. нового учения о языке — марризма, который отрицал идею языкового родства и сравнительно-исторический метод в языкознании. Немногие молодые языковеды из среды финно-угорских народов России были репрессированы, научные школы распались.

Второй подъём финно-угроведения в СССР имел место с конца 40 гг., когда марризм официально был низвергнут как антинаучная теория. Основателями современного финно-угроведения в СССР/России были трое ученых — русский Дмитрий Васильевич Бубрих (1890–1949), коми-зырянин Василий Ильич Лыткин-Илля Вась (1895–1981) и эстонец Пауль Аристэ (1905–1990). Д.В.Бубрих еще в 20–30-е гг. начал собирать материал в экспедициях к различным народам, возглавил кафедру финно-угорской филологии ЛГУ, где начали обучаться представители разных народов, там же была открыта аспирантура. В 1947 г. Д.В.Бубрих в Ленинграде организовал I Всесоюзную конференцию финно-угроведов, после чего этот научный форум стал регулярным. В столицах автономий начали выходить выпуски «Вопросы финно-угроведения», в республиках и округах стали появляться новые имена ученых.

Стараниями Василия Ильича Лыткина было основано академическое финно-угроведение при Институте языкознания АН СССР, долгое время он заведовал там сектором финно-угорских языков. При секторе активно работала аспирантура. Академик АН Эстонии профессор Пауль Аристэ создал школу финно-угроведения в Эстонии при Тартуском государственном университете. Аспирантура Тартуского государственного университета в 50–90 гг. XX в. стала подлинной школой подготовки научно-педагогических кадров для финно-угорских регионов РФ и Эстонии. Именно благодаря усилиям П.Аристэ с 1965 г. в СССР, в г. Таллин издавался свой международный журнал «Советское финно-угроведение», переименованный в 1989 г. в «Linguistica uralica». В России и за рубежом широко известны имена таких крупных российских исследователей финно-угорских языков как Борис Александрович Серебренников, Клара Евгеньевна Майтинская, Ариадна Ивановна Кузнецова, Евгений Арнольдович Хелимский, Дмитрий Васильевич Цыганкин, Александр Павлович Феоктистов, Михаил Васильевич Мосин, Евдокия Ивановна Ромбандеева, Иван Васильевич Тараканов, Валей Кельмакович Кельмаков, Риф Шакрисламович Насибуллин, Иван Степанович Галкин, Лидия Петровна Васикова, Юрий Владимирович Андуганов, Николай Исанбаевич Исанбаев, Евгений Семенович Гуляев, Адольф Иванович Туркин, Евгений Александрович Игушев, Анатолий Николаевич Ракин, Евдокия Ивановна Ромбандеева и др. В 60-е гг. XX в. финно-угроведение начало становиться подлинно международной наукой, исследователи из многих стран начали собираться раз в пять лет на Международные конгрессы финно-угроведов, первый такой конгресс состоялся в 1960 г. в Будапеште, затем в 1965 г. в Хельсинки. Состоялось всего 10 конгрессов, последний был в г. Йошкар-Ола в 2005 г.

После распада СССР в новой России традиционное финно-угроведение стало усиливаться в т.н. регионально-национальных центрах (Йошкар-Оле, Ижевске, Саранске, Сыктывкаре, Петрозаводске, Ханты-Мансийске). В России не издавались научные журналы по финно-угроведению. С 1994 г. в г. Йошкар-Оле издается журнал «Финно-угроведение», однако он не включен в общероссийский каталог и считается региональным изданием. С 1994 г. восстановлена традиция организации всероссийских (бывших всесоюзных) конференций финно-угроведов, всего состоялись три такие конференции в Йошкар-Оле (1994), Саранске (2000), Сыктывкаре (2004). Четвертая всероссийская конференция финно-угроведов состоится летом 2009 г.

в г. Ханты-Мансийске. Современное финно-угроведение России поддерживается и развивается в основном на региональном уровне, практически без общероссийских мероприятий в области координации и планирования научных исследований.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

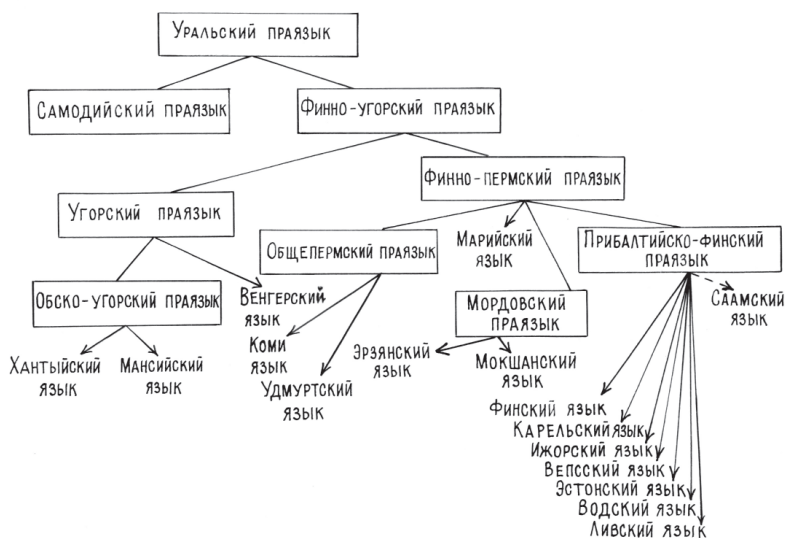
Большинство языков земного шара лингвисты объединяют в т.н. языковые семьи, всего насчитывается около 30 больших языковых семей. На территории европейских стран и в России большинство народов говорят на языках трех семей: индоевропейской, уральской и алтайской. В последнюю объединяются три подгруппы языков: тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские. Многими считается, что современные языки, входящие в эти семьи, генетически родственны и восходят к единым праязыкам или материнским древним языкам, от которых и произошли современные языки.

Праязык — гипотетическое языковое образование, обычно исторически не зафиксированное в текстах, но предположительно существовавшее в определенное время и имевшее свою структуру. Допускается, что в праязыке уже различались отдельные диалекты. Праязык обычно и реконструируют ученые. Реальность таких гипотетических праязыков доказывают сохранившиеся тексты некоторых ныне уже мёртвых праязыков, например, санскрита, латыни и старославянского языков, которые дали развитие современным индоевропейским, романским и славянским языкам. В финно-угроведении теория праязыка и генеалогического или родословного древа развилась в течение XIX в., когда в европейской лингвистике сложилось традиционное сравнительно-историческое языкознание сначала в Германии, в стенах Лейпцигского университета усилиями ученых, которые называли себя младограмматиками (от немецкого *Junggrammatiker*). Влияние индоевропейского сравнительно-исторического языкознания на финно-угроведение было очень сильным. Финно-угроведы также начали реконструировать праязык и искать территорию прародины древних уральцев, что было вызвано национальным подъёмом в Венгрии, Финляндии и Эстонии в XIX в.

Как и в индоевропеистике, в финно-угроведении была выдвинута схема родословного древа, его впервые обрисовал финский лингвист-компаративист *Эмиль Нестор Сетяля*. Затем были предложены генеалогические классификации сначала финно-угорских, затем и всех уральских языков. В ходе развития науки были выдвинуты гипотезы существования также промежуточных праязыков, языков-предков групп наиболее близких современных языков в составе уральской/финно-угорской семьи языков, например, праприбалтийско-финский, прапермский, праугорский и т.д. праязыки. Генеалогическое

древо дает картину соотношения разных подгрупп в составе языковой семьи, а также очень схематичный путь возникновения современных языков. Практически все уральские языки развились в ходе *дивергенции* языков, т.е. разделения праязыка и промежуточных праязыков сначала на диалекты, а затем и на самостоятельные языки. Естественно, в ходе языкового развития имели место и явления *конвергенции*, взаимного влияния в результате контактирования родственных языков и появления сходных особенностей, однако их достаточно трудно выявить, не имея древних исторических и текстовых документов.

Геналогическое древо финно-угорской семьи языков

Время существования и распада праязыков определяется, естественно, в достаточно широких пределах. По этому вопросу существуют разнообразные мнения, однако в настоящей работе даются две точки зрения, высказанные авторами монографии «Основы финно-угорского языкознания» 1974 г. издания и стратиграфия, данная Микко Корхоненом в своих последних трудах. Стратификация праязыковых периодов, по наиболее общепринятым мнениям, была следующей.

Праязыки	по монографии «Основы...»	по трудам М. Корхонена
уральский праязык	VI – IV тыс. до н.э.	до 4000 гг. до н.э.
финно-угорский праязык	IV – II тыс. до н.э.	4000 – 3000 гг. до н.э.
финно-пермский праязык	II тыс. – 1500 гг. до н.э.,	3000 – 2000 гг. до н.э.
финно-волжский праязык	1500 гг. – 500 гг. до н.э.	2000 – 1500 гг. до н.э.
прибалтийско-финско-саамский праязык	500 гг. до н.э. – 600 гг. н.э.	1500 гг. – 0 год. (начало нашей эры)
общепермский праязык	1500 гг. до н.э. – VIII в. н.э.	2000 – 800 гг. до н.э.
угорский праязык	II тыс. до н.э. – 500 гг. до н.э.	3000 – 1000 гг. до н.э.

Проблема древней прародины современных уральских и финно-угорских народов волновала ученых с давних пор, однако первые предположения о локализации прародины основывались на случайных фактах и романтических идеях. Так, немецкий ученый Й.Гагер на основе данных монографии Я.Шайновича поместил прародину финно-угров на берегу Северного Ледовитого океана. В начале XIX в. финский ученый М.А.Кастрен и эстонский финно-угровед Фердинанд Видеман считали, что территория древнего обитания предков уральских народов была где-то в Средней Азии и в окрестностях Саянских гор. Это романтическая точка зрения основывалась на новых на то время данных о существовании самодийских и алтайских языков и обитании говорящих на них народов в Сибири и Центральной Азии. Компаративисты того времени считали уральские и алтайские языки безусловно родственными и прародину предков их носителей локализовали в южной Сибири возле Саянских гор, в районе истоков Оби, Енисея, Иртыша.

Далее в XIX в. ученые-лингвисты при разрешении этой проблемы начали широко применять этимологические исследования, а также внедрили методы *лингвистической палеонтологии*. Этот метод впервые в языкознании применил французский ученый А.Пикте. Он заключался в применении данных исторической географии в области распространения растений и животных, с одной стороны, и общих названий

флоры и фауны, которые объединяются в единые этимологии, т.е. слова разных языков, восходящие к одним праязыковым корням, сопоставляются с данными о географической распространенности растений и животных.

Впервые этот метод применил в финно-угроведении русский ученый, зоолог-энтомолог Кёппен Федор Петрович (1833–1908). Он локализовал единую прародину для финно-угров и индоевропейцев на территории слияния рек Волги и Камы. Он исходил из того, что названия пчелы и меда в финно-угорских языках являются древними индоевропейскими заимствованиями, а также из положения о том, что в Сибири до XVIII в. ещё не было домашних пчел и люди не занимались пчеловодством.

Затем финские ученые А.Альквист, О.Доннер, Х.Паасонен и Э.Н.Сетяля пришли к выводу, что прародина финно-угров, говоривших на финно-угорском праязыке, изначально была в европейской части России, западнее Уральского хребта, на территории верховьев Камы и Волги до района поворота её на юг и прилегающих территориях. На это указывает то, что в финно-угорских языках есть слова, обозначающие мёд и пчелу, например, фин. *mesi: mete*, венгр. *méz*, к. *ma* < **mete* «мёд»; фин. *mehiläinen*, мар. *мӱкш*, удм. *муш*, кп. *мош*, кз. *малямуйи* «пчела» < **mekše*. Во всех финно-пермских языках есть названия таких широколиственных деревьев как дуб, липа и вяз, произрастающих в европейской части России. Примеры: удм., к. *нипу* «липа», мар. *ни* «лыко», фин. *niini* «лыко», саам. *ninna-badde* «лыковая ива» < **nʹiṇe*; фин. *tammi*, эст. *tamm* «дуб», мар. *тум*, удм. *ты(ны)*, к. *ту(ну)* < **toma-*.

Венгерский ученый-лингвист академик Петер Хайду в середине XX в. обобщил предыдущие исследования в области лингвистической палеонтологии и на основе данных геоботаники обосновал гипотезу о том, что прародина древних уральцев располагалась к востоку от Уральского хребта, в районе между нижней Обью и горами. Геоботаника или наука об истории распространения растений в древности оперирует данными, полученными при анализе цветочной пыльцы, которая очень долго сохраняется в различных слоях грунта и в торфяных отложениях. Территориально прародина составляла обширную по площади территорию около 300–350 тыс. кв. км., на которой с V по III тысячелетие до н.э. предположительно проживали древние уральцы. Такую локализацию П.Хайду доказывает в основном этимологиями пяти названий деревьев: ели, сибирского кедра, пихты, лиственницы и вяза. В большинстве современных финно-угорских

языков сохраняются общие по происхождению слова, обозначающие эти деревья:

1) ель — фин. *kuusi*, мар. *кож*, кз. *коз*, кп. *кӧз*, удм. *кыз*, мс. *kawt*, хант. южн. *χut*, ненец. *χādi*, сельк. *kūt* < *kose;

2) кедр — к. *сус ну*, удм. *сусыну*, мс. *tāt*, сельк. *tət* < *soksз;

3) пихта — мар. *нулго*, удм. *нылпу*, к. *ныьпу*, мс. *n'ul*, хант. север. *n'ālki*, сельк. *n'ulgo* < *n'ulkз;

4) лиственница — к. *ниа ну*, хант. *nāŋk*, мс. *n'ix* < *nāŋз;

5) вяз — фин. *salava*, эрз. *селей*, мокш. *сяли*, мар. *шол*, *шоло*, венгр. *szil* < *s'ala.

П.Хайду предполагает, что древние уральцы до их распада на две ветви прасамодийцев и прафинно-угров проживали в той зоне, где в древности соприкасались границы распространения сибирской тайги и среднеевропейских смешанных лесов. Как известно из геоботаники, после последнего ледникового периода лиственные леса, в которых произрастали дуб, липа и вяз, стали распространяться с юго-запада к северу, одновременно таежные леса, состоящие из ели, пихты и лиственницы, стали распространяться на запад через Урал. Линии распространения лесов двух типов соединились где-то около VI в. до н.э. Точка зрения П.Хайду долгое время являлась общепринятой среди ученых-уралистов, но в настоящее время по этому вопросу существует множество альтернативных теорий. В дальнейшем другой венгерский ученый Петер Вереш расширил территорию уральской прародины ещё южнее, т.к. вяз в VI–IV тысячелетия до н.э. распространился также на южной оконечности Урала.

Во второй половине XX в. финский ученый Э.Итконен, эстонский лингвист П.Аристэ прародину финно-угров расширяли до Прибалтики, считая предков прибалтийских финнов издавна заселившими территорию их нынешнего обитания, уже в III тыс. до н.э. По их мнению, прародина распространялась от Западной Сибири до Балтийского моря. Эта теория многими учеными не была поддержана, т.к. в те давние времена явно немногочисленные протоуральцы не могли формировать единую языковую среду на таких обширных территориях.

В конце XX в. финский лингвист Микко Корхонен выдвинул обновленную гипотезу о финно-угорской/уральской прародине. Он предполагает, что прауральский язык-основа имел очертания вытянутого с востока на запад узкого продолговатого языкового континуума, от Западной Сибири до района верхней Волги. Этот праязык, по М.Корхонену, разделялся на протодиалекты, из которых самые восточные стали основой развития самодийских языков, центральные

стали основой развития угорских и пермских языков, крайне западные развились в прибалтийско-финские и саамский языки, а промежуточную локацию составляли протодialeкты, послужившие основой мордовским и марийскому языкам. Между соседними диалектами и языками существовали взаимные контакты и языковые связи, однако внутренние диалекты претерпели больше инноваций, а крайне западный и восточный ареалы (и современные языки) сохраняют больше архаичных черт (Korhonen 1986 : 160). К примеру, прибалтийско-финские и самодийские языки хорошо сохранили генетив с суффиксом *-n, показатели древнего мн. числа *-t и *-j, а также на основе этих языков реконструирована праязыковая система вокализма (Э.Итконен, Ю.Янхунен).

Однако путь дивергенции от праязыка к промежуточным праязыкам и далее в самостоятельные языки не является единственной точкой зрения на развитие уральских языков. В 20–30 гг. XX в. основоположник академического советского финно-угроведения Дмитрий Васильевич Бубрих (1890–1949) отказался в своих работах от концепции праязыка и выдвинул для финно-угорских языков идею контактного развития или теорию контакта. По его мнению, в древние периоды разные по происхождению языки прошли долгий путь взаимного контактирования, что привело к появлению многих общих особенностей, которые позволяют современные уральские языки считать родственными (Керт 1975 : 70-78). Однако никаких конкретных языковых доказательств этого хода развития языков не было представлено.

Кроме вышеизложенных точек зрения, в последние десятилетия А.Кюннап из Эстонии, К.Вийк из Финляндии, Я.Пустаи из Венгрии стали выдвигать такие версии происхождения финно-угорских языков, в которых отвергаются основополагающие понятия традиционного сравнительно-исторического языкознания, такие как родословное древо, праязык, дивергенция языков. По сути дела они по-новому повторили идею, высказанную еще Д.В.Бубрихом. По их мнению, современные уральские языки приобрели свои сходные черты в результате многовекового контактирования в ходе древнего переселения протонародов из Африки через территорию Западной Европы на север и восток. По мнению А.Кюннапа, протоуральский язык представлял собой не единый праязык, а некий языковой союз (Sprachbund), а предки уральцев вообще не имели прародины. Однако эта теория не имеет прочной лингвистической доказательной базы и построена на умозрительных предположениях, недоказуемых

гипотезах и на данных других наук, например, генной микробиологии, исследованиях структуры крови и т.п. В результате дискуссий сторонников и противников этой гипотезы мнения разделились. Во время работы IX Международного конгресса финно-угроведов в эстонском городе Тарту был организован специальный симпозиум, на котором выступили поборники и противники последней теории. На основании материалов этой дискуссии можно сделать вывод, что эти «новые» теории, не предоставляя новых доказательных языковых данных, никак не опровергают эмпирических знаний и теорий традиционного сравнительно-исторического финно-угроведения, а в определенной степени усиливают их.

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Венгерский язык — родной язык венгров, самого многочисленного финно-угорского народа, общая численность которого составляет около 15 млн. человек. Сами они называют себя словом *magyar*, и соответственно венгерский язык *magyar nyelv*. Этот автоэтноним известен из записок арабских путешественников уже с X в. Слово в древности обозначало какое-то одно племя венгров и затем распространилось на обозначение всего народа. Ученые связывают основу *magy/megy* с основой этнонима *манси*, слово в древности, возможно, имело значение «человек, человек своего племени». По другому мнению, *magyar* состоит из глагольной основы *magy-* и форманта **-ar** со значением «человек», древнее значение этнонима было «говорящий, рассказывающий человек», т.е. человек своего языка. Основа слова восходит к прауральскому корню **man's'ä* «сказание», который в разных языках имеет соответствия со значением «рассказывать (сказки)», «говорить», ср. кз. *moid-ны* «сказывать сказки», кп. *модь-ны* «говорить, болтать».

В русском языке есть два наименования венгров — *мадьяр* и *венгр*. Первое наименование является адаптированным словом от *magyar*, а второй аллоэтноним *венгр*, как и лат. *hungarus*, нем. *Ungarisch*, англ. *Hungarian*, исходит от тюркско-булгарского слова *onogur* (*on* «десять» + *ogur* «стрела»), который обозначал некий союз племен. Название этого союза тюркских племен стало с V в. обозначать и древних венгров. Начальный звук *h* присоединился к началу слова позднее.

Венгерский язык имеет самый большой языковой коллектив среди уральских языков. Согласно данным переписи населения 1990 г., в Венгрии на венгерском говорит 10 млн. 142 072 венгра и 239 751 человек иных национальностей. В местах компактного проживания венгерским владеют в Австрии 70 000 человек, в Словакии 750 000 человек, Украине 220 000 человек, Румынии 2 млн. человек, Сербии 500 000 человек, Хорватии 10 000 человек, Словении 15 000 человек. Кроме того, в различных странах есть обширная венгерская диаспора, венгерским владеют 50 000 человек в Германии, 35 000 человек во Франции, 10 000 человек в Бельгии, 10 000 человек в Великобритании, 10 000 человек в Италии, 15 000 человек в Чехии, 10 000 человек в Швейцарии, 10 000 человек в Швеции, 5 000 человек в Финляндии, 5 000 человек в Нидерландах, 600 000 человек в США, 100 000 человек в Канаде, 40 000 человек в Бразилии, 10 000 человек в Аргентине, 50 000 человек в Австралии, 40 000 человек в Израиле, 5 000 человек в странах Африки.

Венгерский язык состоит из восьми диалектов, которые отличаются друг от друга в основном произношением гласных. Письменность изначально развивалась на латинице. Самый древний письменный памятник, состоящий из 190 слов связного текста, датируется XII в. Он называется «Halotti Beszéd és Könyörgés» (Надгробная речь и молитва). В конце XV в. уже пишутся крупные книги, в основном религиозного характера, т.н. кодексы. В венгерском обществе многие столетия главенствовали латинский и немецкий языки, однако уже в XVIII в. намечается национальный подъем, приведший затем в 1844 г. к утверждению парламентом Венгрии венгерского языка как государственного. В Венгрии это единственный государственный язык с максимально широким функционированием: на нем преподают в школах и вузах, управляют государством, это язык армии и полиции, на нем ставят спектакли, оперы и фильмы, язык преподаётся также во многих европейских университетах, а также и на других континентах. К классикам венгерской литературы относятся Шандор Петёфи (1823–1849), Янош Арань (1817–1882), Атила Йозеф (1905–1937), Дюла Ййеш (1902–1983), Тибор Дери (1894–1977) и др.

Фонетическая характеристика. Венгерский язык отличается достаточно большим количеством как гласных, так и согласных фонем. Выделяется 14 гласных и 25 согласных. В венгерском языке нет дифтонгов. Гласные и согласные фонемы различаются по долготе, бывают краткими и долгими. Долгота имеет фонологический статус, от того или иного произношения меняется значение слов, для сравнения, *kor* «возраст» (краткий гласный), но *kór* «болезнь» (долгий гласный), *varrni* «шить», но *várni* «ждать». Всего есть семь пар гласных по долготе: краткие *i, e, ü, ö, u, o, a* и долгие *í, é, ű, ő, ú, ó, á* (в венгерской графике их обозначают специальными буквами). По положению языка гласные делятся на переднерядные (*i – í; ü – ű; ö – ő; e – é*) и заднерядные (*o – ó; a – á; u – ú*). Разделение гласных по ряду имеет важное значение, т.к. гласные звуки произносятся по законам гармонии гласных, и многие суффиксы употребляются в составе 2-3 алломорфов, например, у существительных в местном падеже: *házban* «в доме», но *földben* «в земле», *szemben* «в глазах, напротив», у существительных в аллативе *házhoz* «к дому», *székhez* «к стулу», *földhöz* «к земле». В простых одноосновных словах исконного происхождения и древних заимствованиях, как правило, употребляются гласные или переднего, или заднего ряда, что создает на слух ощущение звуковой соразмерности или гармонии, например, *öreg* «старый», *idegen* «чужой» ↔ *álmom* «сон», *oroszlán* «лев». Гласные делятся также на

огубленные/лабиальные и неогубленные/иллабиальные. Словесное ударение динамическое, оно всегда падает на первый слог слова. В сложных словах бывает дополнительное ударение. Артикли, послелого и вспомогательные глаголы безударны.

Кратких согласных в словах исконного происхождения встречается 25 (в квадратных скобках дана орфографическая передача звука в литературном языке): *b, c, d, d'* [gy], *f, g, j, z* [dz], *z̃* [dzs], *k, l, m, n, n'* [ny], *p, r, s* [sz], *š* [s], *č* [cs], *t, t'* [ty], *v, z, z̃* [zs]. Согласные венгерского языка имеют фонологические оппозиции по звонкости-глухости, мягкости-твёрдости, есть также четыре аффрикаты. В ходе истории языка развились звонкие смычные *b, d, g*, а также фонемы *h* и *f*, которых не было в финно-угорском праязыке. По составу и качеству фонем венгерский один из самых богатых из финно-угорских языков. Как и во многих уральских языках, венгерский язык «не терпит» сочетаний согласных в начале слова, а во многих заимствованиях в анлауте появляются вставочные гласные, например, *iskola* «школа» < лат. *scola* «тж».

Морфологическая характеристика. Венгерский язык отличается сильно выраженным агглютинативным характером. Морфологические явления в системе языка занимают несущественное место. Хотя большинство грамматических значений выражают, как в целом в уральских языках, суффиксы (*álmom* 'сон' — *álmom* 'мой сон'), в венгерском развилось также немало префиксов, в основном глагольных, например, **fel-, le-, ki-, be-, meg-, át-**, у прилагательных **leg-**. В отдельных случаях глаголы употребляются с отделяемой приставкой, которая стоит обычно после финитного глагола, например, *Mivel Péter érkezett meg?* «На чем Питэр приехал?». Венгерский язык в сильной мере синтетический с некоторыми элементами аналитизма (послеложные конструкции, сочетания вспомогательного и основного глаголов, глаголы с отделяемыми приставками).

Части речи в современном языке достаточно дифференцированы, прилагательные развили свои словообразовательные суффиксы, например, *nyár* «лето», но *nyári nap* «летний день». Однако в ряде случаев проявляется праязыковая полифункциональность существительных. Так, примыкая к глаголам, существительные выполняют функцию обстоятельств, т.е. употребляются как наречия, например, *reggel* «утро», *reggel* «утром», *este* «вечер», *este* «вечером», *nap* «день», «днём», *Mi egész nap mentünk* «Мы целый день шли».

Система частей речи венгерского языка отличается от всех остальных финно-угорских языков тем, что в ходе истории языка в нем

развилась такая часть речи как артикль, и причиной этому послужило интенсивное влияние немецкого языка. Определенный артикль *a/az* развился от указательного местоимения *az* «тот», а неопределенный артикль *egy* на основе числительного *egy* «один». Примеры: *egy asztal* «какой-то стол», но *az asztal* «определенный стол», *a kis asztal* «тот маленький стол».

Как и во всех уральских языках, грамматически наиболее сложными и развитыми являются существительное и глагол. У существительных различаются формы ед. и мн. числа. Мн. число у существительных без посессивных суффиксов образует суффикс **-k**, например, *város* 'город' — *városok* 'города'; *A városok nagyok* 'Города большие'. Если же к существительным присоединяются притяжательные суффиксы, то в данном случае употребляется другой суффикс мн. числа **-i**, для сравнения: *ló* «лошадь», *lovak* «лошади», но *lovaim* «мои лошади», *lovaid* «твои лошади», *lovai* «его, её лошади». Притяжательное склонение существительных представлено большим разнообразием форм числа и посессивности. Как характерно для большинства уральских языков, формы мн. числа употребительны нечасто, слова в ед. числе могут выражать собирательную множественность, например, *virágot, gombát szedni* «собирать цветы, грибы, досл. цветок, гриб собирать». Парные предметы всегда выражаются существительными в ед. числе, например, *kéz* «рука» и «руки», *papucs* «туфли», *kés* «ножницы», *gatyá* «трусы» и т.д.

Существительные присоединяют к себе притяжательные суффиксы, которые указывают на лицо и число обладателя, посессора, например,

предмет	одного обладателя	многих обладателей
лицо		
1 лицо	<i>könyvem</i> «моя книга»	<i>könyvünk</i> «наша книга»
2 лицо	<i>könyved</i> «твоя книга»	<i>könyvetek</i> «ваша книга»
3 лицо	<i>könyve</i> «его(её) книга»	<i>könyvük</i> «их книга»

Система посессивных суффиксов в зависимости от правил гармонии гласных характеризуется алломорфами в формах мн. числа: 1 лица мн. числа **-(u)nk/(ü)nk**, 2 лица мн. числа **-tok/tek/tök**, 3 лица мн. числа **-uk/ük, -juk/jük**.

Венгерский язык характеризуется большим количеством падежей. Падежная система состоит из 23 единиц, из которых наиболее часто в речи употребляется 17. Палитра падежных значений очень широка,

вместо многих венгерских падежей в других финно-угорских языках употребляются существительные с наречиями и послеложно-именные сочетания.

Название	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	—	Кто? Что?	kéz «рука»
Аккузатив	-t (-at, -et, -öt, -ot)	Кого? Что?	kezet «руку»
Датив-генитив	-nek, -nak	Кому? Чей?	kéznek «руке»
Элатив	-ból, ból	Откуда?	kézből «из руки»
Инессив	-ben, -ban	Где?	kézben «в руке»
Иллатив	-be, -ba	Куда?	kézbe «в руку»
Делатив	-ról, ról	С поверхности чего? О чем, о ком?	kézről «с руки (взять)» «о руке (говорить)»
Суперессив	-n (-en, -ön, -on)	На поверхности чего?	kézen «на руке»
Сублатив	-re, -ra	На поверхность чего?	kézre «на руку (положить)»
Аблатив	-tól, -től	От чего? От кого?	kéztől «от руки»
Адессив	-nél, nál	Возле чего? Возле кого?	kéznel «около руки»
Аллатив	-hez, -höz, -hoz	В сторону чего, кого?	kézhez «к руке»
Терминатив	-ig	До чего? До кого?	kézig «до руки»
Темпоралис	-kor	Когда?	névnapkor «во время именин»
Формалис	-képp(en)	В качестве чего?	kézképp(en) «в качестве руки»
Эссив-формалис	-ként	Как что? В качестве кого?	kézként «как рука»

Эссив-модалис	-ül, -ul	В качестве кого, чего?	<i>kézül</i> «в качестве руки»
Транслатив-фактитив	-vé, vá	Во что? В кого? Кем стать?	<i>kézvé</i> «стать рукой»
Инструменталь-комитатив	-vel, -val	Чем? С кем?	<i>kézvel</i> «рукой»
Каузалис-финалис	-ért	Из-за или ради чего, кого?	<i>kézért</i> «ради руки»
Дистрибутив	-nként	Кому каждому? Когда?	<i>kezéenként</i> «каждой руке»
Социатив	-stül, -stul	Вместе с чем? Вместе с кем?	<i>kezesstül</i> «с рукой»
Дистрибутив-темпоралис	-nte, -nta	Когда регулярно?	<i>naponta</i> «каждый день, ежедневно»

У прилагательных венгерского языка развились свои словообразовательные форманты, например, *városi utca* «городская улица», *parti fű* «прибрежная трава». Сравнительная и превосходная степени прилагательных образуются аналитически, компаратив с помощью суффикса **-bb**, а суперлатив при помощи приставки **leg-**, например, *nagy* — *nagyobb* — *legnagyobb* «большой — больше — самый большой». Выделяется также особая усилительно-превосходная степень, которую образует приставка **leges-**, стоящая перед префиксом **leg-**, например, *sűrű* «густой» → *legeslegsűrűbb* «букв. наиболее самый густой». Показатели степеней в венгерском языке свободно присоединяются и к другим частям речи: к наречиям, местоимениям, глаголу (причастиям) и существительным, например, *ember* «человек» → *emberebb* «досл. более человек», *legemberebb* «досл. самый человек, т.е. самый человеческий», *legeslegemberebb* «досл. наиболее самый человеческий человек». В речи венгров звучит выражение *rókább a rókánál* «хитрее лисы», досл. «лисе лисы».

Числительные подразделяются на количественные, порядковые и дробные. Из порядковых супплетивные корни имеют слова *első* «первый» и *második* «второй», остальные образуются при помощи суффикса **-dik** с соединительной гласной, например, *harmadik*

«третий», *negyedik* «четвертый» и т.д. Дробные образует суффикс **-d**, например, *öt* «пять» → *ötöd* «пятая часть».

Глагол отличается очень разветвленной системой форм. Есть глаголы т.н. безиковые и иковые, т.е. с показателем **-ik** в 3 лице ед. числа настоящего времени, у которых отличается набор лично-числовых показателей. Есть также т.н. супплетивные и неправильные глаголы с различающимися формами спряжения. Выделяется три наклонения: повелительное, кондиционал-конъюнктив (условно-желательное), изъявительное. Парадигма императива в венгерском языке отличается максимальной полнотой, различаются формы для всех трёх лиц ед. и мн. числа в безобъектном и объектном спряжениях. Однако чаще всего употребительны формы 2 лица ед. числа на **-j** и мн. числа с суффиксами **-jatok/-jettek**, соответствующие формы в объектном спряжении **-d** и **-játok/jétek**. Примеры: *írj* «пиши вообще», *írd* «пиши что-то конкретное». Условно-желательное наклонение различает формы настоящего и прошедшего времен. Показателем кондиционал-конъюнктива является суффикс **-ne/na, -né/ná** в формах настоящего времени, например, *várná* «если бы он подождал (кого-то)» от *várni* «ждать». Прошедшее время в этом наклонении образуется аналитически при помощи вспомогательного глагола *volna*, который употребляется после спрягаемого глагола в форме прошедшего времени, например, *dolgozott volna* «он бы работал».

Наиболее разнообразны показатели изъявительного наклонения. Кроме правильных, выделяется ряд неправильных глаголов с различающимися от остальных глаголов лично-числовыми показателями. В языке также есть бытийный глагол-связка *van(ni)* «являться, быть», имеющий разные формы спряжения и основы в различных временах (примеры даны в формах ед. числа):

время лицо-число	настоящее	прошедшее	будущее
1 л. ед. числа	<i>vagyok</i> «я есть»	<i>voltam</i> «я был»	<i>leszek</i> «я буду»
2 л. ед. числа	<i>vagy</i> «ты есть»	<i>voltál</i> «ты был»	<i>leszel</i> «ты будешь»
3 л. ед. числа	<i>van</i> «он/она есть»	<i>volt</i> «он/а был/а»	<i>lesz</i> «он/а будет»

Глаголы спрягаются по двум типам спряжения, безобъектному и объектному. Последний тип отличается от первого тем, что действие глаголов объектного спряжения всегда переходит на определенный

прямой объект третьего лица, а глаголы безобъектного спряжения не переходят на определенный объект. Глагольные показатели различных спряжений отличаются друг от друга. Примеры даны на глагол *tudni* «знать» в безобъектном и объектном спряжениях:

Én	tudok	«я знаю (что-то, вообще)»	tudom	«я знаю (нечто конкретное)»
Te	tudsz	«ты знаешь»	tudod	«ты знаешь»
Ö	tud	«он(а) знает»	tudja	«он/а знает»
Mi	tudunk	«мы знаем»	tudjuk	«мы знаем»
Ti	tudtok	«вы знаете»	tudjátok	«вы знаете»
Ök	tudnak	«они знают»	tudják	«они знают»

Своеобразной формой объектного спряжения является суффикс **-lek/-lak**, который оформляет глаголы с субъектом действия в 1 лице ед. числа, действие которого переходит на 2 лицо ед. числа — «тебя», например, *látlak* «я вижу тебя», *akarlak* «я хочу тебя».

В угорских языках, также и в венгерском, нет специальных спрягаемых отрицательных глаголов, они исчезли в ходе истории языков. Их функции выполняет неизменяемая отрицательная частица *nem*, стоящая всегда перед глаголом, например, *Én nem sétálok* «Я не гуляю», *Te nem mész* «Ты не идешь», *Mi nem megyünk* «Мы не идем».

По составу времен венгерский язык не отличается разнообразием: выделяются три времени глагола, настоящее, будущее и прошедшее. Будущее время образуется из сочетания инфинитива и вспомогательного спрягаемого глагола *fogni*. Вспомогательный глагол может стоять как после инфинитива, так и перед ним, например, *Én ma írni fogok, holnap moziba fogok menni* «Я сегодня буду писать, завтра в кино пойду». В венгерском языке есть лишь одна форма прошедшего времени с суффиксом **-t/tt**, например, *dolgoztam* «я работал», *dolgoztál* «ты работал», *dolgozott* «он работал».

Глаголы также различаются по своей видовой или аспектуальной характеристике, многие производные приставочные глаголы выражают действие завершённое, законченное. Такие глаголы, как правило, образуются при помощи приставок **fel-, le-, ki-, be-, meg-, át-**, например, *írni* «писать» — *megírni* «написать», *élni* «жить» — *átélni* «прожить». Глаголы могут употребляться и с отделяемой приставкой, которая стоит после финитного глагола, например, *A nap perzselte le a füvet* «Солнце сожгло траву». Приставочные глаголы отличаются от бесприставочных также более специализированной семантикой, например, *menni* «идти», но *bemenni* «входить», *kimenni* «выходить».

В языке есть также инфинитные глагольные формы: инфинитив, три разряда причастий и деепричастие. Инфинитив образуется с помощью суффикса **-ni**, например, *menni* «идти», *ebédelni* «обедать», *látni* «видеть». Для инфинитива характерно употребление при нём посессивных суффиксов, указывающих на производителя действия, названного в основе, например, *Várnom kell*, *várnod kell* «Мне подождать нужно, тебе подождать нужно». Последняя особенность характерна для большинства финно-угорских языков. Различают причастие настоящего времени на **-ő, -ó** (*váró* «ожидающий»), причастие прошедшего времени с суффиксом **-t, -tt** (*tett* «сделанный»), причастие будущего времени на **-endő, -andó**, например, *a kiadandó könyv* «книга, которая будет издана». Деепричастие образуется с помощью суффикса **-ve, -va** и может выражать как незавершенное, так и завершенное действие как признак основного действия, например, *csukva* «закрывающая» и «закрыв».

Из служебных частей речи наиболее разветвленную сеть имеют различные послелогои. Специфическим для венгерского языка является функционирование артиклей, неопределенного *egy* и определенного *a, az*, например, *látok egy házat* «я вижу некий дом (какой-то)», но *látom a házat* «я вижу известный, определенный дом».

Венгерский язык соединяет традиционные особенности прауральского синтаксиса и такие синтаксические черты европейских языков как координация главных членов в предложении, сложноподчиненные и усложненные предложения. В венгерском строго соблюдаются закономерности постановки определений перед определяемым словом и несогласования при этом определений с определяемым, например, *nagy ház* «большой дом», *nagy házak* «большие дома», *nagy házakig* «до больших домов». Характерно, что определения-приложения (фамилии и имена) всегда стоят перед словами, обозначающими профессию, должность, ранг. Например, *Petőfi Sándor* — Шандор Петёфи, *Hajdú Péter* — Петер Хайду, *Kovács mérnök* — инженер Ковач, *Kis úr* — господин Киш. В русских соответствиях словопорядок обратный. По порядку компонентов в простом предложении в языке одинаково частотны порядки SOV и SVO. Примеры: *Én téged kereslek* «Я тебя ищу», *A nap okozta a hőséget* «Зной вызвал засуху». Обычно при определенном объекте выступает порядок SVO, а при неопределенном объекте SOV. В венгерском языке широко употребителен связочный глагол *van(ni)* «быть, являться», при местоимениях 1 и 2 лица он обязателен, например, *Én diák vagyok* «Я студент», *Te orvos vagy* «Ты врач». Эта особенность является синтаксически инновационной. В

настоящее время сложные предложения образуются при помощи многочисленных союзов и союзных слов, часты и усложненные сложные предложения.

Лексика современного венгерского литературного языка очень разработана, т.к. в XIX–XX вв. реформаторы венгерского языка создавали тысячи новых слов взамен заимствований и вводили их в активное употребление, например, *mozi* «кино», *zene* «музыка», *étterem* «ресторан», *csúcs* «рекорд», *forradalom* «революция», *irodalom* «литература». Основную, базовую часть лексики составляют слова общеуральские, общешинно-угорские, общеугорские. Кроме того, в течение многовековой истории венгры имели интенсивные контакты с окружающими их народами, результатом чего стало появление в языке многочисленной заимствованной лексики. Выделяются следующие пласты иноязычной лексики:

1) иранские заимствования — *tíz* «десять», *hid* «мост», *zöld* «зеленый», *asszony* «женщина», *kard* «меч, сабля», *hús* «мясо»;

2) болгаро-тюркские заимствования — *sarló* «серп», *szél* «ветер», *alma* «яблоко», *gyümölcs* «фрукты», *sátor* «палатка», *búza* «пшеница» и др.;

3) османо-турецкие заимствования — *kávè* «кофе», *findzsa* «кружка», *kajszi* «абрикос», *kefe* «щётка», *papucs* «тапочки»;

4) славянские заимствования — *pénz* «деньги», *len* «лён», *rozsa* «рожь», *barázda* «борозда», *kovács* «кузнец», *vödör* «ведро», *család* «семья», *unoka* «внук», *ablak* «окно», *asztal* «стол», *ebéd* «обед», *udvar* «двор», *barát* «товарищ», *gatyá* «брюки», *csuka* «щука», *medve* «медведь», *szerdá* «среда»;

5) немецкие заимствования — *dáma* «дама», *gróf* «граф», *lakáj* «лакей», *céh* «цех», *pisztoly* «пистолет», *cél* «цель», *pont* «пункт», *borbély* «цирюльник», *erkély* «балкон»;

6) латинские заимствования — *angyal* «ангел», *kántor* «кантор (певчий хор в католической церкви)», *templom* «храм», *iskola* «школа», *elefánt* «слон», *tigris* «тигр», *diéta* «диета», *patika* «аптека», *doctor* «доктор»;

7) итальянские заимствования — *narancs* «апельсин», *mandula* «миндаль», *bandita* «бандит», *makaróni* «макарон», *szekrény* «шкаф»;

8) английские заимствования — *klub* «клуб», *dzsessz* «джаз», *meccs* «матч», *juice* [dzsúsz] «сок», *O.K.* [oké] «о'кей». Как показывает облик двух последних лексем, в английских заимствованиях последнего времени сохраняется правописание слов в языке-источнике. В венгерском языке есть также французские и румынские заимствованные слова.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

<i>Szia! Szervusztok!</i>	Привет! (к одному) Здравствуйте!
<i>Csókolom a kezét!</i>	Целую ваши руки! (приветствие юноши, мужчины к женщине, девушке).
<i>Jó reggelt (kívánok)!</i>	Доброе утро!
<i>Jó napot (kívánok)!</i>	Добрый день!
<i>Jó estét (kívánok)!</i>	Добрый вечер!
<i>Jó éjszakát!</i>	Спокойной ночи!
<i>Jó utat (kívánok)!</i>	Доброго пути!
<i>Jó étvágyat (kívánok)!</i>	Приятного аппетита!
<i>Egészségünkre!</i>	За здоровье! (тост)
<i>Sok szerencsét!</i>	Желаю счастья!
<i>Isten hozta!</i>	Добро пожаловать! (досл. Бог привёл [вас сюда])
<i>Viszontlátásra! Szervusztok!</i>	До свиданья!
<i>A nevem Fodor.</i>	Моё имя Фодор.
<i>Szeretlek!</i>	Я люблю тебя!
<i>Köszönöm szépen!</i>	Большое спасибо! (досл. благодарю красиво)
<i>1) Kérem, 2) Tessék</i>	1) Пожалуйста = прошу, 2) Пожалуйста = возьмите.
<i>Igen. — Nem.</i>	Да. — Нет.

ТЕКСТЫ

Egy — megérett a meggy,	Один — созрела вишня,
Kettő — csipkebokor vessző,	Два — шиповника лоза,
Három — te vagy az én párom,	Три — ты моя пара,
Négy — megcsipett a légy,	Четыре — укусила муха,
Öt — meghasadt a tök,	Пять — треснула тыква,
Hat — meghasadt a pad,	Шесть — треснула скамейка,
Hét — zsömlét süt a pék,	Семь — пекарь булку печет,
Nyolc — leszakadt a polc,	Восемь — сорвалась полка,
Kilenc — kis Ferenc,	Девять — маленький Ференц,
Tíz, tíz, tiszta víz,	Десять, десять — чистая вода,
Ha nem tiszta, vidd vissza,	Если не чиста, неси обратно,
Majd a csacsi megissza.	Позже ослик выпьет.

GERENCSÉRI UTSA

Gerencséri utca,
Végig piros rózsa.
Szállj le, kocsis, | 2 szer
Az ülésről, |
Szakajts egyet róla.

Le is szakajtottam,
El is hervasztottam | 2 szer
Gerencséri leányokból |
Egyet választottam.

УЛИЦА с. ГЕРЕНЧЕР

Улица с. Геренчер,
До конца (её) красные розы.
Спрыгни, кучер,
С облучка,
Сорви одну оттуда.

Я уже сорвал,
Уже сделал её сухой
Из числа девушек с. Геренчер
Одну уже выбрал.

TAVASZI SZÉL VIZET ÁRASZT

Tavaszi szél vizet áraszt, virágom, virágom,
Minden madár társat választ, virágom, virágom.

Hát én immár kit válasszak, virágom, virágom,
Te engemet s én tégedet, virágom, virágom.

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР НЕСЁТ НАВОДНЕНИЕ

Весенний ветер несет наводнение, цветочек, мой цветочек
Каждая птица выбирает [себе] пару, цветочек, мой цветочек.

Кого же я выберу теперь, цветочек, мой цветочек,
Ты меня и я тебя, цветочек, мой цветочек.

Литература

Деак Ш. Учебник венгерского языка. Т. I-III. — Будапешт: Танкёньвкиадо, 1972.

Дмитриева Ю. Практический курс венгерского языка (учебник для начинающих). — Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2007.

Вавра К. Венгерский язык. Учебник для начинающих. — М., 2004.

Венгерско-русский словарь: 40 000 слов / Под общей ред. Л.Гальди. — М., Будапешт: Изд-во АН Венгрии, 1987.

Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. I-III. — М.: Изд-во АН СССР, 1955-1960.

Матаи Д.Мария Краткая история венгерского языка / Пер. с венг. Н.Н.Колпаковой. — СПб.: СПбГУ, 2004.

Микушев П.А. Современный венгерский литературный язык: Учебное пособие. Ч. I, II. — Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1999, 2000.

Csüi Э. Курс венгерского языка. — Будапешт: Танкёньвкиадо, 1981.

Csúcs S. Unkarin alkeet. — Turku, 1991.

Csúcs S., Varga J. Mondd magyarul! Unkarin alkeet. — Turku, 2005.

Somos B., Mezei L., Békéssy G. 1000 szó magyarul. Jegyzet a magyar nyelv és beszéd tanulásához kezdőknek. — Budapest: Tankönyvkiadó, 1989.

ОБСКО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

В эту подгруппу входят близкородственные мансийский и хантыйский языки. Хотя оба языка в древности выделились из единого обско-угорского праязыка, современные ханты и манси между собой общаются уже на русском, т.к. языки отошли друг от друга слишком далеко. Тем не менее, ханты и манси как народы многое объединяет, прежде всего общность исторических судеб, практически одно традиционное хозяйство, схожие мифология, фольклор, верования, обряды, прикладное искусство, быт. К примеру, у манси и хантов сохраняется культ медведя и связанные с ним обрядовые праздники, а также языческая вера. Близость языков обусловлена как сохранением общеуральских и общеугорских языковых особенностей, так и появлением и развитием схожих черт лишь в обско-угорских языках. К числу общеобско-угорских языковых особенностей относятся широкое использование двойст. числа, развитие в языках приставок, употребление пассива глагола во всех лицах, однотипные системы объектного спряжения, лексические схождения в области оленеводства. Как мансийский язык (правда, уже в прошлом), так и хантыйский характеризуются большой диалектной раздробленностью.

МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК

Мансийский язык — родной язык народа манси, которые этим автоэтнонимом (самоназванием) называют себя. Ученые предполагают, что корень слова восходит к древнему названию рода *mōs'*, *mōn's'a* и является родственным к самоназванию венгров *magyar*. Устаревшим аллоэтнонимом у манси в русской речи были слова *вогул*, *вогулы*, известные в исторических документах с 1396-1397 гг. Слово образовано от названия р. Вогулка, что в свою очередь исходит от мансийского слова *wōl'-jā*, где *wōl* «плес» и *jā* «река». Вероятно, сначала словом *вогулы* называли манси, проживающих по этой реке, а затем наименование распространилось и на весь народ. В зарубежной научной литературе названный этноним сохраняет свое употребление, например, в немецком языке *Wogulisch*, английском *Vogul*, венгерском *vogul*, финском раньше *voguli*, в настоящее время *mansi*. Манси своих соседей именуют следующими этнонимами: русских *русь*, коми *саран*, татар *хатань*, ненцев *ёрн*. Коми традиционно называют манси (как и ханты) словом *йögera*. Этот этноним из коми языка заимствовали русские в форме *югра*, затем слово стало обозначать местожительство хантов и манси в Зауралье, оно встречается в русских летописях с XI–XII вв. В настоящее время это название включено в наименование *Ханты-мансийский автономный округ-Югра*.

По классификации Б.Мункачи, в мансийском языке в XIX в. выделялись четыре наречия или диалектные группы: северная, южная, западная, восточная. В настоящее время носители южного, западного и восточного наречия уже практически ассимилировались с окружающим русским и татарским населением, живой язык устойчиво сохраняется лишь в северной группе диалектов. В XIX в. были сделаны записи фольклорной и диалектологической речи манси на латинской графике видными финно-угроведами венграми Анталом Регули, Бернатом Мункачи и финном Арттури Каннисто. Своя письменность у манси появилась в XX в. в 1932 г. на основе среднесосьвинского диалекта сначала на латинице. Правила орфографии разработал В.Н.Чернецов, алфавит состоял из 34 букв. В 1932 г. издан первый букварь, затем выпуск литературы увеличился. В 1938 г. латиница была заменена кириллицей с добавлением некоторых дополнительных букв для обозначения долгих гласных и специфического зяднеязычного носового *η* — графему *η*. В настоящее время на мансийском языке издаются художественные и учебные книги, переводится Библия, ведутся радио- и телепередачи, с 1989 г. издается окружная газета

«Лӯимā с̄рипос» (Северная заря). Мансийский язык преподают в школах округа, студентам Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск) и Санкт-Петербургского педагогического университета им. А.Герцена. В XX в. появилась мансийская художественная литература. Первой писательницей из манси была Марфа Баландина (Вахрушева) (1918–2002). Среди писателей общесоюзную и международную известность получил ныне классик мансийской литературы Юван Шесталов (1937), в последнее время активно пишет поэтесса Светлана Динисламова (1960).

Фонетическая характеристика. Состав гласных мансийского языка включает 12 фонем, все гласные делятся на краткие и долгие. Они образуют шесть пар: краткие *и, э, ы, а, у, о* и их долгие соответствия *ī, ē, bī, ā, ū, ō*. Различение гласных по долготе имеет фонологический характер, т.е. несет смыслоразличительную функцию, ср. *суй* «звук» — *сӯй* «бор», *пос* «свет» — *пōс* «знак». Различаются переднерядные гласные *и, э*, среднерядный *ы* и заднерядные *а, о, у* и их соответствующие долгие корреляты. Гармония гласных в языке отсутствует. Согласных фонем в языке немного, как и в реконструируемом уральском праязыке. В языке нет звонких смычных, отсутствуют также аффрикаты. Всего насчитывается 17 согласных: *п, т, т', к, с, с', в, й, з [ʏ], х [χ], в, н, н', ʏ [η], л, л', р*. В их числе есть мягкие, палатальные согласные *с', т', н', л', й*. Специфическими согласными являются веларный (заднеязычный) носовой согласный *ʏ [ŋ]*, не употребляющийся в начале слова, например, *наʏ* «ты», *лāтыʏ* «язык», *кустуʏкве* «хотеть». Как и во многих уральских языках, в начале исконных слов сочетания согласных не встречаются, например, *хум* «муж», *нёл* «нос», *ас* «дыра», *лов* «десять», *тус* «борода, усы». В заимствованных словах сочетания согласных в начале слов мансийский язык часто не принимает. Так, русское *стакан* в мансийском языке подвергается фонетической адаптации в форме *истакан*, то же явление в слове *искола* от рус. *школа*. Однако в середине и конце слов подобные сочетания очень характерны, например, *олн* «деньги», *охсар* «лиса», *йшлпн* «новый», *āмп* «собака», *вильт* «лицо», *таквс* «осень».

Ударение в мансийском языке динамическое, силовое и всегда падает на первый слог слова. В языке есть множество односложных слов (*ам* «я», *тып* «ива», *тын* «цена», *кол* «дом»), однако употребляются и многосложные слова, обычно это глаголы, например, *ворасьлахтмыгтаʏкве* «заспорить», *хорамтāлынглаʏкве* «украшать». Такая особенность характерна также и для других родственных языков, особенно для венгерского и пермских. В заимствованных словах в речи

современных манси могут встречаться и иные согласные, звонкие *б, г, д, ж*, а также *ф, ц, ш, ч*.

Морфологическая характеристика. Строй мансийского языка устойчиво агглютинативный, хотя иногда и наблюдаются случаи чередования гласных в основе у глаголов, например, *миңкве* «дать» но *маен* [*tajen*] «дай»; *йиңкве* «идти», но *яен* [*jajen*] «иди». При словоизменении суффиксы образуют цепочки формантов, у существительных морфопорядок следующий: основа + числовой суффикс + посессивный суффикс + падежный суффикс. Пример: *xān* 'лодка' — *xān-ум-н* «в мою одну лодку», *xāna-г-ум-н* «в мои две лодки», *xān-ан-ум-н* «в мои лодки (больше двух)». В глагольном слове морфопорядок следующий: основа + залоговый суффикс + показатель времени + лично-числовой суффикс. Мансийский язык преимущественно суффиксальный, однако в ходе истории языка у глагола развилась сеть префиксов или приставок, таких как *хот-*, *лап-*, *э́л-*, *ё́л-*, *нб́х-*, *юв-*, *кон-*. Кроме конкретных семантических нюансов, большинство приставок вносит в значение глаголов аспектуальную сему завершенности, результативности, например, *виңкве* «брать, взять», но *хот-виңкве* «убрать», *сэ́грапаңкве* «наносить удар», но *ё́л-сэ́грапаңкве* «срубить». Приставки в языке пишутся через дефис, однако они могут быть и одиночными, отделенными от глагола другими словами.

Части речи мансийского языка вполне дифференцированы, однако есть случаи, когда наблюдаются случаи их неразграничения. Как и во многих других уральских языках, мансийские существительные семантически многозначны, они могут обозначать и признак стоящего после него другого существительного, выступать в функции прилагательного, например, *вор кол* «лесная избушка, досл. лес изба», *нэ маснут* «женская одежда, досл. женщина одежда». Е.И.Ромбандеева в некоторых последних работах выделяет в языке такую часть речи как артикли, к примеру, определенный *ань* и неопределенный *акв*, однако эта точка зрения не носит общепринятый характер.

У существительного выделяются категории числа, посессивности и падежа. В языке различаются формы ед., двойст. на -г и мн. числа с суффиксом -т. Примеры: *nārt* «доска» — *nārtыг* «две доски» — *nārtыт* «доски (больше двух)»; *āna* «люлька» — *ānaг* «две люльки» — *ānat* «люльки». Формы ед. числа употребительны широко, к примеру, существительные, обозначающие парные части тела, имеют форму ед. числа, например, *kāt* «рука» и «руки», ср. *lāgyл-нал* «одна нога, досл. половина ноги», *sām-нал* «один глаз, досл., половина глаза». В языке нет существительных *pluralia tantum*, парные предметы обозначаются

словами в ед. числе, например, *самкерыг* «очки, букв. железо для глаза», *кёркат* «клещи, букв. железная рука». Суффиксом двойст. числа является **-г**, который может присоединяться и к двум стоящим рядом существительным, например, *эваг ойкаг* «жена (двое) и муж (двое) = муж и жена, супруги». Двойст. число охватывает, кроме существительных, также системы глагола и местоимения, их двойст. число выражается своеобразными местоимениями, посессивными и глагольно-именными суффиксами. Система личных местоимений имеет следующий вид:

<i>ам</i> «я»	<i>мён</i> «мы двое, вдвоём»	<i>ман</i> «мы многие, больше двух»
<i>нац</i> «ты»	<i>нэн</i> «вы двое, вдвоем»	<i>нан</i> «вы многие, больше двух»
<i>тав</i> «он, она»	<i>тэн</i> «они двое, вдвоем»	<i>тэн</i> «они многие, больше двух»

Широко употребительны в мансийском языке притяжательные суффиксы, из которых формы 1 и 2 лица совпадают с лично-числовыми глагольными суффиксами безобъектного спряжения, для сравнения, *минэгу* «я иду, пойду» и *колу* «мой дом». Посессивные суффиксы обозначают посессора (обладателя) в ед., двойст. и мн. числах, система притяжательных формантов состоит из девяти единиц, причем в формах 2 лица употребителен один и тот же формант **-н**.

Обладатель	в ед. числе	в двойст. числе	во мн. числе
1 лица	<i>сāлым</i> «мой олень»	<i>сāлымён</i> «наш (у двоих) олень»	<i>сāлымюв</i> «наш олень (у многих)»
2 лица	<i>сāлын</i> «твой олень»	<i>сāлын</i> «ваш (у двоих) олень»	<i>сāлын</i> «ваш олень (у многих)»
3 лица	<i>сāлытэ</i> «его, её олень»	<i>сāлытэн</i> «их (у двоих) олень»	<i>сāлыяныл</i> «их олень (у многих)»

Падежей в мансийском языке шесть, т.е. относительно немного по сравнению с иными финно-угорскими языками: различаются номинатив, направительный (латив-датив) на **-н**, аблатив на **-ныл**, местный (инессив) на **-т**, творительно-совместный на **-л** и транслатив на **-г**.

Название	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	Ø	Кто? Что?	хāп «лодка»
Латив-датив	-н	Куда? Кому?	хāпн «в лодку»
Инессив	-т	Где?	хāпт «в лодке»
Элатив	-ныл	Откуда?	хāпныл «из лодки»
Инструменталь	-л	Чем? Кем?	хāпыл «лодкой»
Транслатив	-г	Кем был? Чем стал?	хāпг «лодкой (стал)»

Прилагательные в мансийском языке имеют множество словообразовательных суффиксов и является вполне сформировавшейся частью речи. Они, употребляясь всегда в препозиции к определяемому слову, примыкают к нему и не изменяются, не согласуются с определяемым словом, например, *хуриң аги* «красивая девушка», *хуриң агит* «красивые девушки», *хуриң агин* «красивой девушке». Форма сравнительной степени образуется при помощи суффикса **-нуб(е)**, например, *яныг* «большой», *яныгнуб(е)* «больше». Превосходная степень прилагательных образуется аналитически, сочетанием наречия *сака* «очень» и стоящего после него прилагательного: *яныг* «сильный», *сака яныг* «самый сильный».

В мансийском языке глагол, так же как в хантыйском и коми, отличается бедностью наклонений: различаются формы изъявительного наклонения (лично-числовая суффиксация) и повелительного наклонения. Императив имеет специфические показатели лишь для глаголов 2 лица в ед., двойств. и мн. числах, например, *наң тот-эн* «ты вези», *нЭн тот-Эн* «вы двое везите», *нāн тот-Эн* «вы многие везите». Для глаголов в объектном спряжении система форм состоит из 9 показателей, различаются глагольные формы 2 лица в ед., двойств. и мн. числе, причем действие глагола может переходить на конкретный объект также в ед., двойств. и мн. числах, например, *наң тот-Эн* «ты вези его», *наң тот-Эн* «ты вези их двоих», *наң тот-Эн* «ты вези их многих» и т.д.

Глагол отличается сложной лично-числовой суффиксацией, система лично-числовых показателей включает 36 форм в безобъектном и объектном спряжениях. Суффиксы лица-числа выражают производителя действия 1, 2, 3 лица в ед., двойств. и мн. числах. Различаются два вида спряжения — безобъектное и объектное. Примеры на безобъектное спряжение с глаголом *минуңкве* «идти».

лицо / число	ед. число	двойст. число	мн. число
1 лицо	мин̄гум «я иду»	миным̄ен «мы вдвоем идем»	мин̄в «мы многие идем»
2 лицо	мин̄гын «ты идешь»	минэг̄ын «вы вдвоем идете»	минэг̄ын «вы многие идете»
3 лицо	мины «он идет»	мин̄г «они вдвоем идут»	мин̄гыт «они многие идут»

Как и в системе посессивных суффиксов, личные показатели во 2 лице практически одинаковы, они отличаются лишь долготой огласовки суффикса. Отрицательные глагольные формы в мансийском языке регулярно образуются при помощи отрицательной частицы *ам*, которая всегда стоит перед спрягаемым глаголом: *Лув л̄бли* «Лошадь стоит» — *Лув ам л̄бли* «Лошадь не стоит», *Тав руниты* «Он(а) работает» — *Тав ам руниты* «Он(а) не работает».

Система объектного спряжения в обско-угорских языках сложнее, чем в венгерском языке. Лично-числовые показатели объектного спряжения указывают на лицо и число как субъекта, так и прямого объекта действия, полная система глагольных форм этого вида спряжения включает 27 показателей. В целях экономии места приведем лишь показатели глаголов 1 лица от глагола *тот-ӯкве* «нести» в настоящем времени (всего 9 формантов).

объект в	ед. числе	двойст. числе	мн. числе
1 лицо в ед. числе <i>ам</i> «я»	тот̄блум «я несу нечто одно»	тотыягум «я несу нечто два»	тотыянуум «я несу нечто много (больше чем два)»
1 лицо в дв. числе <i>наң</i> «я и ты»	тотылам̄ен «мы вдвоем несем нечто одно»	тотыягм̄ен «мы вдвоем несем нечто два»	тотыянм̄ен «мы вдвоем несем нечто много (больше чем два)»
1 лицо во мн. числе <i>тав</i> «мы многие»	тотылув «мы многие несем нечто одно»	тотыягув «мы многие несем нечто два»	тотыянув «мы многие несем нечто много (больше чем два)»

Выделяются три времени глагола, настоящее, прошедшее с суффиксом **-с** и будущее, которое образуется аналитически, при помощи неизменяемого вспомогательного глагола *такс*, стоящего после спрягаемого, например, *тот-эг-ум такс* «я привезу».

Характерной особенностью обско-угорских языков (и мансийского, в частности) является наличие своеобразного пассива, страдательного залога, который имеет показатели во всех трех лицах, временах, числах, например, *тот-аве-м* «я везом, т.е. меня везут», *тот-аве-н* «ты везом, т.е. тебя везут», *тот-аве* «он(а) везом(а), т.е. его (её) везут» и т.д. Отличительной особенностью является и то, что суффиксы страдательного залога свободно могут принимать и непереходные глаголы.

Своеобразным явлением мансийского языка является свободное употребление при глаголах уменьшительных суффиксов существительных **-кве** и **-рись**, которые привносят модальное значение сожаления в глагольную семантику, например, *мини-рись* «жаль, он/а уходит» (производитель действия вызывает жалость у слушателя).

Инфинитные формы глагола употребительны в функциях придаточных предложений. Различают один вид инфинитива на – **н̄кве**, например, *Анум эри минӯнкве* «Мне надо идти». Два разряда причастий различаются по выражению времени: есть причастие настоящего времени с суффиксом **-н**, например, *с̄хвхатн лув* «лягающая лошадь», и причастия прошедшего времени на **-м**: *п̄хтум х̄ап* «причалившая лодка». Характерно то, что причастия могут выражать как активное, так и пассивное значения действия. Деспричастий также два разряда — с суффиксами **-им** и **-нэ**.

Отношения между знаменательными словами выражаются с помощью разветвленной сети послелогов, которые широко употребительны и выражают самые разнообразные значения. Существительные при послелогах стоят в номинативе, например, *Сулипут пасан тармыл унли* «Кувшин на столе стоит».

Синтаксический строй мансийского языка сохраняет много особенностей реконструируемого прауральского синтаксиса: в языке определения всегда стоят перед определяемым словом, сказуемое стоит после группы подлежащего (*п̄ля сов* «овечья шерсть», досл. овца шерсть; *Х̄ап мини* «Лодка плывет, букв. идет»), в простом предложении главенствует словопорядок SOV с глаголом-сказуемым в конце предложения, дополнения стоят перед замыкающим предложением глаголом, например, *Пыгрись мойт ловиньти* «Девочка сказку читает», *Этипалаг ам клубн минэгум* «Вечером я в клуб пойду».

Определения всегда примыкают к определяемым словам (*яны касай* «большой нож» — *яны касайг* «два больших ножа» — *яны касайт* «большие ножи»), однако в функции сказуемого прилагательные координируются со словом-подлежащим в числе, например, *Ты касайг янгыг* «Эти два ножа большие», *Ты касайт янгыт* «Эти ножи большие (больше двух)». Отличительной чертой мансийского языка являются т.н. *habeo*-конструкции индо-европейского типа, образующиеся при помощи глагола *бньсюнкве* «иметь», например, *Хум амь бньси* «Мужчина оленя имеет». Традиционно мансийский язык характеризовался лишь бессоюзными сложными предложениями, однако в настоящее время под влиянием русского языка в языке учащаются сложные предложения с союзной связью между компонентами. Некоторые союзы заимствованы из соседних языков, к примеру, условный союз *ке* из коми языка (ср. к. *кӧ* «если»), соединительный союз *и* из русского языка. Особенно часто сложные предложения употребляются в речи молодежи.

Лексика языка, формировавшаяся в течение многих столетий, особенно разнообразна для выражения реалий традиционного хозяйственного уклада жизни манси и окружающей их природы. Так, существует семь слов для обозначения различного вида болот: *кӕлыг* «болото, покрытое водой», *янкыл* «болото с чахлым лесом», *хоме* «торфяное болото с мхом и ягелем», *нӕр* «кочковатое болото с мелким кустарником», *сями* «топь», *хамал* «бугристое болото с мелким лесом», *хори* «низина с мелким лесом у реки». Наиболее древним пластом заимствованной лексики являются индо-иранские заимствования, не более 20 слов, например, *вӧт* «ветер», *кӕр* «железо». Достаточно много слов в мансийский проникло из татарского языка, например, *тик* «бык», *сӧламт* «каша», *хӧн* «царь», *хӧсах* «казак», *ампар* «амбар». Манси длительное время контактировали с соседями-коми, из языка которых в мансийский перешло свыше 350 слов, охватывающих многие отрасли хозяйства, быта и культуры, например, *ӕснас* «окно», *туман* «замок», *пасан* «стол», *мис* «корова», *пӕрысь* «свинья», *инар* «седло», *туйт* «сани», *нӕнь* «хлеб», *ярмак* «шӕлк», *писаль* «ружье», *кӕр* «печь», *мӕйтак* «мыло», *тын* «цена» *сӧт* «счастье» и др. В мансийском языке есть также заимствования из самодийских и множество слов, перешедших из русского языка, например, *кирпась* «кирпич», *кина* «кино», *библиотӕка* «библиотека», *коза* «коза», *урок*, *фильм* и др. Заслуживает внимания большие словообразовательные возможности мансийского языка, особенно при обозначении новых для

народа реалий, например, *товлыҕхāп* «самолет, досл. летучая лодка», *нāиҕхāп* «пароход, досл. огненная лодка», *нāиҕтуйт* «поезд, досл. огненные сани».

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

<i>Пася б̄лэн!</i>	Здравствуй! Привет!
<i>Пася, пася!</i>	Здравствуй! (ответ на приветствие)
<i>Ёмас āлтыл!</i>	Доброе утро!
<i>Ёмас х̄отал!</i>	Добрый день!
<i>Ёмас Этинāла!</i>	Добрый вечер!
<i>Ам намум Юван.</i>	Моё имя Юван. = Иван
<i>Ам маньси латныл потыртегум.</i>	Я на мансийском языке говорю.
<i>Ос ёмас б̄лэн!</i>	До свидания! (досл. Живи хорошо!)
<i>Ос ёмас ӯлум!</i>	Спокойной ночи! (досл. Хороших снов!)
<i>Пумасина!</i>	Спасибо!
<i>Пус кат, пус лāгыл!</i>	Доброго вам здоровья! Доброго пути! (досл. Здоровую руку, здоровую ногу!)
<i>А-а! Да!</i>	<i>А̄ти! Нет!</i>

ТЕКСТЫ

ЛЁМВОЙ ЭРЫГ

Пан-панрись, панн-панн
Ам лёмвоиг б̄лэгум,
Товлагум осьсяг,
Лāгланум хосат,
Нёлум п̄лп.

Ам нэматырныл ат пилэгум,
Пуссын āнумныл пилэгыг.
Ўй-к̄лп а̄гум,
Элмхлас к̄лп а̄гум.

ПЕСНЯ КОМАРА

Пан-панрись, панн-панн
Я комар, досл. я комаром живу,
Оба мои крыла длинные,
Обе мои ноги длинные,
Мой нос остр.

Я ничего не боюсь
Все меня боятся.
Животных кровь пью,
Человека кровь пью.

Сәт туманың тотап тывырт отыр ялты. — Ты пәквсам.
В сундуке с семью замками богатырь растёт. — Это орех.

Сэрыг вöрыг сәмт бйка олн ловиньтым уңлы. — Та пупаквё пил ваты.
В глухом углу дикого леса сидит мужчина и деньги считает. — Это медведь ягоды ест.

Нила нё акв асна хуньшёгыт. — Ты мис шаквыт акв кывырна посавет.
Четыре женщины в одну дыру мочатся. — Это коровьи соски в одну посуду выдаивают.

Сахтал хум сәт я талих хёлты. — Ты хәп.
Стройный изящный мужчина семь речных верховьев пройдет. — Это лодка.

Нёлың, палиң кит мәнқвла. — Ты пәссаг мәгыс амщаве.
Носастые, ушастые две совы. — Это про варежки загадка.

ПАКВ ПОСЫ ВОЙКАН ОТЫР МӨЙТ

Пакв посы войкан отыр олы. Тав эква оңси. Экватэ Русь отыр усныл олы. Русь отыр ағи. Тав, Пакв посы войкан отыр ягып оңси. Каңк бйкатэ олы. Каңк бйкат оңси сәт пбг, такви нёлловитхумыг ёмты. Пакв посы войкан тыр акв пбг туп катын паттысыг Экватэнт. Русь ағи сне ёхты тыг, касың хөтал лёңкты: «Наң аквбйкан касилтэлын, Асын вос ялы, унс хул тэңкве, супыг хул тэңкве». «Тот Русь отырн тах тотаве». «Вармаль ағи, тот тотаве ман ат тотаве». Пакв посы войкан отыр хөтыл ёмыгтым яласы. Этйпалаг юв ёхты. Пасан нётэ варнэтэ. Товлың уй, ләглың уй хансаң пасанакве. Тув та пасанын унттаве мохса хул аныт, супыг хул аныт. «Мәнй титыг, маныр мохсаң хул алнэ мән, супыг хул алнэ мән ялуңкве ке?» «Хе, ам асюм ат ялыглас, бпарисюм ат ялыглас, сянюм ат ялыглас, ам манарум тот тинсёгум. Ягыпгум бйка ат ялантас Асын мохсаң хул тэңкве, супыг хул тэңкве, ам хунь минёгум». Тувле ләглыл пасан саңхвасытэ, ёрнкол

пасан, талква лāглың пасанакве, пēs māхум пасан. Лāглыл саңхвасытэ,
пасан эл та равтасахты. Та юи-палыт пуңке māнигты, ёл та хуигпи.

СКАЗКА О БОГАТЫРЕ БЕЛОЕ ЯДРЫШКО КЕДРОВОГО ОРЕХА

Живет богатырь Белое Ядрышко Кедрового Ореха. Он имеет жену. Жена из города Русского богатыря. Дочь Русского богатыря. Сам богатырь, Белое Ядрышко Кедрового Ореха с женой имеют только одного сына. Мать русской женщины к ним приходит каждый день, одно и то же твердит: «Ты настаивай, пусть твой муж на Обь съездит нельму поесть, осетра поесть». «Там Русский богатырь кончит [его]». «Дела нет, там кончит или не кончит». Богатырь Белое Ядрышко Кедрового Ореха целый день ходит, охотится. Вечером домой приходит. Жена на стол собрала. Столик с узорами крылатых зверей, ногастых зверей. На этот стол ставит чашку с муксуном, чашку с осетром. «Нам, ещё таким молодым не съездить ли в те места, где ловят муксуна, где ловят осетра?» «Хе, мой отец туда не ездил, дедушка не ездил, мать не ездила, я что там буду искать. Старший брат не ездил на Обь есть муксуна, есть осетра, я разве поеду». Потом ногой стол как пнет, стол для чума, на низких ножках столик, древних людей стол. Ногой [как] пнет, со стола все слетает. После этого голову закутывает и спать ложится.

Литература

- Баландин А.Н.* Самоучитель мансийского языка. — Л.: Учпедгиз, 1960.
- Попова С.А., Ромбандеева Е.И.* Русско-мансийский разговорник. — СПб.: отд. изд-ва «Просвещение», 1993.
- Ромбандеева Е.И.* Мансийский (вогульский) язык. — М.: Наука, 1973.
- Ромбандеева Е.И.* Синтаксис мансийского (вогульского) языка. — М.: Наука, 1979.
- Ромбандеева Е.И.* Графика, орфография и пунктуация мансийского языка. — Ханты-Мансийск, 2006.
- Ромбандеева Е.И., Вахрушева М.П.* Мансийский язык. Учебник для педагогических училищ. — Л.: Просвещение, 1979, 1984, 1989.
- Ромбандеева Е.И., Кузакова Е.А.* Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Ок. 4000 слов. — Л.: Просвещение, 1982.
- Скрибник Е.К., Афанасьева К.В.* Практический курс мансийского языка: Учеб. пособие. Ч. I, II. — Ханты-Мансийск, 2007.
- Kálmán B.* Chrestomathia vogulica. — Budapest, 1963.

ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК

Хантыйский язык — родной язык хантов, которые называют себя словом *хант*. Слово восходит к прауральскому слову **kunta*, соответствия которому в мансийском *χont* «войско», венг. *had* «воинское соединение», фин. *kunta* «община». Русские хантов традиционно называли словом *остяк* или *остяки*, этот этноним до сих пор общеупотребителен в зарубежной научной литературе, например, венг. *osztják*, фин. *ostjakki*, нем. *Ostjak*, англ. *Ostyak*. По мнению Ю.Клапрота, слово это собственно хантыйское, образовано из *As* «название реки Оби» и *jaχ* «народ». По В.Штейницу, в русский язык слово *остяк* перешло из тюркских языков, где этим словом обозначали немусульманские народы. Так, первоначально сибирские татары этим словом обозначали хантов. Русские в старину остяками называли также башкир, проживающих по р. Каме. Сами ханты соседние народы обозначают следующими этнонимами: русских — *рўц*, манси — *манци*, *вухал*, коми — *саран*, ненцев — *юр'ан*, *юрн*.

Характерной чертой хантыйского языка является большая диалектная раздробленность, из-за этого было создано несколько литературных вариантов, опирающихся на разные диалекты. Всего выделяют три большие диалектные группы: северную (казымский, среднеобской, шурьшкарский диалекты), южную (кондинский, демьянский) и восточную (ваховский, сургутский, васюганский, салымский диалекты). Считается, что восточнохантыйские диалекты сохраняют больше архаики, а северные наоборот — развили немало инноваций, в них фонетическая и морфологическая системы во-многом упростились. Так, если в среднеобском шеркальском диалекте выделяют восемь гласных, то в восточном васюганском диалекте их 15; если в северных диалектах употребляется три падежа, то в южных пять, а в восточных ещё больше, в сургутском диалекте выделяется 10 падежей.

Письменная традиция начинается со второй половины XIX в., когда русские монахи переводили на хантыйский молитвы и переводы из Библии. Однако большого влияния эти переводы на развитие образования и культуры среди хантов не оказали. В конце XIX в., начале XX в. у хантов собирали языковой и фольклорный материал финские лингвисты К.Ф.Карьялайнен, Хейкки Паасонен, венгр Ёжеф Папаи. В начале 30-х гг. XX в. письменность для хантов создается на основе латинской графики, тогда же были изданы учебники и учебные пособия для школ на основе разных диалектов. С 1937 г. письменность с латиницы была переведена на кириллицу, учебники и художест-

венная литература издавались на смешанном варианте обдорского и березовского диалектов, на казымском, шеркальском, ваховском и сургутском диалектах. Однако в настоящее время печатная продукция издается в основном на шурышкарском и казымском диалектах, которые во многом схожи и отличаются главным образом произношением согласных в конце слов. На хантыйском языке ведутся теле- и радиопередачи, с 1 ноября 1957 г. в г. Ханты-Мансийск издается окружная газета «Ленин пант хуват» (По ленинскому пути), позднее переименованная в «Ханты ясанг» (Хантыйское слово). Среди хантыйских писателей наибольшую известность получили Григорий Лазарев (1917–1979), Владимир Волдин (1938–1971), Роман Ругин (1939), Мария Вагатова (1936) и Еремей Айпин (1948) Книги последнего в последнее время переведены и опубликованы как в России, так и в ряде европейских стран. В г. Ханты-Мансийске на хантыйском языке также ставятся спектакли Театра обско-угорских народов. Хантыйский язык преподают в школах округа, студентам Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск) и Санкт-Петербургского педагогического университета им. А.Герцена. В дальнейшем характеристика хантыйского языка будет опираться на казымский диалект как на наиболее распространенный, т.к. на нём издаётся окружная газета, художественная и учебная литература.

Фонетическая характеристика. В разных диалектах количество гласных фонем различно: если в казымском диалекте выделяется 8 гласных, то в сургутском диалекте 13, а в ваховском и васюганском диалектах 15. В восточных диалектах отмечается также гармония гласных, случаи чередования гласных. В казымском диалекте различаются гласные полного образования *a, o, ы, э* (в правописании *e, э*), *э* и редуцированные гласные *a, o, y, u, э* (в правописании *ы*). Гласные бывают долгими и краткими, их долгота имеет смысло-различительную роль, например, *ac* «самка» — *āc* «судоходная река», *ув* «течение» — *ūv* «крик», *сорм* «смерть» — *sōrm* «водоем». Ударение, как правило, падает на первый слог, но оно может иногда переходить и на второй.

Согласные в разных диалектах также представлены в разном составе: в сургутском диалекте их 21, в казымском диалекте употребляется 19 согласных: это *n, m, m', k, m, n, n', нг [ŋ], c, c', ш, ч, ти [č], в, й, x, p, л, л'*. Среди согласных выделяются две аффрикаты *ч, ти [č]*, палатальные, специфические задненёбный назальный *нг [ŋ]* и *х*. Звонких смычных нет. В абсолютном начале слов в исконных словах сочетания согласных не встречаются, но они закономерны в середине и

конце слов, например, *вот* «ветер», *еҥк* «лёд», *амп* «собака», *карты* «железо», *пойтэк* «куропатка». В литературных вариантах хантыйского языка орфография характеризуется вариативностью. Так, в настоящее время печатная продукция, выходящая на основе казымского литературного варианта, оформляется по-разному, на основе различных орфографических правил, даже на основе различной графики.

Морфологическая характеристика. Язык устойчиво сохраняет агглютинативный характер, однако в ходе истории языка возникло множество случаев чередования фонем в зависимости от морфологической позиции. Хотя грамматические значения слов выражаются суффиксами, как имело место в финно-угорском праязыке, у глаголов хантыйского языка развилось немало префиксов или приставок от основ наречий, например, в казымском: *ил омасты* «сесть», *нух лолты* «встать», *юхи лунгты* «войти» и т.д. В ходе истории языка в северных хантыйских диалектах устойчиво проявилась тенденция к анализируемому: выражение отношений между словами от падежей перешло к послеложно-именным сочетаниям, падежная система подверглась сильной редукации, сокращению.

Суффиксальные порядки или морфопорядки в хантыйском языке однотипны: у существительных после основы следуют суффиксы числа, затем посессивный и на последнем месте падежный показатели, а у глаголов после основы следуют залоговый показатель, после него суффикс времени и на последнем месте лично-числовой показатель.

Части речи в хантыйском языке достаточно хорошо разграничены, хотя существительные, как было и в древности, достаточно часто употребляются в функциях определения и обстоятельства, как прилагательные и наречия. Существительные хантыйского языка, как и во многих финно-угорских языках, в основной форме примыкают к другому существительному и выражают признак последнего, например, *хот нёд* «нос лодки», *хот ов* «дверь дома», *вуды оҥат* «олений рог, досл. олень рог».

У существительных различаются формы ед. числа, двойст. числа с суффиксом *-нган/җән* и мн. числа с суффиксом *-т*, например, *нялы* «ложка» — *нялэнган* «две ложки» — *нялэт* «ложки»; *акань* «кукла» — *аканьҗән* «две куклы» — *аканьт* «куклы». Существительные в ед. числе употребительны широко, парные предметы обозначаются словами в ед. числе, например, *кац* «брюки», *кат ёндуп кеши* «ножницы, досл. два лезвия нож», *павал ёш* «клещи, досл. ковать рука». Существительные при числительных закономерно употреб-

ляются в ед. числе, например, *вет испек* «пять книг», досл. «пять книга», *сот хуят* «сто человек». В целом двойст. число имеется также в и парадигмах спряжения глаголов и в местоимениях. Так, система личных местоимений состоит из 9 единиц, где разграничиваются формы ед. числа, двойст. и мн. чисел:

<i>ма</i> «я»	<i>мин</i> «мы двое, вдвоём»	<i>мўһ</i> «мы многие, больше двух»
<i>һаһ</i> «ты»	<i>һын</i> «вы двое, вдвоём»	<i>һын</i> «вы многие, больше двух»
<i>дуб</i> «он, она, оно»	<i>дын</i> «они двое, вдвоём»	<i>дыв</i> «они многие, больше двух»

К существительным продуктивно присоединяются притяжательные суффиксы, которые указывают на единичного обладателя, двух обладателей и многих обладателей в трёх лицах, например, казым. *хон-ем* «моя лодка», *хон-емн* «наша (двоих) лодка», *хон-ев* «наша (многих) лодка». Вся система притяжательных суффиксов насчитывает 9 единиц. В речи перед существительными с посесивными суффиксами употребляются соответствующие личные местоимения в номинативе, обозначающие обладателя, например, *ма ащем* «мой отец», *һаһ ащен* «твой отец», *дўв ащелд* «его, её отец» и т.д. Существительные, обозначающие обладаемое, могут быть в формах ед., двойст. и мн. чисел. В этом случае притяжательные суффиксы следуют за числовыми показателями.

Обладатель	в ед. числе	в двойст. числе	во мн. числе
1 лица	хотем «мой дом»	хотемн «наш (у двоих) дом»	хотэв «наш (у многих) дом»
2 лица	хотэн «твой дом»	хотән «ваш (у двоих) дом»	хотән «ваш (у многих) дом»
3 лица	хотл «его, её дом»	хотән «их (у двоих) дом»	хотэл «их (у многих) дом»

Количество падежей в разных диалектах разное: в сургутском диалекте, по Л.Хонти, употребляется десять падежей, а в шурышкарском и казымском диалектах различают три падежа (номинатив, дательно-направительный на **-а/я**, и местно-творительный на **-н**).

Название	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	Ø	Кто? Что?	хот «дом»
Латив-датов	-а/я	Куда? Кому?	хота «в дом», пухэма «моему сыну»
Локатив-инструменталь	-н	Где? Чем?	хотн «в доме», дяюмн «топором»

Прилагательные в хантыйском языке обладают своими словообразовательными суффиксами, они не согласуются с определяемым словом, а примыкают к нему, например, *йилдуп хот* «новый дом», *йилдуп хотат* «новые дома». Однако в функции именного сказуемого прилагательное координируется с подлежащим в числе. В казымском диалекте нет специальных аффиксов для выражения значений сравнительной и превосходной степеней прилагательных, эти значения выражаются аналитически.

Глагол хантыйского языка имеет два наклонения индикатив и императив (повелительное наклонение), спрягается по трем лицам и трём числам, т.е. есть личные глагольные показатели ед., двойств. и мн. чисел, например, казым. *вулм* «я беру», *вулман* «мы двое берем», *вулув* «мы многие берем». Парадигма повелительного наклонения включает формы 2 лица ед., двойств. и мн. числа в основном и объектном спряжениях. Примеры: в безобъектном спряжении — *мия* «дай», *миятн* «вы вдвоём дайте», *мияты* «вы многие дайте», в объектном — *мие* «дай это», *миядн* «дайте (вдвоем и многие) это».

Парадигма личных форм глагола в безобъектном спряжении состоит из 9 единиц (от глагола *мáнты* «идти»). Приглагольное отрицание в хантыйском выражают отрицательные частицы *йи*, *йит*, *ал*, например, казым. *Ма хусема йита юхтас* «Мой друг еще не пришел».

лицо / число	ед. число	двойств. число	мн. число
1 лицо	мáндлүм «я иду»	мáндлүмн «мы вдвоем идем»	мáндлүв «мы многие идем»
2 лицо	мáндлáн «ты идешь»	мáндлáты «вы вдвоем идете»	мáндлáты «вы многие идете»
3 лицо	мáндлү «он идет»	мáндлáйáн «они вдвоем идут»	мáндлáт «они многие идут»

Кроме безобъектного, глагол имеет также парадигму объектного спряжения, где действие глаголов с субъектом в ед., двойст. и мн. числах переходит на определенный прямой объект соответственно также в ед., двойст. и мн. числах. Общее количество личных глагольных форм в объектном спряжении 27.

В целях экономии места приведем лишь показатели глаголов 2 лица от глагола *ёнтты* «шить» в настоящем времени (всего 9 форм). В казымском диалекте глагольные показатели объектного спряжения в формах двойст. и мн. числа совпадают

объект в	ед. числе	двойст. и мн. числах
2 лицо в ед. числе «ТЫ»	ёнтлээн «ты шьёшь нечто одно»	ёнтлэ́лээн «ты шьёшь нечто два/много»
2 лицо в дв. числе «ТЫ С КЕМ-ТО»	ёнтлэ́лээн «вы вдвоем шьёте нечто одно»	ёнтлэ́лээн «вы вдвоем шьёте нечто два/много»
2 лицо во мн. числе «ВЫ МНОГИЕ»	ёнтлэ́лээн «вы многие шьёте нечто одно»	ёнтлэ́лээн «вы многие шьёте нечто два/много»

Глагольных времен в хантыйском языке немного, всего два — настоящее-будущее время с показателем -лэ и прошедшее время, образующееся при помощи суффикса -с, например, *мэ́ндум* «я иду», но *мэ́нсум* «я шёл».

Характерен для хантыйского глагола своеобразный пассивный залог, глагол при этом употребителен во всех трех лицах, например, *Книга уе́мн дэ́йгатса* «Книга сестрой прочитана», *Ма уе́мн книгэ́йн дэ́йгатсаюм* «букв. Я сестрой книгу прочитан, т.е. Сестра прочитала мне книгу».

Инфинитивные глагольные формы включают в себя один инфинитив с суффиксом -ты (*я́нцты* «пить»), причастия настоящего времени на -ты и прошедшего времени на -ум, например, *дэ́йга́тты нух* «читающий мальчик», *дэ́йга́тум киньши́ка* «прочитанная книга». Как в мансийском, а также и в пермских языках, причастия могут выражать и активное, и пассивное значение действия, см. вышеприведённые примеры.

Лексико-грамматические отношения между словами выражаются многочисленными послелогоми. Например, *йи́жк илэ́н* «под водой», *ка́рты му́хты* «сквозь дерево». Послеложные конструкции в северных диалектах хантыйского языка очень частотны из-за малого количества

падежей в них. Многочисленны также частицы, в языке развились и союзы.

Синтаксис хантыйского языка устойчиво сохраняет древние языковые особенности: 1) препозицию определения к определяемому слову (*мави шай* «сладкий чай», *каврум шай* «горячий чай», *юх нялы* «деревянная ложка»), 2) препозицию подлежащего к сказуемому и словопорядок SOV, например, *Тови юхтас* «Весна наступила», *Ащем вўды кирас* «Мой отец оленя запряг», *Упем ернас ёнтад* «Моя сестра платье шьет», 3) преимущественное употребление простых предложений или бессоюзных сложных, где функции подчинительных предложений выполняют конструкции, образованные от инфинитивных глагольных форм. Согласование определения с определяемым отсутствует, есть лишь координация именного сказуемого с подлежащим по числу, например, *Юхăт кăрцăт* «Деревья высоки». В древности в хантыйском языке употреблялись лишь бессоюзные сложные предложения, однако в настоящее время под влиянием русского языка в языке учащаются сложные предложения с союзной связью между компонентами.

Лексика хантыйского языка состоит из слов исконного происхождения и заимствований. Исконная лексика очень точно, описательно и образно передаёт особенности хозяйственной деятельности, быта, окружающей природы, верования и обряды хантов. К примеру, название клюквы дословно переводится как «ягода кочки» — *хумăсвăд*. В составе заимствований выделяются индоиранские (*сорни* «золото», *пăнт* «путь»), татарские, коми, самодийские и русские. Татаризмы бытуют и в южных, и в северных хантыйских диалектах, например, *тўшак* «перина, постель», *тăхар* (*тăхэр*) «ковёр, рогожа», *тулмац* «толмач, переводчик». Коми заимствований, по подсчётам Ю.Тойвонена, насчитывается 375 лексем, они охватывают разные отрасли хозяйства, быта и культуры, например, *кэрт* «деревня», *акань* «кукла», *нянь* «хлеб», *непек* «бумага», *кедци* «соро-га», *кэр* «печь», *ош*, *паля* «овца», *пойтэк* «куропатка». Самодийские заимствования проникли на основе многовековых контактов в основном с ненецким населением, например, *тыньцаң* «аркан», *тэпар* «меховые полусапожки», *тўтцаң* «женская сумка, в которой хранятся безделушки». Русские и косвенные заимствования из других языков составляют самую большую группу неисконной лексики в современном языке: *йшкола* «школа», *почта*, *телефон*, *пищма* «письмо», *рэпитты* «работать», *институт*, *метра* «метр» и др.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

<i>Вуца вэда!</i>	Привет! Здравствуй! (Одному человеку)
<i>Вуца вэдаты!</i>	Здравствуйте! (Многим людям)
<i>Вуца!</i>	Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!
<i>Хуты, вэдты верён ям?</i>	Как живете, как дела?
<i>Нён немен муй?</i>	Твое имя какое?
<i>Ма немем Роман.</i>	Мое имя Роман.
<i>Нён мёнэма мосдан/мэстадан.</i>	Я тебя люблю. досл. Ты мне нужен/нужна, подходишь.
<i>Ма хэнты ясэсм вэдэм.</i>	Я знаю свой хантыйский язык.
<i>Пасанен катэ!</i>	Приятного аппетита! досл. Стол держите! (чтобы гости не унесли еду).
<i>Тэдаңа-яма вэдаты!</i>	Будьте здоровы!
<i>Тэдаң ёш, тэдаң кур!</i>	Доброго вам здоровья! Доброго пути! (досл. Здоровую руку, здоровую ногу!)
<i>Пайды ёш!</i>	Доброго пути! досл. Ровной (без бугров) дороги!
<i>Па яма вэда!</i>	Всего хорошего! досл. Ещё хорошо живи!
<i>Па ям вэдум!</i>	До свидания!
<i>Пумащита!</i>	Спасибо!

ТЕКСТЫ

Тёв, тёв, тёв, тёв	Тёв, тёв, тёв, тёв (соотв. бай-бай)
Ерта вота ши йис.	Ветренно, дождливо стало
Хулда хэнямадум?	Куда спрячусь?
Тыв ши хэнямадум	Вот сюда спрячусь
Там тутьюх пай	За эту поленицу
Там икилэңки	Этот (маленький) мужчина
Там имилэңки	Эта женщина
Там ай няврэм.	Этот маленький ребенок.
Уна-уна-уна	Большой-большой-большой

Ертаң, вотаң хатл верл.
Турн кута дуңемас
Варс кута ханемас
Ан идлийн дуңемас.

Дождливый, ветренный день делает.
В гушу травы залез
В кусты спрятался
Под тарелку залез.

АМАМӨТЩЕТ

ЗАГАДКИ

Хот даңэлд пирмән тәхты. — Төрәм па хөсәт.

На потолке оленья шкура, съеденная личинками оводов. — Звездное небо.

Сер вент, мур вент сүңән вух пәсанән хө омәсәл. — Мойпәр.

В густом дремучем лесу сидит мужчина за денежным столом. — Медведь.

Дүпәт вүспи йох шөп. — Ух, семңән, нюл, вүсңән, пәлңән, үңәл.

Чурка с семью дырками. — Голова, глаза, ноздри, уши, рот.

Карты мухты йох енәмәл. — Дүайәм.

Сквозь железо дерево растёт. — Топор.

Йик идпи сот сем. — Холәп.

Под водой сто глаз. — Сеть

Рүщ мойдәм мутрайән тўт.— Нуви тўт.

Русскими подаренный мудрый огонь. — Электричество.

НЕЛДЫ-КАЛЫ ИМИ

Ики вәс. Харси хә, вәнт вой ар вел. Дүпәсәт текуптәл, хотәт текуптәл. Имудты хәтлән нәмәсәл: ими тәты, там пурмәс, там летут хуян лелдыят. Ими тәс. Дүв вәнтыял, имел олан ёнтәсман омәсәл. Дүпәсәт текуптәл, хотәт текуптәл. Сар, нәмәсыял: там имем вевтам шимәл лел, а ими тәлум, аршәк леты ими. Си хайсәлде.

Па яңхәс дәля-моя, ими тәс. Па си вәлдәңән, имел нтәсәл, дүв хор кур әвәтл, вой кур әвәтл. Па си, иси шимәл лел. Па си хайсәлде.

Яңхәс Ас па пеләка. Ими па си вәйтәс. И веш уңлјлјән тыдјәс и веш пуңлјлјән хәтл. Ухәл-курак ыхәл шольпаң ух. Лјеты омасәл, хор песь и пуш тәп әхумла, лув шукәл ара пудыял, пол шукәл ара пудыял.

Дупәслјән худаты питеәт, хотлјән худаты питеәт. Имултыяң хунтәты нумәс си верәс. Куш хәхәлмәс, урәл эвәлт куншемасы, дув па елды вуратл, ситы ураттал кутн, кәтна тохнемәс. Путрем си.

НЕНАСЫТНАЯ ЖЕНА

Жил один мужик. Был он очень трудолюбивый, много зверей, много добычи добывал. Наполнял множество лабазов в лесной стороне. В один день думает: жениться нужно, столько добра, столько мяса кто будет кушать, кто будет носить. Женился. Он лесует, жена дома сидит, шьет. Лабазы наполняет, дома наполняет. В одно время опять придумался: эта жена худая, мало ест, другую нужно искать, которая побольше ест. Все, оставил жену.

Съездил, посватал, новая жена появилась. Живут, жена шьет, а он оленям ноги отрезает, оленям лапы отрезает. Опять так же мало ест, опять оставил. Съездил в сторону Оби. Нашел жену, на одной щеке луна светится, на другой солнце светится, а голова, как у орла гнездо, кудрявая. Садятся, кушают: она оленью ногу один раз только откусит, кости в разные стороны летят. Лабазы стали кончаться, в домах стало пусто.

Однажды решил мужик убежать. Только собрался бежать, за ногу поймала жена, а он вперед рвется, она назад тянет. Тянули, тянули и разорвался на две половины. Вот и весь рассказ.

Литература

Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007.

Канакин И.А. Языки соседей (о хантыйском и ненецком). — Тюмень, 1996.

Кокшарёва Н.Б., Соловар В.Н. Хәнты ясәң пугәртдув. Поговорим по-хантыйски. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.

Молданова С.П., Нёмсова Е.А., Ремезанова В.Н. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Ок. 4000 слов. — Л.: Просвещение, 1983.

Нёмсова Е.А., Кононова С.П., Вожакова Е.Н. Русско-хантыйский разговорник. — М.: Икар, 1996.

- Русская Ю.Н.* Самоучитель хантыйского языка. — Л.: Просвещение, 1961.
- Соловар В.Н.* Хантыйско-русский словарь. — СПб.: ООО «Миралл», 2006.
- Хантыйский язык: Учеб. для уч-ся пед. уч-щ / А.М.Сенгелов, Е.А.Нёмысова, С.П.Молданова и др.; Под ред. Е.А.Нёмысовой. — Л.: Просвещение, 1988.
- Терешкин Н.И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Honti L.* Chrestomathia ostiacica (Osztják nyelvjárási szöveggyűjtemény nyelvtani vázlattal és történeti magyarázatokkal). — Budapest, 1984.

ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ

Большая близость пермских языков очевидна даже для нелингвистов, т.к. современные коми и удмурты могут понимать друг друга при разговоре на бытовые темы. Причиной этого является то, что предки современных народов в древности долгое время проживали в едином этно-лингвистическом коллективе и говорили на одном языке. Вероятно, древние пермяне, предки современных коми и удмуртов, проживавшие совместно свыше двух тысячелетий, имели и свой общий этноним, который восстанавливается на основе современных самоназваний у коми *коми морт* и у удмуртов *удмурт*. В них компоненты *коми* и *уд* определяют слово *морт/мурт*, общепермское **mort*, который и был, вероятно, самоназванием пранарода. Затем уже южные и живущие севернее, возле Камы пермяне начали выделяться друг от друга. Само слово **mort* восходит к индоиранскому заимствованию **mer̥tā-* «человек», ср. новоперсидское *mar̥d* «мужчина». От него же возник этноним *мордва*. Древние пермяне использовали единый аллоэтноним, наименование славян, ср. в современных языках к. *роч*, удм. *Ӝуч* «русский».

Этноним *пермь* и образованные от него слова *пермяки*, *пермяне* возникли позднее, первоначально слово *пермь* употреблялось в древнерусских летописях для обозначения местностей и народов, расположенных за Северной Двиной. Слово, по мнению многих ученых, исходит от прибалтийско-финского слова *perämaa* «задняя, окраинная земля». Русские заимствовали это слово, с XIII в. славяне им именовали коми-зырян и коми-пермяков. Уже позднее в уралистике укоренились научные термины *пермяне* «общие предки удмуртов и коми» и *пермские языки*, *общепермский праязык*, *прапермский период*, см. соответствия в англ. *Permic*, нем. *Permisch*, венг. *permi*, фин. *permiläinen*. П.Хайду связывает древнерусское название *Перемь* с упоминаемой в средневековых географических описаниях легендарной *Биармией*, ср. др.-исландское *Vjarta*, др.-английское *Beorma*. Вполне возможно, что прибалтийско-финское слово проникло и в русский, и в западные языки, однако научное значение «группа народов и языков» исконным, конечно, не было.

В языкознании сложилось двойственное положение: одни исследователи выделяют два пермских языка удмуртский и коми, другие выделяют три самостоятельных языка — удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий. Мы придерживаемся первой точки зрения как более объективно отражающей лингвистическую реальность, в едином

коми языке выделяя два литературных варианта — коми-пермяцкий и коми-зырянский, отражающие региональные диалектные особенности. С точки зрения этнографии коми-зыряне и коми-пермяки образуют отдельные этносы, однако они сохраняют единство языка как диахронно-системного образования, что наглядно доказывает их былое единое происхождение.

Множество общих особенностей пермских языков объясняется тем, что предки современных коми и удмуртов долгое время, свыше двух тысячелетий, жили в составе единого лингвоэтнического образования и говорили на одном праязыке. Хронологически этот период датируется с 1500 гг. до н.э. до VIII в. н.э. (Основы 1974: 39), причем разделение праязыка, вероятно, проходило очень постепенно и уже позднее сопровождалось взаимными удмуртско-коми контактами. Географически прародина древних пермян располагалась в Прикамье, от устья Камы к северу и к востоку и западу. За столь долгое время совместного проживания в праязыке проходило много изменений и общих инноваций.

Коми и удмуртский языки до сих пор обнаруживают множество единых характеристик на всех языковых уровнях. Исторические изменения в коми и удмуртском языках свидетельствуют о многих общих линиях диахронного праязыкового развития. Так, пермские языки (во всяком случае литературные варианты) имеют совершенно одинаковый фонетический состав: 7 гласных и 26 согласных. В прапермское время появились звонкие смычные *b, d, g*, фрикативные *z, z', ž*, языки характеризуются единичными четырьмя аффрикатами, противопоставлением согласных по палатальности *d' – d, z' – z, l' – l, n' – n, s' – s, t' – t*. Вокалическая система в прапермский период изменилась в сторону исчезновения переднеязычных гласных *ä, ii*, появления среднерядных гласных — орфографических *ö* и *ы*, а также исчезла прауральская гармония гласных, конечные гласные основы слова начали выпадать. Морфологическая система языков строго агглютинативная с практически одинаковыми небольшими флективными включениями, в языках появились флективоподобные глагольные суффиксы 3 лица и ряд падежных, морфонологические чередования в основе имеют незначительный характер в удмуртских диалектах и большее распространение в коми языке. Одинаково образуются формы мн. числа, большинство падежных и глагольных суффиксов сформировалось в прапермском языке-основе и похожи в современных языках, основной словообразовательный инвентарь также идентичен. Базовая лексика современных пермских языков этимологически едина: в списке Сводеша из 100 слов около 80%

лексика имеет единое происхождение. В ходе истории языков произошли семантические изменения, благодаря чему многие одинаковые лексемы развили различную семантику, вследствие чего в межъязыковом общении коми и удмуртов возникают комические случаи. Далее представлены несколько этимологически общих слов с семантическими расхождениями.

слово	значение в удмуртском языке	значение в коми языке
<i>пу</i>	дрова	дерево
<i>бус</i>	туман	пыль
<i>луд</i>	грядка	луг
<i>кушман</i>	корнеплод	редька
<i>дугдыны</i>	встать, остановиться	прекратить
к. <i>тишӧктыны</i> удм. <i>чӧктыны</i>	советовать	велеть, приказать

В ходе древней истории пермяне имели достаточно интенсивные контакты с индо-иранскими этническими коллективами, проживавшими южнее, в лесостепной полосе. Иранские заимствования в современных пермских языках охватывают слова из области земледелия и скотоводства, металлургии, а также общественных отношений, например, к. *амысь*, удм. *амезь* «лемех, сошник», к. *пода*, удм. *пудо* «скот», к. *мӧс* «корова», удм. *мес* «теленоч-самка», к. *меж* «баран», к. удм. *зарни* «золото», к. *кӧрт*, удм. *корт* «железо», к. *ӧксы*, удм. *эксы* «князь, царь», к. *емдон*, удм. *андан* «сталь», к. *озыр*, удм. *узыр* «богатый», к. *небӧг* «книга», *нямӧд* «портянка» и т.д. С VII в. н.э. прапермяне начинают интенсивно контактировать с тюркоязычными предками современных чувашей, древними булгарами, переселившимися с юго-востока и основавшими на средней Волге государство Волжская Булгария. Булгарские заимствования также обозначают в основном реалии в области сельского хозяйства, например, удм. *культо*, к. *кольта* «сноп», *кушман* удм. «корнеплод», к. «редька», удм. *сюрло*, к. *чарла* «серп», удм. *кун*, к. *кан* «царь», удм. *кузӧ* «хозяин», к. *кузь* «леший», удм. *губи*, к. *гоб* «гриб». В удмуртских диалектах насчитывается около 200 древнечувашских заимствований, в коми диалектах же не более 40 корней. Именно это обстоятельство и послужило для исследователей основанием полагать, что разделение прапермского языка произошло после начала болгарско-пермских

языковых контактов, однако предки коми контактировали недолго, а предки удмуртов продолжали контактировать вплоть до XIV в. Далее пермские народы оказались между славянским и тюркско-татарским миром, что хорошо отражает заимствованная лексика. Так, удмурты подпали под татарское влияние с XIV в., с русскими северные вятские удмурты начали контактировать с XIII в. Коми ещё раньше вступили в контакты с русскими, с XII–XIII вв., однако у коми-зырян контакты не были такими интенсивными, как у коми-пермяков. Далее в таблице даны соответствия 14 слов, они дают наглядное представление о влиянии на пермские и марийский языки окружающих языков — тюркских и русского.

татарский чувашский	марий- ский	удмуртский	коми	русский
т. арна	арня	арня	вежон / недель	неделя
т. халык	калык	калык	войтыр, йӧз	народ
т. кӧгазь	кагаз	кагаз	кабала, гумага	бумага
т. урам	урем	урам / ульча	пурьсь / улич	улица
т. кинӑш	канаш	кенеш	сӧвет	совет
т. кыяр	кияр	кияр / огреч	ӧгуреч	огурец
т. алма	олма	улмо	улмӧ / яблӧк	яблоко
т. бакча	пакча	бакча	град йӧр, кп. карчйӧр	огород
т. тазалык	тазалык	тазалык	дзоньвидзалун	здоровье
т. дошман	тушман	тушмон	вӧрӧг	враг
т. ярат-у	йӧраташ	яратыны	радейтны	радеть
ч. килӑш	келшаш	кельшыны	кажитчыны	казаться
ч. юрӑ	йӧра	яра	бур, шань / ладнӧ	ладно
т. тау, ч. тав	тау	тау	аттьӧ /пассибӧ	спасибо

Современные пермские языки и диалекты претерпевают сильное иноязычное влияние со стороны контактирующего русского языка на всех языковых уровнях, т.к. практически все удмурты и коми являются билингвами. Однако наибольшее влияние со стороны русского языка, часто приводящее к деструктивным изменениям, наблюдается во всех коми-пермяцких и северноудмуртских диалектах. На южноудмуртские и периферийные удмуртские диалекты продолжают воздействовать тюркские языки, татарский и башкирский.

КОМИ ЯЗЫК

Коми язык — родной язык для всех этнографических групп коми: коми-зырян, коми-пермяков и коми-язвинцев. Наиболее древним этнонимом для коми было слово *перемь*, *пермь*, встречавшееся в древнерусских летописях. Происхождение его связывают с прибалтийско-финским топонимом *Perämaa* со значением «крайняя, конечная земля», которая была заимствована восточными славянами и стала применяться для обозначения древних коми, а также и других народов, проживающих к северо-востоку от русских княжеств. Самоназванием у всех коми издавна было словосочетание *коми морт*, *коми войтыр*, кп. *коми отир*, а также просто *коми*, *комияс*. Этимологически автоэтноним восходит к прафинно-угорскому корню **komz* «человек, мужчина», соответствия его есть в ряде языков: в удмуртском во второй части композиты *выжы-кум* «родня, родственник», мс. *хит* «человек, мужчина», венгр. *hím* «самец», сельк. *gum* «человек, мужчина». Вполне возможно, что этноним *коми* и название р. *Кама* также этимологически связаны. Русские издавна называли коми двояко, южных коми называли *пермяками* (от топонима Пермь), а северных коми *зырянами*, в более древней форме *серьяне*. О происхождении последнего этнонима есть несколько точек зрения, среди которых наиболее распространена версия о прибалтийско-финском происхождении слова, встречающегося в русских хрониках с 1396 г., ср. фин. *syrjäläinen* «житель окраины, отдаленной земли». Есть также и мнение об обско-угорском происхождении слова, ср. хант. *саран-йах* «коми», мс. *саран* «коми». Так как ханты и манси традиционно коми называют этнонимом *саран*, возможно, от них слово попало и в русские грамоты. Кстати, в современной зарубежной научной литературе для обозначения коми народа и языка применяются такие слова как нем. *Syrjänisch*, англ. *Zyrian*, венгр. *zürjén*, фин. *syrjäni*, наряду с *Komi*. Есть и иные мнения относительно возникновения этнонима зыряне, который официально не употребляется с 20-х гг. прошлого века. С этого же времени в этнографии официально выделяют два этноса — *коми-зыряне* и *коми-пермяки*, соответственно тогда же были введены в оборот последние два составных этнонима. Они также употребляются в речи в целях выделения коми, проживающих в Коми республике и коми, проживающих в Пермском крае. Ненцы коми-зырян традиционно называют словом *нысма*.

В данной работе дано общепринятое в финно-угроведении разделение коми диалектного континуума на три наречия — коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское. Последнее ассоциируется с одноименным диалектом, который много веков уже существует изолированно от основного массива и поэтому сохранившего множество архаичных элементов. Носители коми-язьвинского диалекта проживают в Красновишерском районе Пермского края по р. Язьва. Всего насчитывается 20 коми диалектов, разделяющиеся по географическому принципу на две группы: коми-язьвинский, коми-пермяцкие, включающие 8 диалектов, коми-зырянские, состоящие из 10 диалектов, и переходный между ними верхнекамский диалект. Коми-пермяцкие, в свою очередь, делятся на южные — кудымкарско-иньвенский, нижнеиньвенский, нердвинский и оньковский, и северные — косинско-камский, кочевский, мысовский и верх-лупьинский (современные исследователи два последних объединяют). Коми-зырянские также разделяют на южные и северные, хотя это разделение условное. Названия диалектов даны по бассейнам рек, на территории которых проживают их носители, это лузско-летский, верхнесыольский, среднесыольский, присыктывкарский, нижневьегодский, вымский, верхневьегодский, удорский, ижемский, печорский. Два коми литературных языка возникли и развились на основе соответствующих пермяцких и зырянских диалектов. Коми диалекты различаются прежде всего в области фонетики, в основе их классификаций лежат различия в произношении слов с этимологическим *л* и различия в огласовках суффиксов.

Коми-пермяцкие диалекты в ходе истории претерпели интенсивное влияние со стороны окружающих русских диалектов, вследствие чего в них возникли специфические черты, отличающие их от зырянских диалектов, а именно: исконные числительные от 10 и выше заменились русскими, в язык проникли словообразовательные суффиксы **-ок** (*пурт**о**к* «ножик»), **-очка**, **-овбй** (*к**о**рт**о**вбй* «желез-ный»), частицы *бы*, *не*, союзы *если*, *к**о**бы*, *коли*, *что*, в речи употребляется масса лексических заимствований и калек.

Коми язык — старописьменный язык, обладает давней письменной традицией: она возникла в XIV в. усилиями просветителя коми и миссионера Стефана Пермского (ок. 1340-1396). Зная коми язык с детства, он в 1372 г. составил оригинальную азбуку *абур* из 24 букв, затем перевел многие богослужебные тексты, распространив пользование литературным языком как в Перми Малой, так и в Перми Великой, на территории проживания предков коми-пермяков. Таким образом, древнепермский язык объединял тогда всех коми и

употреблялся до XVII в. Начертания букв представляют собой совершенно оригинальное явление, ведущее начало в традиционных коми *пасах* (знаках), родовых насечках и тамгах.

ᄚ – а, ᄜ – б, ᄘ – в, ᄚ – г, ᄛ – д, Ш – дж, | – дз, П – ж,
□ – з, ᄚ – и, i, ᄚ – й, ᄛ – к, ᄚ – л, П – м, ᄚ – н, П – о,
ᄚ – закрытое о [ô], ᄚ – ö, ᄚ – п, ᄚ – р, ᄚ – с, ᄚ – т, ᄚ – тш,
ᄚ – у, ᄚ – ш, ᄚ – ы, ᄚ – открытое э, ᄚ – закрытое э.

В XVIII в. появились переводные тексты, написанные кириллицей, а в XIX в. появились переводная литература и классическая поэзия Ивана Куратова (1839–1875). В 1823 г. опубликовано Евангелие от Матфея на коми языке. Первая печатная грамматика коми языка вышла из печати в 1813 г. Однако строго нормированные коми литературные языки были разработаны в начале XX в.: коми-зырянский литературный язык существует с 1918 г., коми-пермяцкий был разработан в 1923 г. Вначале применялся т.н. молодцовский алфавит на основе кириллицы с добавлением ряда особых знаков, затем с 1930 г. по 1936 г. использовался латинизированный алфавит, после этого опять перешли на молодцовский. Начиная с 1939 г. применяется современная графика, основанная на русской с добавлением двух дополнительных букв *ö* и *i* в целях более адекватной передачи произношения.

Коми язык преподается в средних школах, Сыктывкарском государственном университете и Коми государственном педагогическом институте, Пермском государственном педагогическом университете, средних педагогических учебных заведениях. На коми-зырянском литературном языке издаются республиканские газеты «Коми му» (Коми земля), детская газета «Йöблöга» (Эхо), три районные газеты, литературные журналы «Войвыв кодзув» (Полярная звезда) и «Арт» (Лад), детский журнал «Би кинь» (Искорка), сатирический журнал «Чушканзи» (Оса), методический журнал «Чужан кыв» (Родное слово), на коми-пермяцком литературном языке издается детский журнал «Бичирок» (Искорка), отдельные страницы выходят в газете «Парма» (Тайга). На коми литературных языках существует развитая художественная литература. К числу коми-зырянских классиков относятся Иван Куратов (1839–1875), Нёбдинса Виттор (Виктор Савин) (1888–1943), Тима Вень (Вениамин Чисталёв) (1890–1939), Илля Вась (Василий Лыткин) (1895–1981), Луздор Вась (Василий Юхнин) (1907–

1960), Серафим Попов (1913–2003), Геннадий Юшков (1932), Иван Торопов (1928), Нина Куратова (1930) и др.; наиболее значительными коми-пермяцкими писателями являются Питю Ёньё (Андрей Зубов) (1899–1945), Михаил Лихачёв (1901–1937), Василий Климов (1927), Валерьян Баталов (1926–1998), Иван Минин (1926–1990), Семён Федосеев (1936), Тимофей Фадеев (1937–1992), Галина Бачева (1952), Фёдор Истомина (1954), Анна Истомина (1964).

Научное исследование коми языка началось в XIX в. и велось как зарубежными исследователями (А.Шётгрен, М.А.Кастрен, Д.Фокош-Фукс, Т.Утила), так и отечественными учеными (И.Куратов, Г.С.Лыткин, В.И.Лыткин, А.С.Сидоров, Е.С.Гуляев и др.).

Коми-зырянский литературный язык на территории Коми республики с 1992 г. законодательно закреплён как государственный наряду с русским, однако в реальности пока таковым не является. Коми-пермяцкий литературный язык на территории Пермского края в районах, заселённых коми, никакого общественно-правового статуса не имеет.

Фонетическая характеристика. В ходе самостоятельного языкового развития в коми языке появилось множество односложных слов, состоящих из двух или трёх фонем, например, *ю* «река», *му* «земля», *ки* «рука», *ув* «ветка», *эж* «покров земли», *из* «камень», *пон* «собака», *руч* «лиса» и др. Состав гласных в ходе истории языка сократился и в настоящее время составляет 7 фонем: переднерядные *и*, *э*, средне-рядные *а*, *ö* [ɛ], *ы*, заднерядные *о*, *у* (лабиальные). Явление гармонии гласных в языке отсутствует. В коми языке нет дифтонгов, однако на стыке основы и суффиксов часты в речи сочетания двух или трёх гласных, например, *нуа* «я несу», *нуи* «я нёс», *губ* «в яму», *войяс руаёсь* «ночи туманные». В словах исконного происхождения выделяется 26 согласных: *б*, *в*, *г*, *д*, *д'*, *ж*, *з*, *з'*, *й*, *к*, *л*, *л'*, *м*, *н*, *н'*, *п*, *р*, *с*, *с'*, *т*, *т'*, *ч* [č'], *ти* [č], *дз* [č'], *дж* [č], *ш*. Консонанты делятся на глухие и звонкие, твердые и палатальные, выделяется четыре аффрикаты, из которых три в коми языке обозначаются буквосочетаниями: *ти* = [č], *дз* = [č'], *дж* = [č]. В заимствованных словах встречаются согласные *ф*, *х*, *ц*. В начале слова часто употребляются звонкие шумные: *бёб* «глупый», *гёб* «мошка», *дыр* «долго». Аффрикаты встречаются во всех позициях, в начале, середине и конце слов, например, *дзодзёг* «гусь», *джоджэ* «полка», *джуджыд* «высокий». Сочетания согласных в начале слова встречаются в заимствованных словах (*кран*, *премия*, *психология*), а также в некоторых исконных дескриптивных словах: *кравзыны* «каркать», *третишкыны* «трещать», *тринь-тронь* «звук звона стекла».

Многие заимствования с изначальными сочетаниями согласных в анлауте закономерно подверглись фонетической адаптации, например, *дöва* < рус. *вдова*, *середa* < рус. *среда* (день недели), *нига* < рус. *книга*. На сто фонем в потоке речи приходится 42 гласных и 58 согласных. Фонемы *ф*, *х*, *ц* употребительны лишь в заимствованиях из русского или через русский язык: *филармония*, *химия*, *цех* и др. Однако в коми-пермяцких диалектах в устной речи свободно употребительны звуки *ф*, *х*, *ц*, *щ* и мягкие согласные *р'*, *м'*, *б'*, *п'* как в заимствованиях, так и некоторых исконных словах, например, *улица*, *кузнец*, *петух*, *рюксыны* «хрюкать», *щукаовöй черинянь* «рыбник из щуки».

Ударение в разных наречиях коми языка различается. В коми-зырянских диалектах оно падает чаще всего на первый слог слова, однако в эмфатических целях оно может перемещаться и на последующие слоги. В коми-пермяцких диалектах и коми-зырянском лузско-летском диалекте ударение разноместное, оно морфологизировано: на гласные определенных суффиксов оно падает всегда (в показателях **-ок**, **-б'ник**, **-ан**, **-ас**, **-öв** и др, префикс **мед-**), на другие же суффиксы не падает, в этом случае оно ставится на первый слог слова. Часто ударение несёт смыслоразличительную функцию при омонимичных словах, например, *óлан* «ты живёшь», но *олáн* «жизнь», *петáс* «побег растения», но *пéтас* «он(а) выйдет». В коми-язьвинском наречии ударение также разноместное, оно фонематическое: одни корневые гласные (*а*, *о*, *э*, *э́*) при словообразовании и словоизменении удерживают на себе ударение, другие же гласные (*и*, *у*, *й́*) ударение утрачивают. Причины появления таких видов ударений в коми-язьвинском наречии и коми-пермяцких диалектах ещё не выяснены.

Морфологическая характеристика. Тип коми языка строго агглютинативный с элементами аналитизма, морфонологических явлений немного. Так, в некоторых диалектах этимологический *л* в позиции конца слова и перед согласным закономерно переходит в *в*, например, *кыл* → *кыв* «язык», *кыв-йöн* «языком», но *кыл-ын* «в языке». Данное историческое чередование *л/в* заключено и в нормах коми литературных языков. К числу морфонологических явлений относятся также случаи ассимиляции, вставки/выпадения звуков. В ходе истории языка возникли некоторые флективоподобные падежно-притяжательные суффиксы и лично-числовые показатели глаголов, у которых совмещено несколько грамматических значений, например, *сийö мун-и* «он/она ушла» (значения глагола I прошедшего времени, 3 лица и ед. числа).

Носителями грамматических значений в языке традиционно

являются суффиксы, однако в языке в ходе истории образовались две приставки: **мед-** является формой суперлатива (*ыджыд* «большой» → *медыджыд* кп. *медыджыт* «самый большой»), приставка **не-** с отрицательным значением, при помощи которой образуются отрицательные прилагательные и местоимения: *неыджыд* кп. *неыджыт* «небольшой», кп. *неволькыт* «неровный», *некод*, пк. *некин* «никто», *некутийм* кп. *некытийм* «никакой», *некыдзи* «никак». В коми-пермяцких диалектах и литературном языке приставка **не-** образует также отрицательные причастия и деепричастия, например, *некусан* «негасимый», *некывзись* «непослушный», *нетэрмасьёмён* «не спеша».

Из частей речи достаточно чётко разграничиваются существительное, глагол, прилагательное, местоимение, числительное и отчасти наречие. Однако многие слова имеют широкие грамматические значения. Например, существительные *лун* «день» и *вой* «ночь» могут нести и наречные значения, например, *Лун и вой мунім* кп. *Лун и ой мунім* «Днем и ночью шли». Существительные в номинативе в позиции определения обозначают признак предмета: *ур ку* «беличья шкура», досл. белка шкура», *морт олём* «человеческая жизнь, досл. человек жизнь».

Комбинации различных суффиксов в слове строго определены: у существительных после основы следуют числовой показатель, затем падежный и притяжательный суффиксы в одних падежах (*ёрть-яс-ойлы* кп. *ёртт-эз-ё-лө* «моим друзьям»), притяжательный и падежный показатели в других (*керка-яс-лань-ныд* кп. *керку-эз-лань-ныт* «по направлению к вашим домам»). У глаголов после основы следуют залоговый/видовой суффиксы, затем показатель времени и после него лично-числовой суффикс, например, *гиж-лывл-і-н* «ты регулярно писал», *гиж-ёд-і-н* «ты заставил написать что-то».

Существительные имеют грамматические категории лица, притяжательности и падежа. Различаются формы ед. и мн. числа. Как характерно для финно-угорских языков, слова в ед. числе выражают парные предметы (*гач*, пк. *вешьян* «штаны», *кес*, *кльбишии* «клещи»), а также выражают коллективную и собирательную множественность, например, *Студентыс сэн вöлі тыр* кп. *Студентыс тыр вöлі сэтчин* «Студентов там было полно, досл. Студента там было полно», *Колö тшаак солавны* «Надо грибы солить, досл. гриб солить». Мн. число образуется при помощи суффикса **-яс**, пк. **-эз**, реже **-эс**. У некоторых зырянских слов показателем мн. числа является суффикс **-яни** (*пиян* «сыновья», *понтиян* «щенки»). Коми-пермяцкие показатели мн. числе при присоединении к словам, оканчивающимся на согласный, имеют

форму с долгим консонантом: *юок* → «речка» *юоккез* «речки», *ваучер* → *ваучерез* «ваучеры». В настоящее время под влиянием русского языка наблюдается учащение использования форм мн. числа, особенно в коми-пермяцких диалектах.

Посессивные суффиксы устойчиво сохраняются в языке, образуя следующую систему форм (в ячейках после знака / даны суффиксальные сочетания у существительных во мн. числе).

лицо	один обладатель	много обладателей
1 лицо	-ой <i>пий</i> «мой сын» / -ян-ой -ө <i>пель</i> «мое ухо» / -яс-ө пк. -ө <i>зон</i> «мой сын» / -эз-ө	-ным <i>пиным</i> «наш сын» / -ян-ным <i>пельным</i> «наше ухо» / -яс-ным
2 лицо	-ыд <i>пийд</i> «твой сын» / -ян-ыд <i>пельыд</i> «твое ухо» / -яс-ыд пк. -ыт <i>зоныт</i> «твой сын» / -эз-ыт	-ныд <i>пиныд</i> «ваш сын» / -ян-ныд <i>пельныд</i> «ваше ухо» / -яс-ныд пк. -ныт <i>зонныт</i> «ваш сын» / -эз-ныт
3 лицо	-ыс <i>тыс</i> «его сын» / -ян-ыс <i>пельыс</i> «его ухо» / -яс-ыс	-ныс <i>пиныс</i> «их сын» / -ян-ныс <i>пельныс</i> «их ухо» / -яс-ныс

В употреблении посессивных суффиксов коми язык отличается тем, что показатель **-ыс** 3 лица ед. числа часто несёт чисто определенную семантику, т.е. употребляется в функции определенного артикля, например, *Миян керкаыс важ нин* «Наш дом-то старый уже». С другой стороны, притяжательные суффиксы 1 лица в речи часто не употребляются, опускаются, например, *Тай* «менам ыджыд вок» кп. *Эта менам ыджыт вон* «Это мой старший брат», вместо *вокй*.

Падежная система коми языка отличается многочленностью и разнообразием. Традиционно в литературных языках выделяют 16-17 падежей, однако их больше двадцати. Падежи делятся на две группы субъектно-объектных и местных падежей. Нижеследующая таблица состоит из двух частей, первая содержит сведения о 23 общекоми падежах, вторая дает представление о коми-пермяцких специфических поверхностно-местных падежах. Среди финно-угорских языков коми-пермяцкие диалекты наиболее богаты падежами, там их 28 единиц. Коми-пермяцкие формы даются в случае их различий от зырянских.

Названия	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	-∅	Кто? Что?	<i>му</i> «поле»
Адессив/генитив	-л өн	Чей? У кого? У чего?	<i>мулөн</i> «поля, у поля»
Аллатив/датив	-л ы , кп. -л б	Кому? Чему?	<i>мулы</i> , кп. <i>мулб</i> «полю»
Аблатив	-л ысь , кп. -л ісь	У кого? У чего?	<i>мулысь</i> , кп. <i>мулісь</i> «у поля»
Аккузатив	-∅, - өс , - сб , - тб , кп. - б	Кого? Что?	<i>мусб</i> «поле (пахать)»
Инструменталь	- өн	Чем? С кем?	<i>муөн</i> «полем»
Комитатив	- кбд , кп. - кбт	С чем? С кем?	<i>мукбд</i> , кп. <i>Мукбт</i> «с полем»
Абессив	- тбг	Без кого? Без чего?	<i>Мутбг</i> «без поля»
Каузатив	- ла	За чем? За кем? Почему? Из-за кого?	<i>мула</i> «за земл ей », из-за земли
Инессив	- ын	Где? В чем?	<i>муын</i> «в поле»
Иллатив	- б	Куда? Во что?	<i>муб</i> «в поле»
Элатив	- ысь , кп. - ись/ісь	Откуда? Из чего?	<i>муысь</i> , кп. <i>муись</i> «из поля»
Аппроксиматив	- лань	По направлению к чему, к кому?	<i>мулань</i> «по направлению к полю»
Эгрессив	- сянь	От чего? Откуда?	<i>мусянь</i> «от поля»
Пролатив	- ті , - бд , кп. - бт	По чему-либо?	<i>муті</i> «по полю»
Терминатив	- бдз , кп. - бдз , - ви	До чего? Докуда?	<i>мубдз</i> «до поля»
Компаратив пк., зк. (в южных диалектах)	- ся	По сравнению с чем, с кем?	<i>муся</i> «по сравнению с полем»
Аппроксиматив-инессив	- ланьын	В окрестностях чего (находится)?	<i>муланьын</i> «вблизи поля»

Аппроксиматив-элатив	-ланьысь, кп. -лانىсь	Из окрестностей чего?	муланьысь «из окрестностей поля»
Аппроксиматив-иллатив	-ланьӧ	В окрестности чего (идти)?	муланьӧ «в место возле поля»
Аппроксиматив-эгрессив	-ланьянь	Из окрестности чего?	муланьянь «из места возле поля»
Аппроксиматив-пролатив	-ланьӧд, -ланьті, пк. -ланьӧт	По окрестностям чего?	муланьӧд/му- ланьті «по окрестности, вдоль поля»
Аппроксиматив-терминатив	-ланьӧдз	До окрестностей чего?	муланьӧдз «до места возле поля»

Серия из пяти коми-пермяцких поверхностно-местных падежей, употребляющихся в двух видах алломорфов, с согласным *л* в северных и *в* в южных диалектах. Эти падежи ещё не кодифицированы в грамматиках коми-пермяцкого литературного языка, хотя в устной и письменной формах речи вполне употребительны.

Суперессив (поверхностно-местный)	-вын/-лын	На чем?	мырлын/мыр- вын «на пне»
Сублатив (поверхностно-направительный)	-вӧ/-лӧ	На что?	мырлӧ/мырвӧ «на пень»
Делатив (поверхностно-изъятельный)	-вись/-ылісь	С поверхности чего?	мырылісь/мыр- вись «с пня»
Суперлатив (поверхностно-проходной)	-вӧть/-лӧть	По поверхности чего?	мырлӧть/мырвӧ ть «по поверхности пня, по пню»
Супертерминатив (поверхностно-предельный)	-вӧдз/-лӧдз	До поверхности чего?	мырлӧдз/мыр- вӧдз «до поверхности пня»

В ходе истории языка возникли флективоподобные суффиксы в нескольких падежах: совпадающие в инессиве и иллативе, в аккумулятиве, элативе и инструментале. Падежные и притяжательные суффиксы подверглись фузии и образовали ряд своеобразных падежно-посессивных показателей, напоминающие флексии, например, в инессиве/иллативе и элативе формы представлены следующим образом:

Мый? Что?	Кöни? / Кытчö? Где?/Куда	Кытысь? Откуда?
<i>сиктöй</i> «моя деревня»	<i>сиктам</i> «в моей деревне, в мою деревню»	<i>сиктсьым</i> «из моей деревни»
<i>сиктыд</i> «твоя деревня»	<i>сиктад</i> «в твоей деревне / в твою деревню»	<i>сиктсьыд</i> «из твоей деревни»
<i>сиктыс</i> «его, её деревня»	<i>сиктас</i> «в его, её деревне / в его, её деревню»	<i>сиктсьыс</i> «из его, её деревни»
<i>сиктным</i> «наша деревня»	<i>сиктаным</i> «в нашей деревне / в нашу деревню»	<i>сиктсьыным</i> «из нашей деревни»
<i>сиктныд</i> «ваш деревня»	<i>сиктаныд</i> «в вашей деревне / в вашу деревню»	<i>сиктсьыныд</i> «из вашей деревни»
<i>сиктныс</i> «их деревня»	<i>сиктаныс</i> «в их деревне, в их деревню»	<i>сиктсьыныс</i> «из их деревни»

Прилагательные коми языка имеют набор словообразовательных суффиксов, сравнительную степень прилагательных образует суффикс **-джык**, кп. **-жык**, например, *бур* «хороший» → *бурджык*, кп. *буржык* «лучше». Превосходная степень образуется двояким образом, синтетически с помощью приставки **мед-** (*медбур* «самый лучший») и аналитически с помощью частиц *медся*, кп. *самöй*: *медбур*, *медся/самöй бур* «самый лучший». Прилагательное в функции сказуемого может также иметь форму мн. числа, который образует суффикс **-öсь**, например, *Тайö небöгъясыс бурöсь* кп. *Этна книгаэс бурöсь* «Эти книги хорошие».

Финитный глагол имеет следующие морфологические категории: наклонение, лицо-число, время, залог, способы глагольного действия. Коми язык не отличается богатством наклонений: выделяются индикатив (изъявительное) и императив (повелительное) наклонения. Парадигма повелительного наклонения включает формы 2 лица ед. и мн. числа и 1 лица мн. числа, например, *мун* «иди», *мун-öй* кп. *мун-ö-те* «идите», *мун-ам(öй)* кп. *мун-ам-те* «давай пойдём». Разнооб-

разные модальные значения условия, желательности, уступки и т.п. выражаются сочетаниями глаголов с частицами и наречиями.

Глагол имеет один тип спряжения, различаются две парадигмы — положительная и отрицательная. Употребляются традиционные для большинства уральских языков спрягаемые отрицательные глаголы, причем у т.н. лексического глагола есть показатели, указывающие на мн. число производителей действия. Парадигмы спряжения в диалектах и литературных коми языках отличаются вариативностью, наряду с полными лично-числовыми показателями в формах мн. числа употребляются и редуцированные. Показатели спряжения в настоящем времени у глагола *гижны* «писать»:

лицо-число	положительные глаголы	отрицательные глаголы
<i>ме</i> «я»	<i>гижса</i> «пишу»	<i>ог гиж</i> «не пишу»
<i>тэ</i> «ты»	<i>гижсан</i> «пишешь»	<i>он гиж</i> «не пишешь»
<i>сийӧ</i> , кп. <i>сия</i> «он, она»	<i>гижӧ</i> «пишет»	<i>оз гиж</i> «не пишет»
<i>ми</i> , кп. <i>мийӧ</i> «мы»	<i>гижам(ӧ)</i> «пишем»	<i>ог(ӧ(ӱ)) гижӧ(ӱ)</i> «не пишем»
<i>ті</i> , кп. <i>тийӧ</i> «вы»	<i>гижанныд</i> , <i>гижад</i> , кп. <i>гижам(ӧ)</i> «пишете»	<i>он(ӧ(ӱ)) гижӧ(ӱ)</i> , пк. <i>од(ӧ) гижӧ</i> «не пишете»
<i>найӧ</i> , кп. <i>нія</i> «они»	<i>гижӧны</i> «пишут»	<i>оз гижны</i> , кп. <i>оз(ӧ) гижӧ</i> «не пишут»

В ходе истории языка в языке развилась многочленная система глагольных времен: различают настоящее время, будущее простое I и будущее II аналитическое, синтетические прошедшие времена претерит, модальный перфект, а также шесть различных аналитических прошедших времён.

Настоящее время выражают показатели **-а** и в формах 3 лица **-ӧ**, которые соединены воедино с личными формантами (см. примеры выше). Будущее простое специфические показатели имеет лишь в 3 лице, это суффикс **-ас**, например, *гижны* «писать» → *гижас* «он/она напишет», *гижасны* «они напишут». Значение будущего простого — выражение целостного завершённого действия в плане будущего. Будущее аналитическое образуется сочетанием спрягаемых вспомогательных глаголов *кутны*, *пондыны* с инфинитивом. Спрягаемый глагол может свободно стоять как в препозиции к инфинитиву, так и

после него. Общее значение этого времени — выражение нецелостного, незавершенного действия в плане будущего, см. примеры от глагола *гижны* «писать».

	ед. число	мн. число
1 лицо	<i>кута гижны</i> «я буду писать»	<i>пондам(ö) гижны</i> «мы будем писать»
2 лицо	<i>кутан гижны</i> «ты будешь писать»	<i>понданныд/</i> пк. <i>пондат гижны</i> «вы будете писать»
3 лицо	<i>кутас гижны</i> «он/она будет писать»	<i>пондасны/</i> пк. <i>пондасö гижны</i> «они будут писать»

Прошедшее время претерит употребляется чаще всех, оно образуется при помощи суффикса **-и(і)**, присоединяющегося к основе слова, например, гижны «писать» → *ме гижи* «я писал/написал», *тэ гижин* «ты писал/написал», *сийö гижис* «он писал/написал» и т.д. Значение времени широкое: оно обозначает как незаконченное, так и завершенное в прошлом действие.

Особое место в ряду времен занимает модальный перфект или т.н. II прошедшее время, который образуется при помощи отрицательного суффикса **-öм**, к которому присоединяются лично-числовые показатели, см. примеры на глагол *гижны* «писать»:

	ед. число	мн. число
1 лицо	<i>гижöма</i> «я писал, оказывается»	<i>гижöмаöсь</i> , пк. <i>гижöмась</i> «мы писали, ..»
2 лицо	<i>гижöмыд</i> , кп. <i>гижöмыт гижöм(ат)</i> «ты писал, оказывается»	<i>гижöмныд</i> , пк. <i>гижöмныт, гижöмась</i> «вы писали, оказывается»
3 лицо	<i>гижöма</i> , кп. <i>гижöм(а)</i> «он(а) писал(а), оказывается»	<i>гижöмаöсь, гижöмны</i> пк. <i>гижöмась</i> «они писали, оказывается»

Отрицательные формы II прошедшего времени образуются как и у прилагательных, при помощи стоящей перед глаголом отрицательной частицы *абу*: *мунöма* «ушёл/ушла» ↔ *абу мунöма* «не ушёл/не ушла».

Аналитические времена глагола представляют действие в отношении к дополнительной точке отсчета, к какому-то действию в прошлом более дискретно, специализированно. В коми языке они состоят из сочетания неизменяемого вспомогательного глагола в

формах синтетических прошедших времен и спрягаемого лексического глагола также в разных временах, причем порядок расположения обоих компонентов свободный. Аналитических прошедших времен шесть: прошедшее длительное незавершенное, образующееся из сочетания неизменяемого глагола *вӧлі* «был» и спрягаемого в настоящем времени глагола (*тэ гижан вӧлі* «ты писал тогда»), законченное прошедшее время (плюсквамперфект), образующееся из неизменяемого глагола *вӧлі* и спрягаемого глагола во II прошедшем времени (*тэ вӧлі гижӧмыд* «ты уже написал к тому времени»), прошедшее незавершенное неочевидное, состоящее из сочетания неизменяемого глагола *вӧлӧм* «был, оказывается» и спрягаемого в настоящем времени основного глагола (*тэ гижан вӧлӧм* «ты писал тогда, оказывается»), прошедшее завершенное неочевидное, состоящее из сочетания неизменяемого глагола *вӧлӧм* и спрягаемого глагола во II прошедшем времени (*тэ вӧлӧм гижӧмыд* «ты написал к тому времени, оказывается»), прошедшее незавершенное многократное, состоящее из неизменяемого глагола *вӧлі* и основного глагола в простом будущем времени (*сійӧ вӧлі гижас* «он, бывало, пишет») и прошедшее незавершенное многократное неочевидное, состоящее из сочетания неизменяемого глагола *вӧлі* и спрягаемого в простом будущем времени основного глагола (*сійӧ гижас вӧлӧм* «он, мол, говорят, бывало, как напишет»).

Специфическим для коми диалектов и литературных языков является присоединение отпослеложных формантов **-кодь**, **-моз** и суффикса сравнительной степени **-джык** к лично-числовым показателям глагола, например, *тӧдӧ* «он/она знает», но *тӧдӧкодь* «немножко или как будто знает» и *тӧдӧджык* «знает лучше, больше кого-то». Образуемые этими формантами специфические степени глагольного действия несут модальные смыслы, характеризуют процессы, производимые определенными лицами, с точки зрения говорящего.

Инфинитивные формы глагола представлены в языке богато. Выделяется инфинитив с суффиксом **-ны** (*ытыкыны* «косить»), имеющий и отрицательную форму, образующуюся с помощью русской частицы *не*, например, *мунны* — *не мунны* «идти — не идти». Причастия в коми языке образуют систему из четырёх разрядов: активные причастия настоящего времени на **-ысь**, кп. **-ись(-ісь)** — *гӧрысь* кп. *гӧрись морт* «пашущий человек», настоящего времени на **-ан/-ана** — *юан ва* «вода, которую можно пить», причастия прошедшего времени на **-ӧм/-ӧма** — *пӧм ва* «вскипяченная вода», отрицательные причастия с суффиксом **-тӧм** — *пӧтӧм ва* «некипяченная вода». За исключением причастий на

-ысь, кп. **-ись(-ісь)**, причастия выражают и активное, и пассивное значения действия, например, *сёйтём морт* «непоевший человек», *сёйтём рок* «несъеденная каша». Деепричастия включают множество разрядов, основными из которых являются следующие: деепричастия одновременного действия с суффиксами **-иг**, кп. **-ик**, **-игё**, кп. **-икё**, **-игён**, кп. **-тён**, **-игкості**, **-игчѳж(ѳн)** (*сѳыліг-йѳктігён* «во время песен-плясок», кп. *ытѳкиксытён* «во время косьбы»), деепричастия сопутствующего действия на **-ігтырйи**, **-ігмоз**, **-ігсор(ѳн)**, **-ѳмѳн** (*чеччалігтырйи* «прыгая»), отрицательное деепричастие с суффиксом **-тѳг** (*тѳдтѳг* «не зная»), деепричастия последующего действия на **-тѳдз** (*велѳдчытѳдз* «до учебы»), герундиум меры и степени действия на **-мѳн** (*мудзмѳн* «до усталости», *сѳймѳн нянь* «хлеб, достаточный съесть»). Деепричастия выражают дополнительную предикацию и образуют разнообразные конструкции, часто имеющие формально выраженный самостоятельный субъект, например, *Шонді немігѳн лысва усис* кп. *Шонді немікѳ лысва усис* «Когда всходило солнце, роса выпала».

Служебные части речи представлены послелогоми, союзами и частицами. Послеложные конструкции в коми языке учащаются, часто образуя структурные кальки с русского языка, например, *мунны автобус вылын* «ехать на автобусе» вместо более искомого выражения *мунны автобусѳн* «ехать автобусом», *армия водзын* «перед армией» вместо *армияѳдз* «до армии».

Синтаксический строй коми языка характеризуется, с одной стороны, сохранением древних особенностей построения словосочетаний и предложений, с другой стороны, появлением ряда инноваций. Порядок слов определение + определяемое слово в атрибутивных словосочетаниях устойчиво сохраняется, определения примыкают к основному слову, например, *пу зыр* «деревянная лопата», *зыр пу* «дерево для черенка лопаты», *ылысса ичѳт мича сикт* «далекое маленькое красивое село» → *ылысса ичѳт мича сиктыясын* «в далеких маленьких красивых сѳлах» (определяемое слово во мн. числе, инессиве). Порядок расположения компонентов предложения свободный, одинаково частотны порядки SOV и SVO, например, *Петыр газет лыддѳѳ / Петыр лыддѳѳ газет* «Петыр газету читает / читает газету». Традиционно употребительны в составе простых предложений инфинитивные, причастные и деепричастные конструкции, отглагольно-именные обороты, выражающие значения различных придаточных предложений, например, кп. *Школаын нылѳн велѳтчикѳ оланыс вѳлі умѳль* «Во

время их обучения в школе жизнь была тяжелая». В настоящее время совершенно естественными в языке стали сложные предложения с союзной связью компонентов, причем их развитие имело место под интенсивным влиянием контактирующего русского языка. Так, практически все сочинительные союзы являются русскими заимствованиями: *и, да, но, либб, или, али, ни-ни, то-то*. Придаточные предложения в составе сложных соединяются при помощи отместоименных союзных слов *мый* «что», *кбні* «где», *кутшбм* «какой» и пр., например, *Ме аддзылі, кыдзи Таттяныс воис* «Я видел, как Татьяна пришла». В речи людей старшего поколения построение предложения другое: *Ме Таттяныслысь локтбм-сб аддзылі* «досл. Я у Татьяны приход-то видел». Особенно часты сложноподчиненные предложения в коми-пермяцких диалектах, где часто употребляется заимствованный союз *что* [што] наряду с исконным *кбда* «что», например, *Сія эз тбд, что ме локті* «Он не знал, что я пришел».

Лексика коми языка складывалась в течение многих веков, она состоит из слов исконного происхождения (финно-угорские, общепермские, собственно-коми по происхождению слова) и заимствований, среди которых наиболее древними являются древнечувашские слова или булгаризмы, например, *чарла* «серб», *кольта* «сноп», *кушман* «редька», *тусь* «зернышко», *бныр* «седло», *кан* «царь», *зеп* «карман», *куд* «лукошко», *чуман* «корзина», *бан* «щека». Наибольшее количество заимствований проникло из русского языка или через него. Контакты с русскими начались не раньше XII вв. Древнейшие русские заимствования претерпели в коми языке фонетическую и семантическую адаптацию, например, *чась* < рус. *чаша*, *лядьвей* «ляжка» < рус. *лядьвя*, *висьт* «рассказ» < рус. *весть*, *гбббч* < рус. *голбец*. Современные заимствования адаптируются в минимальной степени: *шляпа, ОМОН, совхоз, фотокамера*, хотя в речи иные звуки субституируются более приемлемыми, например, *пишшаль* < рус. *пищаль*, *рбдина* < рус. *родина*. Через русский язык массово проникают и слова из других языков, подчас подвергаясь также адаптации, например, *бульдозёр, шбпер* «шофер», *мампась* «монпансье», *пёсьтак* «спектакль», *кбккэй* «хоккей», *пудбол* «футбол», *тбрбкан* «таракан». Предки коми-зырян в ходе истории заселили северные и северо-восточные земли, перешли Уральские горы и вступили в контакты с проживавшими в тех местах народами — вепсами, ненцами, обскими уграми. Вепские заимствования проникли в западные коми-зырянские диалекты: *агас* «борона»,

лудік «клоп», *кась* «кошка», *пив* «облако», *пони* «маленький». Ненецкие заимствования воспринял северный ижемский диалект, они связаны с оленеводческим укладом хозяйства, например, *малича* «малица», *пими* «пимы», *хора* «некастрированный олень в возрасте от двух лет», *харей* «шест для управления упряжкой» и др. Обско-угорских заимствований в общенациональном языке немного, например, *кынь* «песец», *яран* «ненец». С конца прошлого века изобилие заимствований из русского языка стало расцениваться как стилистический недостаток, поэтому как реакция на это положение в языке возникла масса неологизмов, которые стали входить в активный оборот, например, *оланпас* «закон», *канпас* «государственный герб», *шылад* «музыка», *енби* «талант», *биару* «горючий газ», *отуввез* «интернет», *ордпу* «генеалогическое древо», *кыввор* «лексика», *изэрд* «площадь» и др. Русский литературный язык в ходе многовековых контактов заимствовал такие коми слова как *пельмени* от *пельнянь*, *чум*, *чага*, *туесок* «берестяной сосуд с крышкой» от *туис*, *парма* «лесистый горный кряж на Урале», *коты*. В русских диалектах насчитывается свыше 130 коми заимствований, например, *баля*, *балька* «овечка», *гимга* «верша, морда», *бус* «мелкий дождь в ненастье» и др.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Чолём!,

кп. *Здорóво! Здрáвствуй!*

Видза олан! Видза оланныд!,

пк. *Олат-вылат!*

Бур асыв!, кп. Бур асылён!

Бур вой! Бурá узь!

Видза колян!

Видза колянныд!

Аддзысьлытöдз!

кп. *Аддз^йсьлытöдз!*

Менам нимöй Вóлодь,

кп. *Мéнам н^{йм}ö Вóлодь,*

Ме комиöн сёрнитá.

кп. *Ме комиöн баитá.*

Шуд тiянылы сiа!

Дзоньвидзалунныд кутиём?

Привет!

Здравствуй! Здравствуйте!

Доброе утро!

Спокойной ночи!

До свиданья! (одному)

До свиданья! (многим)

Моё имя Вóлодь. = Владимир

Я по-коми говорю.

Желаю вам счастья!

Как ваше здоровье?

Кыдзи олан-вылан?

кп. *Кыдз олан?*

Кутиём тиян нимныд?

кп. *Кытиём тиян нѳмныт?*

Видза корам!

Ме тэно радейта!

Эно дивитой!

Аттьо! Ыджыд аттьо!

Бур туй!, пк. Волькыт туй!

Став бурсо тиянлы!

кп. *Быдос бурсо тиянлө!*

Нянь да сов!

Как поживаешь?

Как ваше имя?

Добро пожаловать!

Я тебя люблю!

Извините!

Спасибо! Большое спасибо!

Счастливого пути!

Всего хорошего вам!

Приятного аппетита!

ТЕКСТЫ

Нёбдинса Виттор (Виктор Савин)

ӨТЧЫД ОВЛӨ

БЫВАЕТ ОДИН РАЗ

Мича нывъяс Эжва дорө

Лэччисны.

Бурлак зонъяс нывъяс бөрся

Вөтчисны.

Пыжө пуксисны, мөдөдчисны
сынны,

Горөдисны сывны.

Зэв гажаа сьылөны.

Красивые девушки к Эжве

Спустились.

Парни-молодцы за девушками

Побежали вслед.

В лодку сели, начали грести

Начали, досл. крикнули петь.

Очень весело поют.

«Мича нывъяс, Эжва шөрас

Петамөй!»

«Бурлак зонъяс, мөдлапөлас

Вуджамөй!»

Төвру пөльыштө, мөвкйөдлө
ва вылын

Мөдлапөв зэв ылын:

Визув ва кылөдө.

«Красивые девушки,
на середину Эжвы

Выйдем!

«Парни-молодцы, на ту сторону

Переправимся!»

Ветерок дует, качает на воде

Другой берег очень далеко:

Текучая вода сносит.

«Мича нывъяс, зилджыка нө

«Красивые девушки,

ну старательнее

Сыныштöй!»
«Бурлак зонъяс, пелыснаныд
Кутыштöй!»
Эжва вуджисны, веж видз
вылын долыд,
Радлö весиг лолыд, —
Майбырöй олöмöй!

Гребите!»
«Парни-молодцы, вёслами
порулите!»
Эжву переплыли, на
зеленом лугу весело!
Радостно даже на душе, —
Благодать моя жизнь!

«Мича нывъяс, босьтчылöй нö
Йöктыны!»
«Оз тай, зонъяс, майбырöй, ков
Тшöктыны!»
Гажа ворсöны, сьöлмъясныс
бурмö,
Ягын, кылö, юргö
Бöрсяньыс йöла шы.

«Красивые девушки, возьмитесь же
Плясать!»
«Не надо, парни, к счастью,
Приказывать!»
Весело играют, сердцам
хорошо,
В бору, слышнен
Сзади звук эха.

«Мича нывъяс, гажа жö нин
Олöмыд!»
«Бурлак зонъяс, öтчыд овлö
Татшöмыд!»
Майбыр, гажа кад,
мед эськö оз помась!
Гажöдчöй, кор томбсь,
Мöдысь оз нин во!

«Красивые девушки, весела
же жизнь то!»
«Парни-молодцы, один раз бывает
Такое!»
Благодать молодая пора,
хоть бы не кончалась!
Радуйтесь, когда молоды,
В другой раз уже не придет!

Юшков Генъ

МАРЬЯМОЛЬ

Визув юö петö ёль,
Петö ёль, петö ёль,
Быдмö эснi марьямоль,
Марьямоль, марьямоль.

Сикöтш вылö куим-нёлъ,
Куим-нёлъ, куим-нёлъ
Колö дзоридз марьямоль,
Марьямоль, марьямоль.

ПИОН ЛЕСНОЙ

В быстротечную реку впадает
ручей,
Впадает ручей, впадает ручей.
Растет там лесной пион,
Лесной пион, лесной пион.

На бусы три-четыре,
Три-четыре, три-четыре
Нужен цветок лесной пион,
Лесной пион, лесной пион.

Муса зонмӧй, энлы коль,
Энлы коль, энлы коль.
Кыкӧн корсям марьямоль,
Марьямоль, марьямоль.

Локта гортӧ гиль да голь,
Гиль да голь, гиль да голь.
Вая събрьсь марьямоль,
Марьямоль, марьямоль.

Сӧмын унасӧ ог доль,
Ме ог доль, ме ог доль,
Кодкӧд вотӧ марьямоль,
Марьямоль, марьямоль.

Милый парень, не оставь,
Не оставь, не оставь.
Вдвоём отыщем лесной пион,
Лесной пион, лесной пион.

Приду домой тук-тук,
Тук-тук, тук-тук.
Принесу с собой лесной пион,
Лесной пион, лесной пион.

Только многого не сболтну,
Я не сболтну, я не сболтну,
С кем собирала лесной пион
Лесной пион, лесной пион.

ЧАСТУШКАЭЭ

Пѣта талун **в**идз вылӧ
Рытнас тшӧшкӧравны,
Кызд бы **м**илӧйӧс аддз**ы**вны,
Ӧтик кыв висьтáвны.

Гармон**н**ыс áчыс óз орс,
Кóлӧ чúnнез вӧрӧтны.
Ны́вкаыс эд áчыс óз мун,
Кóлӧ **к**йӧт **к**ыскавны.

Еныс з́рӧ, éныс з́рӧ,
Шӧррезыс котӧртӧны.
Милӧй áрмияӧ мúnӧ,
Синвáээ котӧртӧны.

Йӧрыс пӧрӧм, йӧрыс пӧрӧм,
С́гчӧ пӧрссес **п**ырӧмась.
Мӧдӧ **м**илӧйӧс кольлáвны,
Да нинкӧммез **б**ырӧмась.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЕ ЧАСТУШКИ

Выйду сегодня на луг
Вечером собирать шавель,
Как бы милого увидеть,
Одно слово сказать.

Гармонь сама не играет,
Надо пальцами шевелить.
Девушка сама ведь не пойдет,
Надо за руку тянуть.

Дождь идет, дождь идет,
Ручьи бегут.
Милый в армию уходит,
Слезинки бегут.

Изгородь свалилась,
изгородь свалилась,
Туда свиньи зашли.
Стала милого провожать,
Но лапти износились.

Магаз^ин^о т^он пыр^алі,
Н^овосттез висьт^аліс^о.
Кыз цен^аэс^о каз^ялі,
С^иннэз^о бар^аліс^о.

В магазин тот раз заходил(а),
Новости рассказали.
Как только цены заметил(а),
Глаза на лоб полезли.

Лэздчам видд^ез выл^о м^ий^о,
Петш^орись к^ерам бук^ет,
И^ньдам Ё^льцинысл^о с^ий^о —
«Бур ол^ан» понда прив^ет.

Спустимся на луга мы,
Из крапивы сделаем букет,
Отправим Ельцину его —
За «хорошую жизнь» привет.

Литература

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). — М.: Наука, 1982.

Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. — Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 1962.

Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В.Федюнева. — М.: Изд-во ДиК, 1998.

Лыткин В.И. Древнепермский язык. — М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. — Сыктывкар, 1961.

Лудыкова В.М., Некрасова Г.А., Попова Э.Н., Федюнева Г.В., Цыпанов Е.А. Ёнія коми кыв. Морфология. — Сыктывкар: Коми неб^ог лэдзанин, 2000.

Манова Н.Д. Учимся говорить по-коми. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994.

Моторина Л.А. Медводза воськов: Вел^одан пособие. — Сыктывкар, 2005.

Самарова М.А. Чол^ом! Дышетон пособие = Чол^ом! Вел^одан пособие. — Ижкар: УдГУ, 2007.

Цыпанов Е.А. Перым-коми гиж^од кыв. — Сыктывкар: Пролог, 1999.

Цыпанов Е.А. Видза олан! Самоучитель коми языка. — Сыктывкар: Изд-во «Анбур», 2007.

Manova N. Komi-zürjén nyelvkönyv. — Szeged, 1998

Rédei K. Syräjnische Chrestomathie. — Wien, 1978.

УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

Удмуртский язык является родным языком всех территориальных групп удмуртов. Этнонимом-самоназванием народа являются слова *удмурт*, (*уртмурт*, *удморт*, *укморт*). Вариант *удмурт* встречается чаще всего, это сложное слово состоит из компонентов *уд* «луг» + *мурт* «человек», общее значение «луговой человек». Аллоэтноним удмуртов *вотьяк* широко употреблялся в русской речи и в дореволюционной литературе, татары называют удмуртов этнонимом *ар*, а живущие по соседству марийцы *одо*. В зарубежной научной литературе слово *вотьяк* употребляется и сейчас. От прапермского слова **ontε*- в русском языке образовался этноним *вотьяк*, с помощью словообразовательного суффикса *-ак*, как и слова *сибиряк*, *туляк*, *пермяк*. Считается, что основа *уд* образовалась от общепермского **ontε*- «всход, побег», который также выступает в первом компоненте древнекоми названии месяца мая *ода-кора*. Более древней формой была *отьяк* или *отин*, затем уже к *о* прибавился звук *в*, как и в русском *осемь* → *восемь*. От прапермского **ontε*- образовался и марийский аллоэтноним *одо*, обозначающий удмуртов. Среди удмуртов выделяется этнографическая группа *бесермян*. Удмуртский этноним *бесерман* образован от тюркского корня *бусурман*, который сам восходит к арабскому *muṣlīm(un)* «мусульманин». Кроме того, в удмуртском языке сохранились и названия древних родов, так называемые воршуды. Слово *воршуд* образовано путем метатезы корней словосочетания *шуд вордысь* «хранитель счастья».

Исследователи выделяют в языке три наречия или группы диалектов: северное, южное и срединное. Отдельно выделяют также бесермянский диалект, вобравший в себя особенности как южных, так и северных диалектов. Данные о количестве диалектов у разных авторов расходятся, однако в составе северного наречия обычно выделяются верхне-, средне- и нижнечепецкий диалекты, а в составе южного наречия центральный и периферийно-южный диалекты. Литературный язык опирается на срединные говоры, однако в него широко привлекаются грамматические и лексические элементы других диалектов, особенно южных, т.к. большинство удмуртских писателей были и являются выходцами из южных районов республики, Татарстана и Башкортостана.

Письменность возникла в XVIII в. на основе кириллицы, причем тогда же появилось первое четверостишие на удмуртском языке, первый рукописный словарь Захария Кротова объемом 5000 слов,

рукописная грамматика Михаила Могилына. Первая грамматика удмуртского языка — «Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» — была напечатана в Санкт-Петербурге в 1775 г. (авторство приписывается казанскому митрополиту В.Пуцек-Григоровичу). В XIX в. выходили брошюры, книги, буквари, евангелия на основе разных диалектов. В Казани обучались учителя начальных школ, по национальности удмурты, однако единого нормированного языка тогда ещё не было. В собиране и первоначальное исследование удмуртских языковых материалов в XIX в., в начале XX в. большой вклад внесли венгерские лингвисты Бернат Мункачи, Давид Фокош-Фукс и финн Юрьё Вихман. Современный литературный язык сформировался в 20-е гг. XX в., причем изначально был взят курс на создание единого общенационального нормированного языка с привлечением языковых ресурсов большинства диалектов, т.е. диалектная база языка была широкой. Из-за этого удмуртский литературный язык отличается своей вариативностью и в морфологии, и в лексике. К примеру, вполне употребительны образованные на разной диалектной основе такие слова как *тумошо* и *тамаша* «смешной», *тушмон* и *душмон* «враг», *крезь* и *кырезь* «гусли». Есть множество вариантов также в глагольной системе, отличаются разнообразием частицы и междометия. Вдобавок к буквам русского алфавита введено пять графем: *ö* и *ï* (последний употребляется после твердых парных *д, з, л, н, с, т*), а также три буквы для обозначения специфических согласных-аффрикат — *ж̣* [ʒ̣], *ч̣* [ʧ̣], *щ̣* [ʃ̣]. В Республике Удмуртия удмуртский язык в 2001 г. объявлен государственным языком наряду с русским, однако закон о языках в большинстве пунктов реально не выполняется.

Удмуртский язык преподается в средних школах, Удмуртском государственном университете и Глазовском государственном педагогическом институте, средних педагогических учебных заведениях. На удмуртском языке издаются литературно-художественные журналы «Кенеш» (Совет), «Инвожо» (Смолёвка-цветок), методический журнал «Вордскем кыл» (Родной язык), республиканская газета «Удмурт дунне» (Удмуртский мир), детская газета «Зечбур» (Здравствуй), детский журнал «Кизили» (Звездочка), районные газеты, издаются книги, ведутся радио- и телепередачи. Классиками удмуртской литературы являются Кедра Митрей (1992–1949), Кузубай Герд (1998–1937), Ашалычи Оки (1898–1973), Михаил Петров (1905–1955), Флор Васильев (1934–1978), Геннадий Красильников (1928–1975), Николай Байтеряков (1923) и др.

Фонетическая характеристика. В удмуртском литературном языке семь гласных: переднерядные *и, э*, среднерядные *а, ö* [e], *ы*, заднерядные *о, у* (лабиальные). В некоторых диалектах гласных больше. Явление гармонии гласных в большинстве диалектов отсутствует, исключения составляют периферийно-южные красноуфимский и татышлинский диалекты, испытывающие мощное тюркское влияние в области фонетики. В словах исконного происхождения выделяется 26 согласных: *б, в, г, д, д', ж, з, з', й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, с', т, т', ч* [č'], *ч̣* [č̣], *џ* [џ'], *ш*. В заимствованных словах встречаются согласные *ф, х, ц*. В начале слова закономерно встречаются звонкие шумные. Аффрикатy характерны для начала слова и довольно редки в остальных слогах, например, *џезег* «гусь», *џажы* «полка», *џужыт* «высокий, но ты џал «ружье», *нокы џе* «никакой», *вырџыны* «тронуться, отправиться». Сочетания согласных в начале слова встречаются в заимствованных словах (*кран, премия, психология*), а также в некоторых исконных, где они появились в результате выпадения гласного первого слога: *трос* «много» < *тыр* «полный», ср. к. *тырыс* «полно», *крезь* «гусли» < диал. *кырезь* «тж», *скал* «корова» < диал. *ыскал, искал* «тж». Однако многие заимствования с изначальными сочетаниями согласных в начале слова закономерно подверглись фонетической адаптации, например, *кирос* < рус. *крест, плеш* «плешивый» < рус. *плешь, бурыс* < рус. *брус*. На сто фонем в потоке речи приходится 44 гласных и 56 согласных. Большинство гласных и согласных употребляется в анлауте, инлауте и ауслауте без заметных ограничений. В отличие от коми языка, в удмуртском множество основ существительных и глаголов устойчиво сохраняет конечный гласный *ы*, для сравнения: *пуны* «собака» — к. *пон, лымы* «снег» — к. *лым, пуньы* «ложка» — к. *пань, нымы* «комар» — к. *ном, геры* «плуг» — к. *гöр*. Заимствованные фонемы *ф, х, ц, щ* широко употребительны лишь в заимствованиях из русского или через русский язык: *фонарь, канфет, халат, химия, кофта* и др.

Удмуртский язык (также как и восточные диалекты марийского языка) отличается от коми и других финно-угорских языков своеобразным словесным ударением, которое обычно падает на гласный звук последнего слога слова, например, *Курёг коткá* «Курица кудахчет». При образовании сложных слов и форм слов ударение регулярно переходит на конечный гласный: *сiн* «глаз» → *синучкóн* «зеркало» → *синучконьё́с* «зеркалá» → *синучконьё́слэн* «у зеркал». Во многих традиционных, старых заимствованиях место ударения смещено на последний слог, например, *калерá, минут, прени́к, чигáн, канику́л, писáр, шпалéр*. Однако в более поздних, сравнительно

недавних заимствованиях ударение не отличается от соответствующих слов в языке-источнике, например, *телевiзор*, *космéтика*, *кáфедра*, *дирéктор*. В некоторых случаях ударение падает на первый слог слова: у глаголов повелительного наклонения 2 лица ед. числа, в лексических глаголах в составе отрицательной парадигмы, в некоторых составных наречиях и прилагательных, например, *тон гóжься!* «ты пиши!», *ми ум кóшке* «мы не пойдём», *гóрд-горд* «очень красный». Появление такого типа словесного ударения ученые связывают с интенсивным тюркским влиянием на просодию удмуртского языка.

Морфологическая характеристика. Тип языка строго агглютинативный с элементами аналитизма, морфонологических явлений немного. В ходе истории языка возникли некоторые флективно-подобные падежно-притяжательные суффиксы и лично-числовые показатели глаголов, у которых совмещено несколько грамматических значений, например, *со ветл-э* «он/она ходит» (значения глагола I спряжения настоящего времени, 3 лица ед. числа), *соос ветл-о* (значения глагола I спряжения настоящего времени, 3 лица мн. числа). Однако такие показатели не образуют системных парадигм и являются исключениями, в целом малохарактерными для языка.

Носителями грамматических значений в языке традиционно являются суффиксы, префиксов лишь единицы: приставка **но-** с отрицательным значением, при помощи которой образуются отрицательные местоимения *номыр* «ничто», *нокин* «никто», *нокы́че* «никакой», *нокызыы* «никак», приставки **оло-** и **коть-** образуют наречия и местоимения, например, *котьмар* «всё», *котьку* «всегда», *оломар* «неизвестно что», *олоку* «неизвестно когда».

Из знаменательных частей речи достаточно четко разграничиваются существительное, глагол, местоимение и числительное, в то же время прилагательное и наречие во многих случаях не разграничены, например, слово *шулдыр* в зависимости от контекста может иметь грамматические значения существительного «веселье», прилагательного «веселый» и наречия «весело». Так, многие прилагательные употребляются в функциях наречий (*умой улон* «хорошая жизнь», *умой улыны* «хорошо жить»), а существительные употребляются как прилагательные и как наречия: *Тулыс вуиз* «Весна пришла», *тулыс нунал* «весенний день», *Тулыс гырыны кулэ* «Весной пахать надо». Такая недостаточная дифференциация частей речи отражает финно-угорское праязыковое состояние. Она не является препятствием в восприятии содержания сказанного из-за сохраняющегося в удмуртском языке твердого словоупотребления определение + определяемое слово, когда стоящее в препозиции к глаголу слово является обстоятельством,

а примыкающее и стоящее перед существительным слово является определением, например, *тол сюрес* «зимняя дорога, досл. зима дорога», *урод гожъяны* «плохо писать, досл. плохой писать».

Существительные умуртского языка употребляются в формах ед. и мн. числа. Для языка характерно широкое употребление форм ед. числа, когда слова выражают собирательное или коллективное множество, например, *сяська но губи бичаны* «собирать цветы и грибы, досл. цветок, гриб собирать». Однако употребление формы мн. числа **-ос(-ёс)** в ходе истории языка участилось, во многом под влиянием контактирующего русского языка. В отличие от многих уральских языков существительные при числительных 2 и больше, при количественных наречиях зачастую принимают форму мн. числа, например, *вить братьёс* «пять братьев», *прос муртьёс* «много человек», *кык ныжъёс* «две лодки». Хотя существительных *pluralia tantum* в собственном смысле в удмуртском языке нет и парные предметы выражаются словами в форме ед. числа (*син* «глаза», *куас* «лыжи»), существительные иногда принимают суффикс **-ос(-ёс)**, например, *кыктоос* «близнецы», *отёнъёс* «призывы», *бырьёнъёс* «выборы». Характерно употребление в формах мн. числа личных имён и топонимов, в последнем случае существительные обозначают жителей какого-то села/города. Примеры: *Ладюос* «Владимир и его друзья, его компания», *Ярьёс* «жители с. Яр», *Глазкаръёс* «жители г. Глазов».

Посесивные суффиксы в удмуртском языке имеют выраженную вариативность в огласовках суффиксов, которые присоединяются к различным группам существительных, что можно наглядно видеть из нижеследующей таблицы. В ячейках после знака / даны суффиксальные сочетания у существительных во мн. числе.

лицо	один обладатель	много обладателей
1 лицо	-э(е) тие «мой сын» / -ос-ы -ы пельы «мое ухо» / -ёс-ы	-мы тимы «наш сын» / -ос-мы <i>пельмы</i> «наше ухо» / -ёс-мы
2 лицо	-эд(ед) тиед «твой сын» / -ос-ыд -ыд пельыд «твое ухо» / -ёс-ыд	-ды тиды «ваш сын» / -ос-ты -ты пельды «ваше ухо» / -ос-ты
3 лицо	-ез(ез) тиез «его сын» / -ос-ыз -ыз пельыз «его ухо» / -ос-ыз	-зы тизы «их сын» / -ос-сы -сы пельзы «их ухо» / -ёс-сы

Использование посессивных суффиксов в притяжательных конструкциях обязательно, причем слово, обозначающее обладателя, всегда принимает формы генитива и/или аблатива, например, *Маялэн эшез Лия* «досл. У Май подруга(её) Лия», *Маялэн Рая анаез дышетйсь* «У Май старшая сестра(её) Рая учительница». Данное явление послужило основой для выделения особой подчинительной синтаксической связи изафет, которая существует и в марийском языке. Однако функционирование притяжательных суффиксов в языке ещё шире, они часто используются для выделения, подчеркивания предмета или его признака, например, *Ю.Гагарин — нырысетйез космонавт* «Ю.Гагарин — первый(то) космонавт», *Со вьльзэ дэремзэ ыштйз* «Он новую(то) рубашку потерял».

Падежная система литературного языка включает 15 падежей.

Названия	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	-Ø	Кто? Что?	<i>бусы</i> «поле»
Адессив/генитив	-лэн	Чей? У кого? У чего?	<i>бусылэн</i> «поля, у поля»
Аллатив/датов	-лы	Кому? Чему?	<i>бусылы</i> «полю»
Аблатив	-лэсь	У кого? У чего?	<i>бусылэсь</i> «у поля»
Аккузатив	-Ø, -эз(ез), -э(е), -эс	Кого? Что?	<i>бусыз</i> «поле»
Инструменталь	-эн(ен), -ын	Чем? С кем?	<i>бусыэн</i> «полем»
Абессив	-тэк	Без кого? Без чего?	<i>бусытэк</i> «без поля»
Инессив	-ын(н)	Где? В чем?	<i>бусыын</i> «в поле»
Иллатив	-э(е), -ы	Куда? Во что?	<i>бусыз</i> «в поле»
Элатив	-ысь(сь), -ысьт	Откуда? Из чего?	<i>бусыысь</i> «из поля»
Аппроксиматив	-лань	По направлению к чему, к кому?	<i>бусылань</i> «по направлению к полю»

Эгрессив	-ысен(сен)	От чего? Откуда?	<i>бусысен</i> «от поля»
Пролатив	-этй(етй), -тй	По чему-либо?	<i>бусытй</i> «по полю»
Терминатив	-озь(ёзь)	До чего? Докуда?	<i>бусыозь</i> «до поля»
Адвербиаль	-я	В соответствии с чем, с кем?	<i>бусыя</i> «в соответствии и с полем»

В ходе истории языка образовались флективоподобные суффиксы в нескольких падежах: элативе, в инессиве-иллативе. Падежные и притяжательные суффиксы подверглись фузии и образовали ряд своеобразных падежно-посессивных показателей, напоминающие флексии, например, в инессиве/иллативе и элативе формы представлены следующим образом:

Ма? Что?	Кытын? / Кытчы? Где?/Куда	Кытысь? Откуда?
<i>гуртэ</i> «моя деревня»	<i>гуртам</i> «в моей деревне, в мою деревню»	<i>гуртысьтым</i> «из моей деревни»
<i>гуртэд</i> «твоя деревня»	<i>гуртад</i> «в твоей деревне / в твою деревню»	<i>гуртысьтыд</i> «из твоей деревни»
<i>гуртэз</i> «его, её деревня»	<i>гуртаз</i> «в его, её деревне / в его, её деревню»	<i>гуртысьтыз</i> «из его, её деревни»
<i>гуртмы</i> «наша деревня»	<i>гуртам</i> «в нашей деревне / в нашу деревню»	<i>гуртысьтым</i> «из нашей деревни»
<i>гуртды</i> «ваша деревня»	<i>гуртамы</i> «в вашей деревне / в вашу деревню»	<i>гуртысьтыды</i> «из вашей деревни»
<i>гуртсы</i> «их деревня»	<i>гуртазы</i> «в их деревне / в их деревню»	<i>гуртысьтызы</i> «из их деревни»

Прилагательные в удмуртском языке отличаются тем, что свободны употребляются и как наречия: *умой адями* «хороший человек» и *умой*

улыны «хорошо жить». Сравнительная степень прилагательных образуется суффиксально, при помощи показателя *-гес*, например, *кузь* «длинный» → *кузьгес* «длиннее». Превосходная степень образуется аналитически при помощи частицы *самой*, стоящей перед прилагательным: *самой кузь* «самый длинный».

Глагол удмуртского языка отличается сложностью, он богат словообразовательными суффиксами, морфологическими категориями, разнообразными инфинитными формами.

Финитный глагол имеет следующие категории: наклонение, лицо-число, время, залог, способы глагольного действия, специфическая категория притворного действия. Выделяется три наклонения глагола: индикатив (изъявительное), императив (повелительное) и специфическое сослагательное наклонение (кондиционал). Парадигма императива неполная, она состоит из формы 2 лица ед. числа — глагольной основы (*вера* «скажи» от *вераны* «сказать»), и формы 2 лица мн. числа, образующегося из суффикса *-э(лэ)*, например, *мын-э(лэ)* «идите», *ужа-лэ* «работайте». Кондиционал образуется при помощи суффикса *-сал*, присоединяющегося к основе глагола как в положительных, так и в отрицательных формах. Отрицательные глаголы в кондиционале также спрягаются, при этом негативный глагол *öй* не изменяется. Личные показатели в первых лицах необязательны: *пукы-сал* «я/ты/он, она бы сидел/а».

Положительные формы глагола в 1, 2, 3 лицах ед. числа	Отрицательные формы глагола в 1, 2, 3 лицах ед. числа
<i>Мон пукы-сал</i> «Я бы сидел»	<i>Мон öй пукы-сал</i> «Я бы не сидел»
<i>Тон пукы-сал-ыд</i> «Ты бы сидел»	<i>Тон öй пукы-сал-ыд</i> «Ты бы не сидел»
<i>Со пукы-сал-ыз</i> «Он бы сидел»	<i>Со öй пукы-сал-ыз</i> «Он бы не сидел».

Хотя в нормативной грамматике категория притворного действия выделяется отдельно, по своему содержанию она примыкает к наклонениям. Она образуется с помощью суффикса *-мъяськ/-мтэяськ/-тэмъяськ* и выражает процесс с модальным смыслом притворности субъекта действия, например, — *Кы че карасин?* — *паймемъяськиз Кирла* (М.Петров) «— Какой керосин? — как будто/вроде бы удивился или прикинулся удивленным Кирла».

Глагол спрягается по двум типам спряжения, которые различаются по особенностям формантов и по исходной глагольной основе: глаголы

I спряжения имеют основу на **ы** (*мыныны* «идти»), глаголы II спряжения основу на **а** (*ужаны* «работать»).

Примеры на положительные формы от глагола *мыныны* «идти» I спряжения и *кырзаны* «петь» II спряжения:

лицо	ед. число		мн. число	
	I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение
1 лицо	Мон мын йсько «Я иду»	кырз асько «Я пою»	Ми мын йськом(ы) «Мы идём»	кырз аськом(ы) «Мы поём»
2 лицо	Тон мын йськод «Ты идёшь»	кырз аськод «Ты поёшь»	Тй мын йськоды «Вы идёте»	кырз аськоды «Вы поёте»
3 лицо	Со мынэ «Он(а) идёт»	кырз а «Он(а) поёт»	Соос мын о «Они идут»	кырз ало «Они поют»

Отрицательные формы глаголов удмуртского языка сильно отличаются от соответствующих форм коми языка тем, что сам отрицательный глагол не выражает значения множественности субъекта действия и в настоящем времени формы 1 лица ед. числа, 3 лица ед. числа и 3 лица мн. числа омонимичны (*уз*). Поэтому грамматическое оформление т.н. лексического глагола имеет ключевое значение, т.к. она определяет лицо и число производителей действия в выделенных членах парадигмы.

лицо	ед. число		мн. число	
	I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение
1 лицо	Мон уг мынйськы «Я не иду»	кырз аськы «Я не пою»	Ми ум мынйське «Мы не идём»	кырз аське «Мы не поём»
2 лицо	Тон уд мынйськы «Ты не идёшь»	кырз аськы «Ты не поёшь»	Тй уд мынйське «Вы не идёте»	кырз аське «Вы не поёте»
3 лицо	Со уг мыны «Он(а) не идёт»	кырз а «Он(а) не поёт»	Соос уг мыно «Они не идут»	кырз ало «Они не поют»

Глагол изменяется по восьми временам, из которых четыре синтетических, образующихся в пределах слова суффиксами и четыре аналитических. Кроме отмеченного презенса употребляется будущее время (футурум), образующийся регулярно при помощи суффикса **-о**: *Мон пуко* «Я буду сидеть», *Тон пукод* «Ты будешь сидеть», *Со пукоз* «Он будет сидеть». Значение будущего времени в отрицательных формах выражается формами лексических глаголов, отрицательные глаголы в презенсе и футуруме формально не отличаются (кроме форм 3 лица), например, *Мон уг мыны* «Я не пойду», *Тон уд мыны* «Ты не пойдешь», *Со уз мыны* «Он не пойдёт».

В удмуртском глаголе традиционно выделяют шесть прошедших времен. Так называемое прошедшее очевидное образует суффикс **-и/й** (*Мон пуки* «Я сидел»), прошедшее неочевидное суффикс **-эм/ем**, в отдельных членах парадигмы в сочетании с показателями презенса и способа действия.

	ед. число	мн. число
1 лицо	Мон мынйськем кырзаськем «Я ушёл» «Я спел»	Ми мынйськеммы кырзаськеммы «Мы ушли» «Мы спели»
2 лицо	Тон мынэм(ед) кырзам(ед) «Ты ушёл» «Ты спел»	Тй мынйллям(ды) кырзаллямды «Вы ушли» «Вы спели»
3 лицо	Со мынэм кырзам «Он ушел» «Он спел»	Соос мынйллям(зы) кырзаллям(зы) «Они ушли» «Они спели»

Значение прошедшего времени с суффиксом **-эм/ем** имеет и модальное значение, глаголы обозначают такие действия, ход которых говорящий не наблюдал, не ощущал, а узнал от других или догадался о них по каким-то признакам, результатам. Поэтому чаще всего глаголы в формах этого времени обозначают действия законченные, завершённые к моменту речи. В целом парадигма этого времени в литературном языке отличается большой вариативностью, особенно в отрицательных глагольных формах.

	ед. число	мн. число
1 лицо	Мон мынйськымтэ кырзаськымтэ öвёл мынйськем öвёл кырзаськем «Я не ушел» «Я не спел»	Ми мынйськымтэмы кырзаськымтэмы öвёл мынйськеммы öвёл кырзаськеммы «Мы не ушли» «Мы не спели»
2 лицо	Тон мынымтэд кырзамтэд öвёл мынэм(ед) öвёл кырзам(ед) «Ты не ушёл» «Ты не спел»	Тй мынйллямтэ(ды) кырзаллямтэ(ды) öвёл мынйллям(ды) öвёл кырзаллям(ды) «Вы не ушли» «Вы не спели»
3 лицо	Со мынымтэ кырзамтэ öвёл мынэм öвёл кырзам «Он не ушёл» «Он не спел»	Соос мынйллямтэ(зы) кырзаллямтэзы öвёл мынйллям(зы) öвёл кырзаллям «Они не ушли» «Они не спели»

Аналитические времена глагола представляют действие в отношении к дополнительной точке отсчета, какому-то действию в прошлом более дискретно, семантически специализированно. Они образуются сочетанием спрягаемых глаголов в формах презенса, футурума, двух отмеченных прошедших времен с неизменяемыми вспомогательными глаголами *вал* или *вылэм*, например, в прошедшем длительном — *Мон пукисько вал* «Я сидел», в прошедшем многократном — *Мон пуко вал* «Я сижу, бывало», в давнопрошедшем I — *Мон пуки вал* «Я сидел», давнопрошедшем II — *Мон пукем вал* «Я сидел». Вспомогательные глаголы закономерно стоят в постпозиции к основному.

Инфинитивные формы глагола, как и в коми, в удмуртском языке разнообразны. Инфинитив образует суффикс **-ны** (*турна-ны* «косить», *тоды-ны* «знать»). Интересным явлением является включение инфинитива русского языка в качестве управляемого компонента удмуртского глагола *карыны* «делать» и образование т.н. составного инфинитива, например, *служить карыны* «служить», *исполнить карыны* «исполнить», *рецензировать карыны* «рецензировать». Причастий в языке четыре вида: действительные причастия настоящего времени на **-(и)сь (-йсь)** — *мынйсь мурт* «идуший человек», причастия потенциального действия **-(о)н/-(о)но** — *лыžoно книга* «книга, которую нужно прочитать», причастия прошедшего времени на **-(э)м/-(ё)ма** — *лыžём* 1) «прочитавший», 2) «прочитанный», специфические причастия со значением меры действия с суффиксом **-мон** — *лыžьмон книга* «книга, достойная чтения». За исключением причастий на **-ись(-йсь)**, причастия выражают и активное, и пассивное значения действия. Отрицательные формы причастий образуются путем присоединения к суффиксам отрицательных формантов **-тэм, -мтэ**, например, *лыž-ись-тэм кышномурт* «нечитающая женщина», *лыžьмтэ книга* «непрочитанная книга». Основными видами деепричастий являются следующие: деепричастия одновременного действия с суффиксом **-ку** (*мыныкум* «когда я шёл, когда иду, когда пойду»), деепричастие сопутствующего действия на **-са** (*кыржа́са* «распевая, спев»), отрицательное деепричастие с суффиксом **-тэк** (*тодматэк* «не зная, не разузнав»), деепричастие последующего действия на **-тозь** (*кыржа́тозь* «до того как спеть»), деепричастие меры и степени действия на **-мон** (*жадьымон* «до устали»). Причастия и деепричастия выражают дополнительную предикацию и образуют разнообразные конструкции, часто имеющие формально выраженный самостоятельный субъект. В предложении *Возь вылын турнакумы, дорамы вуллям куноос* «Когда мы косили на лугу, к нам прибыли гости» представлены две ситуации с разными производителями действия.

Служебные части речи традиционно представлены разветвленной сетью послелогов (свыше 200), союзами и частицами. Частиц и междометий в удмуртском языке достаточно много, что объясняется их заимствованием в диалекты из татарского и русского языков.

Удмуртский язык отличается как устойчивым сохранением особенностей прауральского синтаксиса, так и инновациями, появлением характерных особенностей сложных предложений индоевропейского типа. Определения предшествуют определяемому слову, а группа подлежащего, как правило, стоит впереди сказуемого, например,

*Вормон нунал «День Победы», вень пысы «игольное ушко», векчи зор «мелкий дождь», Ми гуртамы дыртйськом «Мы домой спешим». В древности в устной речи главенствовал порядок предложения SOV (Дед Мороз салам ваиз «Дед Мороз подарок принес»), однако в настоящее время достаточно часто глагол стоит перед дополнением и обстоятельством, что имеет место особенно в речи молодежи, художественной литературе и языке СМИ. Примеры: *Ми мынйськом театре* «Ми идем в театр», *Жыт отын учкомы* кинокартина «Вечером там посмотрим кинокартину». Есть сочинительная связь слов (*курег но атас* «курица и петух») и четыре вида подчинительной связи: примыкание (*умой улыны* «хорошо жить»), управление (*городэ кошкыны* «уехать в город»), согласование и изафет. Согласование между определением и определяемым словом возникло в последние столетия не без влияния русского языка, оно может осуществляться по падежу, числу и притяжательности, например, *Вало шур дурын кык чебересь пыжъёс вань* «У реки Вала две красивые лодки есть». Изафетная подчинительная связь заключается в обязательном взаимном употреблении определяемых существительных с притяжательными суффиксами и слов-определений в генитиве или аблативе (в последнем случае если определяемое слово выполняет функцию прямого дополнения). Примеры: *школатэн азбарез* «школьный двор, досл. у школы двор этот», *нуналэн кузьдалаез* «длина дня», *дышетйсьлэсь валэктэмзэ кылзыны* «слушать объяснение учителя». По параметру употребления изафетных конструкций удмуртский язык особенно близок к марийскому языку, что объясняется сильным тюркским влиянием на них.*

В удмуртском языке теперь употребительны все виды сложных предложений, хотя союзное подчинение в древние периоды языка и не было характерно. Удмуртскому языку свойственны придаточные предложения с постпозитивными союзами, а сами придаточные часто употребляются в препозиции к основной части сложного предложения, например, *Со умой мурт шуыса, ваньмыз тодо* «досл. Он хороший человек что, все знают = Все знают, что он хороший человек». Однако в языке участвовали и придаточные с препозитивными союзами. Содержание современных придаточных предложений в древности выражалось и выражается теперь конструкциями от инфинитивных глагольных форм и от отглагольных имен, например, *Шунды жужаку зор зориз* «Когда солнце всходило, прошел дождь». В речи современных удмуртов это же содержание передается также сложноподчиненным предложением *Куке шунды жужаз, сокы зор зориз* «Когда

солнце всходило, прошел дождь». Подобные изменения синтаксического строя языка обусловлены сильным влиянием со стороны русского языка.

Лексика удмуртского языка включает в себя различные пласты, наиболее устойчивым и древним из которых является исконно-языковая лексика. Тюркских заимствований (древнечувашских и татарских) в удмуртских диалектах, особенно южных, многие сотни, и они удмуртами теперь не воспринимаются как чужеродные в языковом отношении. Булгарские заимствования проникли в период с VII в. по XIII в., например, *энер* «седло», *бускель* «сосед», *кун* «государство», *ака* «старшая сестра», *буртчин* «шелк», *сьёллык* «грех». Татаризмы массово заимствовались с XIII в. до середины XVI в., а южноудмуртские диалекты претерпевают тюркское влияние и по сей день. Примеры: *азбар* «двор», *батыр* «сильный», *дан* «слава», *али* «сейчас», *тушак* «перина», *мамык* «вата», *албасты* «черт», *дуэ* «верблюд», *аракы* «самогон, водка» и др. Пласт русских заимствований наиболее многочисленный, однако древних заимствованных слов не так много, т.к. до 1552 г. удмурты находились под владычеством Казанского ханства. Все древние русские заимствования подверглись сильной фонетической адаптации, например, *укно* < рус. *окно*, *оброс* «икона» < рус. *образ*, *меч* < рус. *мяч*, *колдэч* < рус. *колодец*, *черк* < рус. *церковь* и т.д. Дореволюционные заимствования проникали устным, а послереволюционные также и письменным путем, однако в речи удмуртов чаще всего они видоизменяются согласно законам удмуртской фонетики, ударение в них часто переносится на последний слог слова: *лекáр* «лекарь», *берóг* «берег», *бурьís* «брус», *праз(ь)нiк* «праздник», *ульчá* «улица», *машинá* «машина» и т.д. В последние 20 лет избытие заимствованной лексики многими представителями интеллигенции воспринимается как языковой недостаток, поэтому усиливается стремление к созданию многих неологизмов на основе исконно-языковых ресурсов. В активный лексический фонд активно вошли или входят такие лексемы как *тодосчи* «ученый», *азьмурт* «президент», *элькун* «республика», *ужбергатйсь* «предприниматель», *кунтус* «государственный герб», *нимвоитос* «местоимение», *кыпрадъян* «грамматика», *нимбер* «послелог» и др.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

<i>Салам!</i>	Привет!
<i>Эчбур! Эчбуресь!</i>	Здравствуй! Здравствуйте!
<i>Бур чукнаен!</i>	Доброе утро!
<i>Эч көл!</i>	Спокойной ночи!
<i>Эч лу! Эч луэ!</i>	До свиданья! (одному) До свиданья!
(многим)	
<i>Мынам нимы Лади.</i>	Моё имя Лади. = Владимир
<i>Мон удмурт сямен вераськисько.</i>	Я по-удмуртски говорю.
<i>Сйзисько тйпедлы шудбур!</i>	Желаю вам счастья!
<i>Кы чё тазалыкты?</i>	Как ваше здоровье?
<i>Мон тонэ яратйсько!</i>	Я тебя люблю.
<i>Кы чё улйськоды?</i>	Как поживаете?
<i>Кызы тйяд нимды?</i>	Как ваше имя? Как вас зовут?
<i>Гажаса өтиськом!</i>	Добро пожаловать!
<i>Вождэс эн вае!</i>	Извините!
<i>Тау! Тууж тау! Бадэым тау!</i>	Спасибо! Большое спасибо!
<i>Сюресэд мед удалтоз!</i>	Счастливого пути!
	досл. Дорога пусть удастся.
<i>Шудо сюрес тйпедлы!</i>	Счастливого пути вам!

ТЕКСТЫ

ЛЫМЫ ТӨДЬЫ

(Удмурт калык кырзан)

Лымы төдды, лымы төдды,
Лымылэсь но төдды кышетэ.

Яблок гордо, яблок гордо,
Яблоклэсь но гордо бамбёсы.

Сутэр сёдо, сутэр сёдо,
Сутэрлэсь но сёдо йырсие.

Ожо вожо, ожо вожо,
Ожолэсь но вожо дэреме.

СНЕГ БЕЛЫЙ

(Удмуртская народная песня)

Снег белый, снег белый,
Белее снега мой платок.

Яблоко красное, яблоко красное,
Краснее яблока мои щеки.

Смородинка черна, смородинка черна,
Чернее смородинки мои волосы.

Трава зелена, трава зелена,
Зеленее травы моё платье.

Мертчан ёужо, мертчан ёужо,
Мертчанлэсь но ёужо йырсие.

Вуюись ворпо, вуюись ворпо,
Вуюисьлэсь ворпо айшетэ.

Коёо куёо, коёо куёо,
Коёолэсь но куёо чулкае.

Кудель желтый, кудель желтый,
Желтее куделя мои волосы.

Радуга разноцветная, радуга
разноцветная,
Разноцветней радуги мой передник.

Сорока пёстрая, сорока пёстрая,
Пестрее сороки мои чулки.

УЧКЕ АЛИ АЗБАРМЕС

Учке али азбармес,
Азбармес, азбармес.

Вож буртчин турын жужа,
Жужа, жужа, жужа.

Турын пёлтй ныл ветлэ,
Ныл ветлэ, ныл ветлэ.

Ныл съёры нош пи мынэ,
Пи мынэ, пи мынэ.

Дугды, нылы, чуп каро,
Чуп каро, чуп каро.

Мон тынад нылыд өвёл,
Өвёл, өвёл, өвёл.

Мон анайлэн, атайлэн,
Анайлэн, атайлэн.

Кут монэ тон кунултйм,
Кунултйм, кунултйм.

Тани табере мон тынад,
Мон тынад, мон тынад.

ПОСМОТРИТЕ СЕЙЧАС НА НАШ ДВОР

Посмотрите на наш двор,
На наш двор, на наш двор.

Зеленая, как шелк, трава растёт,
Растёт, растёт, растёт.

По траве девушка ходит,
Девушка ходит, девушка ходит.

А за девушкой парень идёт,
Парень идёт, парень идёт.

Остановись, девушка, поцелую,
Поцелую, поцелую.

Я не твоя девушка,
Нет, нет, нет.

Я мамина, папина,
Мамина, папина.

Возьми меня под ручку (досл. подмышку),
Под ручку, под ручку.

Вот теперь я твоя,
Я твоя, я твоя.

САМОВАРДЭ ПУКТЫ АЛИ...

(Удмурт калык кырзан)

Самовардэ пукты али, ой, уроме,
Самовардэ пукты али, ой, уроме,
 Али гинэ пуктысал но, | 2 пол
 Кӧс эгыре чик ӧвл. |
Чайдэ но пар али, ой, уроме,
Чайдэ но пар али, ой, уроме.
 Али гинэ парысал но, | 2 пол
 Памильной чай чик ӧвл. |
Жӧккышеттэ вӧлды али, ой, уроме,
Жӧккышеттэ вӧлды али, ой, уроме.
 Али гинэ вӧлдысал но, | 2 пол
 Жуткам жӧкк(ы)шет чик ӧвл. |
Чашадэ потты али, ой, уроме,
Чашадэ потты али, ой, уроме.
 Али гинэ поттысал но, | 2 пол
 Зарни чашае ӧвл. |
Кырезьдэ шуд али, ой, уроме,
Кырезьдэ шуд али, ой, уроме.
 Али гинэ шудысал но, | 2 пол
 Талляныской си ӧвл. |
Кышнодэ эктыты, ой, уроме,
Кышнодэ эктыты, ой, уроме.
 Али гинэ эктыт(ы)сал но, | 2 пол
 Чильпам айшетэз ӧвл. |
Чабкондэ чабкы али, ой, уроме,
Чабкондэ чабкы али, ой, уроме.
 Али гинэ чабкысал но, | 2 пол
 Капчи мылкыд чик ӧвл. |

САМОВАР ПОСТАВЬ СЕЙЧАС...

(Удмуртская народная песня)

Самовар поставь-ка, мой друг,
Самовар поставь-ка, мой друг.
 Я бы тотчас же поставил,
 Только сухого угля совсем нет.

Чай завари-ка, мой друг,
Чай завари-ка, мой друг.
 Я бы тотчас же заварил,
 Только фамильного чая совсем нет.

Скатерть свою постели-ка, мой друг,
Скатерть свою постели-ка, мой друг.
 Я бы тотчас же постелил,
 Только узорчатой скатерти совсем нет.

Чашку достань-ка, мой друг,
Чашку достань-ка, мой друг.
 Сейчас же бы достал,
 Только золотой чашки у меня нет.

В гусли сыграй-ка, мой друг,
В гусли сыграй-ка, мой друг.
 Сейчас же бы сыграл,
 Только струн для тальянки нет.

Попроси станцевать свою жену, мой друг,
Попроси станцевать свою жену, мой друг.
 Сейчас же попросил бы, мой друг,
 Только расшитого передника у неё нет.

Хлопни-ка в ладоши, мой друг,
Хлопни-ка в ладоши, мой друг.
 Сейчас же бы хлопнул в ладоши,
 Только ни малейшего желания нет.

Литература

Вахрушев В.М., Денисов В.Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. — Ижевск: Удмуртия, 1992.

Ганев И., Перевозчиков Ю. Марым, лэся...: Удмурт кыл нырысь кутскисьёслы. Дышетскон ёзэт. — Ижевск: Удмуртия, 2005.

Загуляева Б.Ш. Русско-удмуртский разговорник. — Ижевск: Удмуртия, 1991.

Загуляева Б.Ш., Решетникова А.Е. Дуно эше. Интенсивный курс удмуртского языка (начальный этап). — Ижевск: Изд-во УдГУ, 1988.

Игушев Е.А. Перым кывъяслён ёткадялан грамматика. — Сыктывкар, 2000.

Игушев Е.А. Вок кывъяс: Коми кыв велӧдысьлы отсӧг вылӧ. — Сыктывкар: КРМРОиПК, 2002.

Каракулов Б.И. Учимся удмуртскому языку. Удмурт кыллы дышетскиськом: Учебное пособие. — Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2005.

Каракулов Б.А., Каракулова М.К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие для вузов. — Ижевск, 2001.

Кельмаков В.К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт / Удм. гос. ун-т. — Ижевск, 2000.

Козмач И. Удмурт кыл. Дышетон книга. — Сэгед-Кечкемет, 1998.

Тараканов И.В. Туала удмурт кыл: Лексикология. — Ижевск: УдГУ, 1992.

Тимерханова Н.Н. Удмуртский язык: Учебник для начинающих / Для студентов филологического факультета. — Ижевск-Пилишчаба: УдГУ, 2006.

Цыпанов Й. Удмурт кыввор да лыддянкуд. — Сыктывкар: «Кола» небӧг лэдзанін, 2007.

Csúcs S. Chrestomathia votiacica. — Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.

Kel'makov V., Hämmikäinen S. Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. — Helsinki, 1999.

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК

Марийский язык — родной язык марийцев, которые себя называют *марий*, г. *мары*, *марын*, а свой язык *марий йылме*. Автоэтноним *мари*, *марий* в современном языке употребляется также в значениях «мужчина, муж», например, *мариян вате* «мужняя жена», *ватан марий* «женатый мужчина, досл. мужчина с женой», *Нинан марийже*, г. *Нинан марыжсы* «муж Нины». Слово *марий* по происхождению является древним индоиранским заимствованием, ср. авестинское *marya-* «парень». Древнее значение этнонима «мужчина, человек своего народа». Есть мнение об этимологической близости этнонимов *марий* и *меря*. До 30-х гг. XX в. в речи русских использовался аллоэтноним *черемис*, который и теперь употребителен в зарубежной научной литературе наряду с этнонимом *мари*, например, нем. *Tscheremissisch*, венг. *cseremisz*, англ. *Cheremis*. Русские переняли слово *черемис* от чувашей, которые в свою очередь аллоэтнонимом *s'armis* называли соседей-марийцев. Согласно одной точки зрения, слово произошло от чувашского слова *s'arə* «армия». Возможно, слово это хазарское, словом *Carmis* в древности хазары называли живущий на Волге какой-то народ. Удмурты марийцев называют словом *пор*.

Выделяются четыре наречия (групп диалектов) марийского языка: горномарийское, лугомарийское, восточное и северо-западное. Первые небольшие тексты на марийском языке появились в XVIII в. на основе русской графики, кириллицы. Первая грамматика марийского языка была издана на русском языке В.Пуцком-Григоровичем в 1775 г. В начале XX в. большой диалектный материал был собран венгерским языковедом Эденом Беке и финном Юрьё Вихманом. В течение XIX в. выходит из печати множество книг религиозного содержания на разной диалектной основе, а в начале XX в. наблюдается уже заметный культурно-просветительский подъём, с 1907 г. по 1913 г. издаются сборники «Марла календарь» (Марийский календарь), с 1915 г. по 1917 г. выходит первая газета на марийском языке «Война увер» (Вести войны). В 1905 г. напечатано первое оригинальное стихотворение Сергея Чавайна «Ото» (Роща). Однако единый нормированный литературный язык для горных и луговых марийцев сформировался в 20-30 гг. XX в., причем с самого начала обособились два литературных варианта, отражающие различные зональные диалектные особенности.

Лугово-восточный марийский литературный язык обслуживает свыше 80% марийского населения, тогда как горномарийский

литературный язык имеет хождение в Горномарийском и Килемарском районах Республики Марий Эл. На двух литературных языках развивается марийская художественная литература и профессиональная культура. В республике издаются литературно-художественный журнал «Ончыко» (Вперед), юмористический журнал «Пачемьш» (Оса), республиканские газеты «Марий Эл» и «Кугарня» (Пятница), газета для детей «Ямде лий!» (Будь готов!), несколько районных газет, на горномарийском литературном языке выходят газеты «Жерӓ» (Заря), детская газета «Йӓмдӓ ли!» (Будь готов!), литературно-художественный журнал «У сем» (Новый лад). На марийском ведутся радио- и телепередачи. Традиционно развит национальный театр, на марийском регулярно ставят оперы, снимают телефильмы. Лугово-восточным литературным языком пользуются и в местах компактного проживания марийцев в Башкортостане, Татарстане, Кировской и Свердловской областях. Язык преподается в школах, Марийском государственном университете, Марийском государственном педагогическом институте им. Н.К.Крупской, Бирском педагогическом институте. Классиками марийской литературы являются Сергей Чавайн (1888–1937), Михаил Шкетан (1889–1937), Валентин Колумб (1935–1974), Алеко Юзыкайн (1943–2004), Альбертина Иванова (1954) и др.

Графика современного марийского языка включает все буквы русского алфавита, а также дополнительные графемы для обозначения специфических переднерядных гласных: лугово-восточный алфавит содержит дополнительные гласные буквы *ö, ü* и согласный *h*, горномарийское письмо содержит дополнительные знаки *ö, ü, ä, ß*. В заимствованных словах употребляются также буквы *ф, х, ц, щ*. В 30-е гг. всерьез обсуждался вопрос о переводе письма на латиницу, однако с конца 30-х гг. этот вопрос стал неактуален. В конце XX в. некоторыми марийскими и зарубежными учеными-финноугроведами ставился вопрос о создании единого национального литературного языка, однако горномарийская интеллигенция к идее «единения» относится категорически против. Очевидно, сосуществование и развитие двух литературных вариантов у марийского народа как было раньше, так и будет впредь.

С 1995 г. марийский язык (горный и луговой литературные варианты) в Республике Марий Эл является государственным языком, согласно специальному закону, наряду с русским. Однако в реальности марийский язык полностью не выполняет функций государственного языка. В системно-структурном виде марийский язык представляет

собой единое образование, имеющее в силу исторических причин два литературных языка-варианта, которые отражают диалектные особенности соответствующих регионов. В настоящем очерке примеры представлены параллельно на двух литературных языках, сначала луговомарийские, затем горномарийские после пометы г.

Фонетическая характеристика. Марийский язык сохраняет немало особенностей праязыкового звукового строя: в речи употребляется довольно много гласных и сравнительно мало согласных, сохраняется гармония гласных. В луговом литературном языке выделяется восемь гласных — заднерядные *a, o, y*, переднерядные *ö, ü, э, и*, среди них отличаются лабиальные переднерядные *ü* и *ö*. В горномарийском, кроме этих гласных, есть переднерядные гласные *ä* и *ë*. Марийский гласный *ы* [э] редуцированный, он фонетически многообразный, отличается особой краткостью и слабой напряженностью артикуляционных органов при его произношении.

В языке есть палатально-велярная и лабиальная гармония гласных. При палатальной гармонии, если в первом слоге слова стоят гласные переднего ряда *и, э, ö, ü*, то в первом и суффиксальных слогах часто употребляется также гласный переднего ряда (*имне* «лошадь», *күзö* «нож»). Палатальная гармония особенно сильно проявляется в горном и северо-западном наречиях: г. *лым* «снег» — *лымышты* «в снегу», *лём* «имя» — *лёмёшты* «в имени». Лабиальная гармония связана с ударением. Так, если ударение падает на лабиальные гласные *ü, ö, y, o*, то конечный гласный слова должен быть также огубленный (*күтү* «стадо» — *күтүштö* «в стаде», *шöртньö* «золото», *түрlö* «разный»); если же ударение в слове падает на неогубленные гласные *a, э, и, ы*, то в конце слова употребляется неогубленный *э*, например, *имне* «лошадь», *урём* «улица» — *урёмыште* «на улице».

Лексическое ударение в луговомарийском литературном языке нефиксированное, в горном наречии оно преимущественно ставится на предпоследний слог слова: при словообразовании и словоизменении оно может передвигаться на другой слог, например, *үдыр* «девушка» — *үдырна* «наша девушка», *ола* «город» — *олана* «наш город», г. *бидёр* «дочь» — *бидёрёштым* «их дочь (в винит. падеже)», *кырык* «гора» — *кырыкышкы* «на гору». В восточном наречии марийского языка ударение часто ставится на последний слог в слове, что объясняется большим тюркским влиянием на диалектную речь, например, *пöртна* «наш дом», *имне* «лошадь».

В марийском языке исконных согласных 19: *в, г, д, ж, з, й, к, л, л', м, н, н', н [ŋ], п, р, с, т, ч, ш*. Консонанты *х, ф, ц* употребляются в

лугововосточном литературном языке редко и лишь в заимствованиях, в горном *ц* встречается также в исконных словах, например, *тольыц* «ты пришел». Звонкий *б* встречается только в позиции после сонорного *м*: *комбо* «гусь», *ѳмбал* «поверхность». Марийский язык не имеет в исконных словах сочетаний согласных в начале слова, за редким исключением типа *шке* «сам», *рвезе* «парень». В языке есть твердые и мягкие согласные *н - н'*, *л - л'*, *й, ч*, есть оппозиция согласных по звонкости/глухости *т - д*, *ш - ж*, *к - г*, *с - з*, *п - в*. Своеобразен заднеязычный смычный носовой *η*, который не встречается в начале слов, например, *ен* «человек, люди», *понго* «гриб», *она* «доска». В потоке речи ауслутные гласные, как правило, редуцируются, а звонкие согласные в конце слов оглушаются, а глухие согласные в интервокальной позиции озванчиваются: *кўртньыгорно* «железная дорога» < *кўртньō* + *корно* «железо + дорога», *йолгорно* «тропинка» < *йол* «нога» + *корно* «дорога».

Морфологическая характеристика. Морфологический тип марийского языка строго агглютинативный с элементами аналитизма. Из знаменательных частей речи лучше всего дифференцированы существительное и глагол, прилагательные и особенно наречия формально часто не выражены. Примеры: *сай кече* «хороший день», но *Сай мале!* «Хорошо спи, спокойной ночи!» В марийском языке наличествует большое количество дескриптивных, изобразительно-подражательных слов и производных от них наречий с суффиксом **-ге**, например, *выжге* «мягко, дружно». Твердый порядок расположения членов предложения (SOV типология) хорошо разграничивает функции знаменательных слов в предложении.

Как и в других финно-угорских языках, в марийском языке различные суффиксы образуют цепочки в определенных порядках. В луговомарийском морфопорядок у существительных свободный: основа + суффикс мн. числа + падежный суффикс + притяжательный суффикс / основа + суффикс мн. числа + притяжательный суффикс + падежный суффикс. Примеры: *книга-влак-ыште-м*, *книга-влак-ем-ыште* «в моих книгах». В глагольном слове морфопорядок устойчив: основа + залоговый/видовой суффикс + показатель времени + лично-числовой суффикс, например, *воз-ыш-ым* «я написал».

У существительных выделяются формы ед. и мн. числа. Формы ед. числа употребляются очень широко в значении собирательного множества, например, *Ме студент улына*, г. *Мй студент ылына* «Мы студенты»; *Понго погаш каена*, г. *Понгы погаш кенй* «Идем собирать грибы, досл. собирать гриб». Парные предметы закономерно

выражаются словами в ед. числе, например, *шинча*, г. *сѣнзѣ* «глаз» и «оба глаза», *портышкем*, г. *мижгем* «валенки, одна пара», *шинчалык*, г. *сѣнзѣлык* «очки», *йолаш*, г. *ялаш* «брюки». При этом один из парных предметов обозначают словосочетания с компонентом *пел*: *пел кид* «одна рука, досл. рук половина», *пел кем* «один сапог», *пел кед* «одни кеды, досл. кед половина».

Формы мн. числа существительных развились в языке из разных источников и относительно поздно, прауральские суффиксы мн. числа существительных не сохранились. Спецификой луговомарийского литературного языка является употребление четырех показателей мн. числа: суффиксы **-влак** и **-шамыч** наиболее частотны и обозначают множественность лиц и предметов, например, *пӧрӱен-влак* «мужчины», *окна-шамыч* «окна», суффикс **-мыт** употребляется с существительными, выражающими лиц по родству, с именами собственными и с фамилиями, обозначая семью, группу лиц или друзей (фамилия *Сапаев* → *Сапаевмыт* «семья Сапаевых», *ача* «отец» → *ачамыт* «отец и его друзья или знакомые»), суффикс **-ла** присоединяется к словам с пространственным значением, например, *олык* «луг» → *олыкла* «луга», *пасу* «поле» → *пасула* «поля». В горном наречии употребляется один суффикс мн. числа **-влӓ**: *халавлӓ* «города», *Ыдӱрвлӓ* «девушки».

Широко употребительны в марийском языке посессивные суффиксы, причем форманты 1 и 2 лица практически идентичны с личными глагольными суффиксами во втором спряжении, что свидетельствует о едином их происхождении от местоименных элементов. Горные и луговые притяжательные форманты практически идентичны. Примеры со словом *пӧрт* «дом»:

лицо	один обладатель	много обладателей
1 лицо	-ем/-эм <i>пӧртем</i> «мой дом»	-(ы)на <i>пӧртна</i> «наш дом»
2 лицо	-ет/эт <i>пӧртет</i> «твой дом»	-(ы)да <i>пӧрtdа</i> «ваш дом»
3 лицо	-ше/-шо/-шӧ <i>пӧртишӧ</i> «его (её) дом» -же/-жо/-жӧ -ыже/-ыжо/-ыжӧ	-(ы)шт <i>пӧртышт</i> «их дом»

Суффиксы мн. числа, указывающие на множественность обладаемых, в луговом наречии обычно присоединяются к посессивным суффиксам, например, *мутерем-влак* «мои словари»,

мутерет-влак «твои словари», *мутерже-влак* «его/её словари» и т.д. В горном наречии же наоборот, показатели числа предшествуют посессивным, например, *кид-влä-эм* «мои руки», *кид-влä-эт* «твои руки», *кид-влä-жэб* «его её руки». В марийском языке часто наблюдаются случаи присоединения к существительному двух притяжательных суффиксов, где первый обозначает принадлежность предмета к какому-то лицу, а второй выражает определенность или указательность, например, г. *Ох, вет йыла, мбньбн изи ййнгемжэб* «Ох, ведь горит, моё маленькое сердечко».

Закономерно в марийском языке употребление т.н. изафетных конструкций, когда в притяжательно-определятельных словосочетаниях наличествует обязательное обоюдное суффиксальное оформление существительного-определения в форме родительного падежа и существительного-определяемого в форме посессивного суффикса, например, *мыйын эргым*, г. *мбньбн эргбм* «мой сын», *олан уремже*, г. *халан өмцäжэб* «улица города», *удырын лумжө Айвика*, г. *бодьрбн лбмжэб Айвикä* «имя девушки Айвика». Данные конструкции обязательны в речи, они хорошо сохранились в языке благодаря интенсивному влиянию со стороны тюркских языков, где изафетные конструкции очень характерны.

В разных грамматиках выделяют восемь или девять, иногда и до 11 падежей. В горном наречии выделяют дополнительный падеж абессив с суффиксом *-де*. В ходе истории языка некоторые падежи или исчезли, или выходят из употребления, оставаясь в составе наречий и фразеологизмов, а их значения уже выражают конструкции существительных с послелогоми. К примеру, вместо бывшего исходного падежа теперь употребительны конструкции с послелогом *гыч*, г. *гбнц* «из»: *Мый Йошкар-Ола гыч улам*, г. *Мбнь Йошкар-Ола гбнц ылам* «Я родом из Йошкар-Олы». В марийском языке проявляется явная тенденция к аналитизму, послеложно-именные сочетания расширяют свое употребление.

Название	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	Ø	Кто? Что?	ял, г. сола «деревня»
Генитив	-н/-ын, г. -н/-ын/-бн	Чей? У кого?	ялын, г. солан «деревни»
Датив	-лан, г. -лан/лән	Кому? Чему?	яллан, г. солалан «деревне»

Аккузатив	-м/-ым, г. -м/-ым/-ѳм	Кого? Что?	ялым, г. солам «деревню»
Инессив	-ште/-што/-штѳ, -ыште, г. -шты/штѳ, -ышты/-ѳшты	Где?	ялыште, г. солашты «в деревню»
Иллатив	-шке/-шко/-шкѳ, -ыш, г. ш(кы)/ш(кѳ), -ыш(кы)/-ѳш(кѳ)	Куда?	ялышке, г. солаш(кы) «в деревню»
Компаратив	-ла, г. -ла/лӓ	Как кто? Как что?	ялла, г. солала «как деревня»
Комитатив	-ге	С кем? С чем?	ялге, г. солаге «с деревней»
Латив	-ш/-еш/-эш	В каком месте? Где?	ялеш, солаэш «в деревне»
Абессив (лишь в горном наречии)	-де	Без кого? Без чего?	г. соладе «без села»

Некоторые качественные прилагательные в марийском языке употребляются в краткой и полной формах: краткие в препозиции к определяемому слову, полные же в постпозиции, в функции именного сказуемого и при субстантивации, например, *ош кинде*, г. *ош киндѳ* «белый хлеб», но *Кинде ошо*, г. *Киндѳ ошы* «Хлеб черный», *йошкар олма*, г. *якшар олма* «красное яблоко», но *Олма йошкарге*, г. *Олма якшаргы* «Яблоко красное». Относительные прилагательные развили собственные словообразовательные суффиксы: в луговом наречии -се/-со/-сѳ, -ан/ян, -дыме/-дымо/-дымѳ, г. -штышы/-ыштышы, -ан/-ӓн/-ян, -дымы/-дѳмѳ, например, *ола*, г. *хала* «город» → *оласе урем*, г. *халаштышы* *ӧлицӓ* «городская улица», *университетысе студент*, г. *университетѳитѳиѳиѳи студент* «студент университета». Адъективы принимают форму сравнительной степени, которая образуется при помощи заимствованного из чувашского языка суффикса -рак: *сай*, г. *яжо* «хороший» → *сайрак*, г. *яжорак* «лучший», *кузу*,

г. *кого* «большой» → *кугурак*, г. *когорак* «больший». Превосходная степень образуется аналитически, с помощью препозиционных к прилагательному слов *эн* «самый» в лугововосточных диалектах и *сек*, *самой* «самый» в горном наречии: *эн шерге* «самый дорогой», г. *сек шергь* «самый дорогой», *самой Ынян* «самый надежный». Прилагательные в предложении часто выполняют и функцию обстоятельства, выступая в роли наречий, например, *Сай кайыза!* «Доброго пути!, досл. хороший поезжайте».

Глагол марийского языка имеет богатый инвентарь словообразовательных, формообразовательных и словоизменительных суффиксов, а также разнообразные инфинитные формы. Выделяется три склонения: индикатив, императив и деизидератив (желательное склонение). Императив имеет самостоятельные формы выражения: у глаголов I спряжения во 2 лице ед. числа это согласная основа (*луд* г. *лыд* «читай» от *лудаиш* «читать»), у глаголов II спряжения гласная основа с конечными *-о*, *-ӧ*, *-э*, например, *возо* г. *вазы* «пиши» от *возаиш* «писать»; во 2 лице мн. числа это суффикс *-са*, *-за*, г. *-да*, *-дӧ*: *луд-са* г. *лыд-да* «читайте», *воз-ыза* г. *ваз-ыда* «пишите». Формы императива 3 лица ед. числа образует суффикс *-ше*, *-шо*, *-шӧ*, *-же*, *-жо*, *-жӧ*, г. *-шы*, *-шӱ*, а у глаголов 3 лица мн. числа суффикс *-ышт*, г. *-ышты*, *-ӱшты*, например, *луд-шо* г. *лыд-шы* «пусть он(а) читает», *луд-ышт* г. *лыд-ышты* «пусть они читают». Деизидератив или желательное склонение образуется при помощи суффикса *-не*, следующего за основой глагола, например, (I спряж.) *налам*, г. *нӱлӱм* «(я) беру» — *налнем*, г. *нӱлнем* «я собираюсь, хочу взять», (II спряж.) *малем*, г. *амалем* «(я) сплю» — *малынем*, г. *амалынем* «я собираюсь, хочу спать». В отрицательных формах деизидератива к основе глагола *ы-* присоединяется суффикс *-не*, а к нему лично-числовые форманты:

1 лицо	<i>Мый ынем</i> луд, г. <i>Мӱнь Ынем</i> лыд «Я не хочу читать»	<i>Ме ынена</i> луд, г. <i>Мӱ Ынен</i> лыд «Мы не хотим читать»
2 лицо	<i>Тый ынет</i> луд, г. <i>Тӱнь Ынет</i> лыд «Ты не хочешь читать»	<i>Те ынеда</i> луд, г. <i>Тӱ Ынеда</i> лыд «Вы не хотите читать»
3 лицо	<i>Тудо ынеж</i> луд, г. <i>Тӱдӱ Ынежӱ</i> лыд «Он(а) не хочет читать»	<i>Нуно ынешт</i> луд, г. <i>Нӱньӱ Ынештӱ</i> лыдеп «Они не хотят читать»

В ходе истории языка у глагола развились два типа глагольных основ, финитный глагол имеет два спряжения. Личные показатели в разных спряжениях в 1 и 2 лицах отличаются лишь огласовками, в 3 лице это исторически разные суффиксы. Примеры на глаголы в настоящем времени:

I спряжение *лудаш (-ам)*, г. *лыдаш* «читать»

1 лицо	<i>Мый лудам</i> , г. <i>МЫнь лыдам</i> «Я читаю»	<i>Ме лудына</i> , г. <i>Мä лыдына</i> «Мы читаем»
2 лицо	<i>Тый лудат</i> , г. <i>ТЫнь лыдат</i> «Ты читаешь»	<i>Те лудыда</i> , г. <i>Тä лыдыда</i> «Вы читаете»
3 лицо	<i>Тудо лудеш</i> , г. <i>ТЫды лыдеш</i> «Он(а) читает»	<i>Нуно лудыт</i> , г. <i>НЫнь лыдыт</i> «Они читают»

II спряжение *илаш (-ем)* «жить»

1 лицо	<i>Мый илем</i> , г. <i>МЫнь Ёлем</i> «Я живу»	<i>Ме илена</i> , г. <i>Мä Ёленä</i> «Мы живем»
2 лицо	<i>Тый илет</i> , г. <i>ТЫнь Ёлет</i> «Ты живешь»	<i>Те иледа</i> , г. <i>Тä Ёледä</i> «Вы живете»
3 лицо	<i>Тудо ила</i> , г. <i>ТЫды Ёлä</i> «Он(а) живет»	<i>Нуно илат</i> , г. <i>НЫнь Ёлät</i> «Они живут»

Отрицательные глаголы с основами **о-**, г. **а-** в презенсе и **ы-** в прошедшем времени, как и в большинстве финно-угорских языков, спрягаются по лицам и указывают на время, ср. *Тый от луд*, г. *ТЫнь ат лыд* «Ты не читаешь» ↔ *Тый шыч луд*, г. *ТЫнь шыц лыд* «Ты не читал». Основа **ы-** в формах 1 и 2 лица ед. числа исчезла, но сохранилась в других членах парадигмы. Примеры на глагол *лудаш*, г. *лыдаш* «читать» в настоящем времени:

1 лицо	<i>Мый ом луд</i> , г. <i>МЫнь ам лыд</i> «Я не читаю»	<i>Ме огына (она) луд</i> , г. <i>Мä ана лыд</i> «Мы не читаем»
2 лицо	<i>Тый от луд</i> , г. <i>ТЫнь ат лыд</i> «Ты не читаешь»	<i>Те огыда (ода) луд</i> , г. <i>Тä ада лыд</i> «Вы не читаете»
3 лицо	<i>Тудо огеш (ок) луд</i> , г. <i>ТЫды ак лыд</i> «Он(а) не читает»	<i>Нуно огыт луд</i> , г. <i>НЫнь ак лыдеп</i> «Они не читают»

Марийский глагол имеет семь времен: настоящее-будущее, два синтетических (суффиксальных) прошедших времени и четыре аналитических прошедших времени. Употребление двух синтетических прошедших времен отличается тем, что т.н. первое прошедшее время, образующееся показателем *-j в I спряжении и суффиксом *-s' > -ш во II спряжении, обычно выражает очевидные для говорящего действия, тогда как т.н. второе прошедшее время, образующееся с помощью суффикса -ын/-ен, специализируется для выражения неочевидных действий, например, *лудо* «он(она) читал(а)», но *лудын* «он, оказывается, прочитал». Следы *-j видны лишь при глагольных основах, оканчивающихся на *л* или *н* (*толаш* «приходить» → *тольым* «я пришёл»), во втором спряжении суффикс -ш выступает повсеместно, например, *илаш* «жить» → *илышым* «я жил», г. *БлБлшБл* «тж.». Отрицательные формы второго прошедшего времени образуются аналитически, по лицам спрягается вспомогательный глагол, например, *толын омыл* «я не пришёл», *толын отыл* «ты не пришёл», *толын огыл* «он не пришёл» и т.д.

Аналитические прошедшие времена имеют функционально-семантические параллели в пермских языках, они образуются сочетаниями спрягаемого основного глагола в настоящем-будущем и втором прошедшем временах и неспрягаемого служебного глагола *ыле*, г. *ылы* и *улмаш*, г. *ылын* со значением «было», которые стоят в постпозиции к основному глаголу. Примеры на глаголы I лица ед. числа: *Мый лудам*, г. *МЫнь лыдам* «Я читаю/прочитаю» (настоящее-будущее время); *лудым*, г. *лыдым* «я читал» (I прошедшее время); *лудынам*, г. *лыдынам* «я прочитал» (II прошедшее время); *лудам ыле*, г. *лыдам ылы* «я тогда читал» (III прошедшее время), *лудам улмаш*, г. *лыдам ылын* «я читал тогда, оказывается» (IV прошедшее время), *лудынам ыле*, г. *лыдынам ылы* «я прочитал тогда, оказывается» (V прошедшее время), *лудынам улмаш*, г. *лыдынам ылын* «я прочитал тогда, оказывается» (VI прошедшее время). Это разнообразие времен позволяет характеризовать действие глагола очень дискретно, в ряде случаев с указанием на косвенный, непрямой, незасвидетельствованный характер получения сведений о действии, во II, IV и VI прошедших временах.

Характерной особенностью языка является развитие многочисленных т.н. составных или двойных глаголов, представляющих собой устойчивые сочетания спрягаемого глагола с деепричастием на -н, причем деепричастие всегда находится в препозиции к глаголу. Эти глагольные образования обладают единым лексическим значением и

чаще всего обозначают завершённое или однократное действие, например, *чонештен толаш* «прилететь, досл. летя прийти», *чонештен каяш* «улететь, досл. летя уйти», *лудын налаш* «прочитать, досл. читая взять», *йöрен каяш* «погаснуть», *перен пуаш* «ударить». Другие парные глаголы, не выражая сему завершённости действия, передают оттенок, нюанс, особенность действия, его продолжительность: *лудын шогаш* «читать постоянно, досл. читая стоять», *вашталын толаш* «меняться постепенно, досл. меняясь идти». По мнению исследователей, такие глаголы возникли и участились под влиянием соседних тюркских языков.

Марийский язык имеет различные инфинитные глагольные формы. Выделяется два вида инфинитива, основной инфинитив с суффиксом **-аш**, г. **-аш/-äш** и инфинитив долженствования на **-ман**, г. **-мыла/-мблä**, например, *мур-аш* «петь», *муры-ман* «нужно петь». Употребляются четыре разряда причастий: активные причастия времени на **-ше**, **-шо**, **-шö**, г. **-шы/-шбĭ** (*лудшо үдырь* «читающая девушка»), страдательные причастия с суффиксом **-ме**, **-мо**, **-мö**, г. **-мы/-мбĭ** (*лудмо книга* «читаемая, прочитанная книга»), причастия будущего времени с суффиксом **-шаш**, г. **-шашлык/-шäшлык** (*лудшаш книга* «книга, которую предстоит прочитать»), отрицательные причастия на **-дыме**, **-дымо**, **-дымö**, г. **-дымы/-дбĭмбĭ**, например, *ончыдымо фильм* «непросмотренный фильм». Деепричастия выражают различные виды дополнительного действия, есть деепричастия образа действия с суффиксом **-ын**, **-ен/-эн**, г. **-ын/бĭн** (*ончен* «смотря»), отрицательные деепричастия на **-де** (*лудде* «не читая, не читав»), деепричастия прошедшего времени с суффиксом **-меке**, г. **-мыкы/-мбĭкбĭ** (*возымеке мием* «написав, приеду»), деепричастие последующего действия на **-мешке**, г. **-мешкы** (*поезд толмешке* «до прихода, приезда»), деепричастия одновременного действия с суффиксом **-шыла**, г. **-шыла/шбĭлä**, например, *толшыла* «возвращаясь».

Служебные части речи представлены разнообразными послелоговыми, союзами и частицами. В языке наблюдается расширение употребления послеложно-именных конструкций, многие послелогии многозначны, например, *дене*, г. *доно* «с, вместе с, на, с помощью и т.д.», *Ме йолташ-влакна дене такси дене толна*, г. *Мä тäнгвлänä доно такси доно толна* «Мы вместе с друзьями на такси приехали».

Марийский язык сохраняет многие особенности синтаксиса уральского/финно-угорского праязыка: главенствует препозиция определений по отношению к определяемому, препозиция придаточных предложений по отношению к главному, финальная позиция глагола в

простом предложении (порядок главных членов предложения SOV). В атрибутивных сочетаниях препозитивные слова-определения всегда примыкают к определяемому слову, например, *уржа оварче* «ржаная лепёшка, досл. рожь лепёшка», *кў пöрт* «каменный дом», *пöрт кў* «камень для постройки дома», *тоштемше шонымаш-влак* «устарелые взгляды». Есть лишь согласование слов-подлежащих с глагольными сказуемыми в числе, например, *Студент пура* «Студент заходит», *Студент-влак пурат* «Студенты заходит». Среди видов подчинительной связи в словосочетаниях выделяется изафетная, характеризующаяся обязательным взаимным употреблением определяемых существительных с притяжательными суффиксами и слов-определений в генитиве, т.е. одно не бывает без другого, например, *марий-влакын погынышт* «съезд марийцев», *4 кылме 1920 ий — Марий автономийын шочмо кечыже* «4 ноября 1920 года — день рождения Марийской автономии». В устной речи традиционно наиболее частотны простые предложения, часто осложненные причастными и деепричастными оборотами, порядок компонентов в предложениях устойчив — прямые дополнения и обстоятельства стоят перед конечным глаголом-сказуемым, например, *Мый йолташем дене ече дене мунчалташ йöратем*, г. *Мбнь тånгем доно ечбй доно кашташ яратем* «Я с моим другом на лыжах кататься люблю». Однако в настоящее время употребительны также и многочисленные типы сложноподчиненных предложений, образованных по синтаксическим моделям русского языка, особенно в речи молодого поколения марийцев. Придаточные предложения часто предшествуют главной части в составе сложноподчиненных предложений.

Лексический состав марийского языка состоит из наиболее древнего общефинно-угорского лексического фонда (около 700 слов), а также заимствованной лексики. Наиболее древними заимствованиями являются индоиранские слова *шöр*, г. *шбшер* «молоко», *ваче* «плечо», *кўртньö*, г. *кбртни* «железо», *шудыр*, г. *шбдбйр* «звезда» и др. Тюркские языки оказали интенсивное влияние на лексику. Чувашские заимствования (их насчитывают 500 лексем) охватывают многие тематические группы слов, например, *парня* «палец», *олма* «яблоко», *саска* «плод», *имне*, г. *имни* «лошадь», *тага*, г. *тågä* «баран», *йур*, г. *юр* «дождь», *сорла*, г. *сарла* «серп», *чон*, г. *йånг*, «душа», *солаш*, г. *салаш* «косить», *йöраташ*, г. *яраташ* «любить», *пагалаш* «уважать». Татарских заимствований насчитывают около 200 в горномарийском 2100 в восточных диалектах, например, *мыйык* «усь», *кияр* «огурец», *капка* «ворота», *шайтан* «черт», *тасма* «лента», *таза* «здоровый»,

тўлаш «платить». С XI в. в марийский язык начинают проникать русские заимствования *руш* «русский», *вешла*, г. *вешлӓ* «весло», *кышал*, г. *кӓйшӓл* «кисель», а затем вместе с русскими словами в язык попало и множество косвенных заимствований, например, *сакыр* «сахар», *уржа*, г. *ыржа* «рожь», *ботинке*, г. *ботинкӓ* «ботинки», *лапке*, г. *лапка* «лавка», *школ* «школа», *якын*, г. *йӓкӓн* «дьякон», *ырес*, г. *хрестӓ* «крест», *черке*, г. *церкӓ* «церковь», *семент*, г. *цемент* «цемент», *куртко*, г. *куртка* «куртка», *телефон*, *радио* и др. В последние десятилетия в луговомарийском литературном языке появилось много неологизмов, новых слов, которые постепенно входят в активное употребление, например, *рӓдер* «центр» от *рӓдӓ* «центральный», *тӓвыра* «культура», *шанче* «наука» и др. Издан специальный словарь неологизмов марийского языка (И.Г.Иванов, Мутвундынам пойдарена: у мут-влак мутер. — Йошкар-Ола, 2001), новые слова постепенно входят в активное употребление через язык СМИ, школьное и вузовское преподавание.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

<i>Салам (лийже)! г. Пуры лижӓ!</i>	Привет! Здравствуй!
<i>Пашада кузе кая? г. Пӓйшӓдӓ кыце кӓ?</i>	Как поживаете? Как дела?
<i>Поро эр! г. Пуры ирок!</i>	Доброе утро!
<i>Поро кече! г. Пуры кечӓ!</i>	Добрый день!
<i>Кузе илет? г. Кыце ӓлет?</i>	Как поживаешь?
<i>Илем эркын-эркын. г. ӓлем изин-олен.</i>	Живу потихоньку.
<i>Те марла кутыреда? г. Тӓ марла поведӓ?</i>	Вы по-марийски говорите?
<i>Мыйын лӓмем Эчан.</i>	
г. <i>Мӓнӓн лӓмем Эчан.</i>	Моё имя Эчан.
	Эчан = Александр
<i>Мый тыйым йӓратем.</i>	Я тебя люблю.
<i>Чеверын. Сай кодса.</i>	
г. <i>Цеверӓн. Цевер(ӓн) кодда.</i>	До свидания.
<i>Таза лйза! г. Шу лидӓ. Здорова лидӓ.</i>	Будьте здоровы!
<i>Тау! Пеш кузу тау!</i>	
г. <i>Тау! Пиш кого тау!</i>	Спасибо! Большое спасибо!

ТЕКСТЫ
на луговомарийском литературном языке

**САЛЫМСОЛА
ПОКШЕЛНЕТ**

Салымсола покшелнет
Лаштыра тумет шога,
Салымсола покшелнет
Лаштыра тумет шога.

«Ачий», манын мийшымат,
«Эргым, толат», ыш ман.

«Ачий», манын мийшымат,
«Эргым, толат», ыш ман.

Салымсола покшелнет
Лаштыра пистет шога,
Салымсола покшелнет
Лаштыра пистет шога.
«Авий», манын мийшымат,
«Эргым, толат», ыш ман.

«Авий», манын мийшымат,
«Эргым, толат», ыш ман.

**В СЕРЕДИНЕ СЕЛА
САЛЫМСОЛА**

В середине села Салымсола
Раскидистый дуб стоит.
В середине села Салымсола
Раскидистый дуб стоит.

«Отец», сказал я, подходя,
Сын мой, ты уходишь,
(этого) не сказал.

«Отец», сказал я, подходя,
Сын мой, ты уходишь,
(этого) не сказал.

В середине села Салымсола
Раскидистая липа стоит.
В середине села Салымсола
Раскидистая липа стоит.

«Мама», сказал я, подходя,
«Сын мой, ты уходишь»,
(этого) не сказала.

Отец, сказал я, подходя,
Сын мой, ты уходишь,
(этого) не сказала.

ЙӱРЖӧ ЙӱРЕШ

Йӱржӧ йӱреш,
Йӱржӧ йӱреш,
Йӱржӧ йӱреш ўмбакем.
Мыйже тыйым,
Мыйже тыйым
Изи годсек йӱратем.

ДОЖДИК ИДЕТ

Дождик идет (досл. дождит),
Дождик идет (досл. дождит),
Дождик капает на меня.
Я ведь тебя,
Я ведь тебя
С детства люблю.

Припев: Ой, молан тый, йолташ, Ой, почему ты, мой друг,
 От ончал ўмбакем? Не смотришь на меня?

Мыйже вет нӧренам,
Нӧренам йӱр вӱдеш.

Я ведь промокла,
Промокла в дождевой воде.

Ӧндал мыйым
Ӧндал мыйым
Ӧндал мыйым, йолташем.
Мыйже тыйым,
Мыйже тыйым
Изи годсек йӧратем.

Обними меня,
Обними меня,
Обними меня, мой друг.
Я ведь тебя,
Я ведь тебя
С детства люблю.

Припев.

Шупшал мыйым,
Шупшал мыйым,
Шупшал мыйым, йолташем.
Мыйже тыйым,
Мыйже тыйым
Изи годсек йӧратем.

Поцелуй меня,
Поцелуй меня,
Поцелуй меня, мой друг
Я ведь тебя,
Я ведь тебя
С детства люблю.

на горномарийском литературном языке

ОХ, ЙЫЛА ЙАНГЕМ

Ох, вет йыла, пиш вет йыла
Мӱнӱн изи йӱнгемжӱ.
Шке верцем веле агыл,
Ти-ӱви, тӱ верцдӱ.
Ох, вет йога, пиш вет йога
Мӱнӱн сӱнзӱвӱдемжӱ.
Бӱшке верцем веле агыл,
Бӱзӱ-енгӱ, тӱ верцдӱ.
Ох, орлана, пиш орлана
Мӱнӱн изи кӱпемжӱ.
Бӱшке верцем веле агыл,
Шоля-шыжар, тӱ верцдӱ.

ОХ, ГОРИТ МОЕ СЕРДЕЧКО

Ох, ведь горит, сильно ведь горит
Мое маленькое сердечко.
Не только из-за себя,
Отец-мать, и из-за вас.
Ох, ведь текут, сильно ведь текут
Мои слезы.
Не только из-за себя,
Брат и сноха, и из-за вас.
Ох, мучается, сильно мучается
Мое маленькое тело
Не только из-за себя,
Брат-сестра, и из-за вас.

САДЫШТЫ ПЕЛЕДЫШ ШУКЫ

Садыштына пеледыш шуку.
Мынь мам бштем шуку дон?
Мылнем лижы икты веле —
Самой яжо розажы.
Яжо брвезы шуку улы.
Мынь мам бштем шуку дон?
Мылнем лижы икты веле —
Йанг яратымы млоецшы.

В САДУ МНОГО ЦВЕТОВ

В нашем саду цветов много.
Что я буду делать со множеством?
Пусть мне будет лишь один —
Самая хорошая роза.
Хороших парней много есть.
Что я буду делать со множеством?
Пусть мне будет лишь один —
Сердцем любимый парень.

ВЫДШЫ ЙОГА — БИЖАЛ АГЫЛ

Выдшы йога — бижал агыл,
Сиржы кодеш — пиш бижал.

Мыньжы кеем — бижал амыл,
Шанымем кодеш — пиш бижал.

Шынгыртшы чонгешта — бижал агыл,
Пыжашыжы кодеш — пиш бижал.

Мыньжы кеем — бижал амыл,
Тангем кодеш — пиш бижал.
Кукужы кеа — бижал агыл,
Пыжашыжы кодеш — пиш бижал.

Мыньжы кеем — бижал амыл,
Авам кодеш — пиш бижал.
Цангажы чонгешта — бижал агыл,
Пыжашыжы кодеш — пиш бижал.

Мыньжы кеем — бижал амыл,
Атям кодеш — пиш бижал.

ВОДА ТЕЧЕТ — НЕ ЖАЛЬ

Вода-то течет — не жаль,
Берег-то остается —
очень жаль.

Я-то уезжаю — меня не жаль,
Любимая остается —
очень жаль.

Скворец улетает — не жаль,
Гнездо остается —
очень жаль.

Я-то уезжаю — меня не жаль,
Друг остается — очень жаль.
Кукушка улетает — не жаль.
Гнездо остается —
очень жаль.

Я-то уезжаю — меня не жаль,
Мать остается — очень жаль.
Галка улетает — не жаль.
Гнездо остается —
очень жаль.

Я-то уезжаю — меня не жаль,
Отец остается — очень жаль.

Литература

- Васильев В.Н.* Русско-марийский разговорник. — Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2004.
- Зорина З.Г., Крылова Г.С., Якимова Э.С.* Марийский язык для всех. Часть I, II. — Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990, 1991.
- Игнаева Р.П.* Марийский язык. Учебное пособие по развитию речи. Начальный курс. — Йошкар-Ола, 1999.
- Игнаева Р.П.* Учимся говорить по-марийски. Материал к урокам марийского (неродного) языка. — Йошкар-Ола, 1999.
- Современный марийский язык. Морфология / Ред. кол.: М.Г.Пенгитов, И.С.Галкин, Н.И.Исанбаев. — Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1961.
- Учаев З.В.* Краткий курс марийского языка. — Йошкар-Ола, 1999.
- Учаев З.В., Ефремов А.С.* 30 уроков марийского языка. Для начинающих изучать марийский язык. — Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1997.
- Alhoniemi A.* Marin kielioppi. — Helsinki, 1985.
- Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari). — Hamburg, 1993.

МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ

Общее название двух близкородственных языков восходит к этнониму *мордва*, исторически и в настоящее время единому наименованию всех этнических групп мордовского народа: мокши, эрзи, терюшевской мордвы (мордвы-терюхан), татарской мордвы (мордвы-каратаев) и др. Впервые этноним *Mordens* употребляет в VI в. н.э. Иордан в своем труде «О происхождении и деянии готов». Этноним этот индоиранского происхождения, ср. древнеперс. *martiya*, таджик. *mard* «мужчина». В слове *мордва* элемент *ва* — русский суффикс собирательного значения. Этот корень также лежит в основе части этнонима пермских народов — *коми морт* и *удмурт*, которые развились из индоиранского **merte* «человек, мужчина». В последние два десятилетия некоторые представители мордовской интеллигенции и национальных активистов стали считать общий этноним *мордва* неприемлемым из-за нежелательных ассоциаций с русским словом *морда* и начали употреблять нейтральное с их точки зрения этноним *мокиэрзя* «мордва». Этот этноним и образованное от неё прилагательное *мокиэрзянь* «мордовский» довольно часто употребляются в современной Мордовии, например, *мокиэрзянь литература*.

Мордва живет очень разбросанно, дисперсно, больше половины этноса живет за пределами титульной республики Мордовия. Самосознание мордвы отличается двойственностью: они осознают себя как представителя всей мордвы и как представителя более конкретного этнического образования, т.е. или эрзянином, или мокшанином. В основе последнего фактора лежит существование близкородственных самостоятельных языков — мокшанского и эрзянского. В силу достаточно больших расхождений близкородственных языков эрзяне с мокшанами между собой чаще всего общаются по-русски. Эрзяне составляют около 2/3 всей мордвы, точнее из всей мордвы 65% эрзян и 35% мокшан. Однако в Республике Мордовия проживает больше мокшан, нежели эрзян, т.к. большинство эрзян проживают за пределами титульной республики. Разделение мордвы на мокшан и эрзян и соответственно расхождение языков произошло уже в I тыс. н.э. По данным первой всероссийской переписи 1897 г., мордва уже тогда насчитывала более одного миллиона человек, точнее 1 млн. 22 000, затем в СССР в 1926 г. достигла 1 млн. 339 000. С этого времени количество мордвы неуклонно уменьшается: в 1959 г. их было 1 млн. 285 000, а в 2002 г. в пределах РФ общее число составило уже меньше миллиона — 845 000 человек. Это свидетельствует о возрастающей ассимиляции, в основном среди мордовской диаспоры.

Мордовские языки прочно удерживают многие особенности финно-угорского праязыка: в них отсутствуют приставки, за исключением некоторых местоименных слов *кой-кие* «кое-кто», *хотькода* «как-нибудь», употребляются послелого, определение всегда стоит перед определяемым словом, например, эрз. *покиш пенч* «большая ложка», *паро седей* «доброе сердце». Определение и определяемое слово в языках не согласуются друг с другом, например, эрз. *од кудо* «новый дом» — *од кудот* «новые дома» — *од кудосо* «в новом доме». В мордовских языках гласные в слове употребляются по законам сингармонизма, согласно которым если в первом слоге слова выступает заднерядный или переднерядный гласный, то в последующем слоге употребляется гласный соответствующего ряда, или заднерядный, или переднерядный, например, эрз. *ло-па* «лист», *ве-ле* «село». Несомненно, это наследие праязыковой уральской гармонии гласных.

На основании последних исследований финно-угроведов выявлено, что мордовские языки стоят ближе к прибалтийско-финским языкам, нежели к марийскому. На это указывают параллельные сравнения числительных от 1 до 10 в коми, марийском, эрзянском, мокшанском, финском и венгерском языках:

язык	коми	марийский	мокшанский	эрзянский	финский	венгерский
1	öти(к)	ик(те)	фкя	вейке	yksi	egy
2	кык	кок(ыт)	кафта	кавто	kaksi	kettő
3	куим	кум(ыт)	колма	колмо	kolme	három
4	нёль	ныл(ыт)	ниле	ниле	neljä	négy
5	вит	вич (визыт)	вете	вете	viisi	öt
6	квайт	куд(ыт)	кота	кото	kuusi	hat
7	сизим	шым(ыт)	сисем	сисем	seitsemän	hét
8	кõкъямыс	кандаш(е)	кафкса	кавксо	kahdeksan	nyolc
9	õкмыс	индеш(е)	вейхкса	вейксэ	yhdeksän	kilenc
10	дас	лу	кемонь	кемень	kymmenen	tíz

В мордовских языках есть общие отличительные особенности. Во-первых, возникли новые палатальные согласные *c'*, *r'*, в мокшанском появились т.н. глухие сонорные *L*, *L'*, *R*, *R'*, *J'*, чего нет в большинстве финно-угорских языков. На фонетику мордовских языков большое влияние оказала русская речь, результатом чего стало появление в языках новых согласных *x*, *φ*. В обоих мордовских языках

есть т.н. указательное склонение существительных, два типа спряжения глагола — безобъектное и объектное, специальное предикативное спряжение существительных и наречий. Все части речи в роли именного сказуемого в мордовских языках принимают суффиксы предикативного спряжения, например, мокш. *тясан*, эрз. *тесан* «я здесь», мокш. *тясат*, эрз. *тесат* «ты здесь». Формы неуказательного, основного склонения во мн. числе имеет лишь номинатив, формы указательного склонения в эрзянском охватывают семь падежей, а в мокшанском три падежа.

Развитие двух литературных языков на основе различных диалектно-языковых территориальных образований произошло постепенно, с 20-х гг. прошлого века эти языки стали строго нормативными. В 90-х гг. XX в. усилиями некоторых мордовских и венгерских лингвистов предлагались и обсуждались проекты создания единого общемордовского литературного языка, однако эти усилия оказались безуспешными.

Общемордовский лексический фонд состоит из исконной и заимствованной лексики. Наиболее древние заимствования проникли из индоиранских языков, например, эрз. *кансть*, мокш. *каньф* «конопля», эрз. *сыре*, мокш. *суре* «старый», *ломань* «человек» (больше 10 слов). Балтийские заимствования, по мнению одних исследователей, проникли в мордовские языки через посредство прибалтийско-финских языков, с которыми у них были в древности определенные контакты. По мнению других ученых, они могли заимствоваться непосредственно от древних балтов. Примеры: *кардаз* «двор», *пегель* «нож», эрз. *кшна*, мокш. *ина* «ремень», эрз. *суро*, мокш. *сура* «просо», эрз. *пуриньге* «гром», ср. лит. *perkunas* «гром». Тюркских заимствований в мордовских языках довольно много, более 200 слов, но в мокшанском языке их больше, например, *айгор* «жеребец», *алаша* «лошадь», *ярмак* «деньги», эрз. *кшумань*, мокш. *кушма* «редька», эрз. *аель*, мокш. *аел* «подпруга». Русские заимствования стали проникать позже остальных, однако их в современных языках тысячи, например, *розь* «рожь», *остена* «стена», эрз. *пондо* «пуд», эрз. *кусят*, мокш. *ксял* «кисель» и др.

ЭРЗЯНСКИЙ ЯЗЫК

Этноним-самоназвание народа — *эрзя*, от него происходит и название языка. Происхождение его неясно, вероятно, оно исходит от названия народа *Арису* на Оке, известного с X в., от него же, предположительно, произошло название г. *Арзамас*.

В эрзянском языке выделяется пять крупных диалектных образований: 1) центральный диалект, 2) западный (приинсарский) диалект по нижнему течению р. Инсар, 3) северо-западный (приалатырский) диалект, 4) юго-восточный (присурский) диалект, 5) шокшинский (изолированный) диалект на северо-западе Мордовии.

Письменная традиция начинается с XVIII в., в XIX в. появляется книгопечатание и переводческое дело, издаются религиозные и светские книги на разной диалектной основе. В изучение эрзянского (а также и мокшанского) языка большой вклад внес финский исследователь Хейкки Паасонен, собравший огромное количество диалектного материала среди мордвы. Единый эрзянский литературный язык сложился в первой половине 20-х гг. XX в. на базе центрального диалекта. Графика литературного языка изначально была основана на кириллице и ничем не отличается от русского алфавита.

С древности на эрзянскую речь сильное влияние оказывал русский язык, а в настоящее время все эрзяне двуязычны. Русское влияние сильнее всего затронуло фонетику и синтаксис, а также, естественно, лексику. Так, большинство союзов и союзных слов заимствовано из русского языка, неопределенные местоимения образованы с использованием русских элементов и по заимствованным моделям: *кой-кие* «кое-кто», *кие-бути* «кто-нибудь, кто-то», *хотькода* «как-нибудь». Однако в последние два десятилетия в литературном языке наблюдаются пуристические тенденции, создаются неологизмы на базе собственно-языковых ресурсов.

Первые списки слов и тексты относятся к XVIII–XIX вв. В XIX в. напечатана довольно большая религиозная переводная литература на основе различных диалектов. Первый эрзянский букварь был опубликован в 1884 г. Классиками эрзянской литературы являются Яков Григошин (1888–1939), Ефимия Кривошеева (1867–1936), Фёкла Беззубова (1880–1966), Андрей Куторгин (1906–1991), Никул Эркай (1906–1978), Артур Моро (1909–1989), Александр Мартынов (1913–1989), Кузьма Абрамов (1914–2008) и др. Теперь на эрзянском языке выходит республиканская газета «Эрзянь правда» (Эрзянская правда), литературно-художественный журнал «Сятко» (Искра), детский журнал «Чилисема» (Восход), вещаются радио- и телепередачи,

ставятся спектакли в Мордовском национальном драматическом театре. Язык преподается в начальной и средней школе как предмет, на филологических факультетах Мордовского государственного университета и Мордовского государственного педагогического института. В Республике Мордовия в апреле 1998 г. был принят закон о государственных языках, согласно которому эрзянский язык получает статус государственного языка, наряду с мокшанским и русским. Однако в реальности этот закон в отношении большинства пунктов или не выполняется, или реализуется лишь частично.

Фонетические особенности языка. Все звуки в эрзянском языке краткие, долгих нет. В потоке речи на сто фонем в среднем приходится 39 гласных и 61 согласный. В результате процессов отпадения конечных гласных и гласных первого слога в языке появилось много односложных слов, например, *кель* «язык», *пря* «голова». Фонемный состав языка характеризуется малым количеством гласных (5) и большим количеством согласных (28). Гласные делятся на переднерядные *и, э*, заднерядные *а, у, о*. Согласные звуки языка следующие: *б, в, г, д, д', ж, з, з', й, к, л, л', м, н, н', п, р, р', с, с', т, т', ф, х, ц, ц', ш, ч*. Среди согласных есть фонологические оппозиции по глухости/звонкости, твёрдости/мягкости, есть аффрикаты *ч, ц*, а также палатальный *ц'*. В ходе истории языка появились нехарактерные для финно-угорского праязыка и большинства современных уральских языков фонемы *ф, х, ц*, мягкие *ц', р'*, причем они употребительны и в заимствованиях, и в исконных словах, например, *цеця* «цветок», *ульцянь фонарь* «уличный фонарь», *хоть* «тж», *хоркстамс* «фыркнуть», *хрюкадемс* «хрюкать». В некоторых заимствованиях пишут русскую букву *ц*, однако эрзяне этот согласный произносят не как русские, а передают звукосочетаниями *шт* или *шч*: *щупамс* [шчукамс] «щупать», *щука* [шт'ука] «тж». В анлауте, начале слов исконно-языкового происхождения встречаются сочетания согласных, например, *пшти* «горячий», *кина* «ремень», *пстидемс* «лягаться», *промкс* «собрание».

Ударение в эрзянском языке свободное и подвижное, может легко переходить по слогам в пределах слова, однако в нейтральном стиле речи оно падает обычно на первый слог. В эрзянском языке употребление гласных подчиняется законам гармонии гласных (сингармонизма), это явление восходит ещё к финно-угорской стратиграфии. Если в первом слоге употребляется гласный переднего ряда, такой же по рядности гласный стоит и во втором и последующих слогах; такой же порядок и с гласными заднего ряда, например, *цинь-дерь* «засов», *ве-ле-стэ* «из этого села» / *мо-ро* «песня», *ту-мо-сто* «из дуба».

Морфологические особенности языка. Эрзянский язык обладает сложной и очень разветвленной грамматикой, которая устойчиво сохраняет агглютинативный морфологический тип, например, *ош-кани* «по этому городу». Как в целом в уральских языках, в эрзянском есть также элементы аналитического строя языка, основывающиеся на устойчивом словопорядке: это послеложно-именные конструкции, степени сравнения прилагательных, отрицательные глаголы, определительные конструкции с прилагательным и существительным в препозиции к главному слову. В последнем случае прилагательные при изменении главного слова остаются неизменяемыми: *паро седей* «доброе сердце» — *паро седейть* «добрые сердца, букв. добрый сердца».

Существительное эрзянского языка имеет четыре грамматические категории числа, падежа, посессивности, определённости-неопределённости. В языке различаются формы ед. и мн. числа, последние образуются с помощью древнеуральского суффикса плюраля **-т, -ть**, например, *кудо* «дом, *кудот* «дома». В силу разных причин в современном эрзянском языке формы мн. числа употребляются гораздо шире, нежели в других родственных — угорских, пермских, марийском — языках: 1) суффикс образует слова с собирательным значением, например, *сейдейть-максот* «внутренности, досл. сердца-печени», 2) образует слова с совокупным значением «кто-то с кем-то», например, *Машат-Мишат* «Маша вместе с Мишей», 3) слово во мн. числе стоит при числительных два и больше до десяти, например, *вете ломанть* «пять человек», 4) в языке образовалась группа существительных pluralia tantum: *васоньбеельть* «ножницы», *сокст* «лыжи», *сельмукиит* «очки», *кавтаськетъ* «близнецы», *кстинат* «крестины», *понкст* «брюки», а также *джинсат* «джинсы», *плавкат* «плавки», *носилкат* «носилки».

Посессивные суффиксы употребляются часто и закономерно, устойчиво сохраняя свои праязыковые особенности. Серия суффиксов для выражения посессивности одного и многих обладаемых у одного и многих обладателей следующая:

лицо	один обладатель — одно обладаемое	один обладатель — много обладаемых	много обладателей — одно/много обладаемых
1 лицо	<i>пря-м</i> «моя голова»	<i>пря-н</i> «мои головы»	<i>пря-нок</i> «наша голова/наши головы»

2 лицо	<i>пря-т</i> «твоя голова»	<i>пря-т</i> «твои головы»	<i>пря-нк</i> «ваша голова/ваши головы»
3 лицо	<i>пря-зо</i> «его, её голова»	<i>пря-нзо</i> «его, её головы»	<i>пря-см</i> «их голова/их головы»

В эрзянском языке есть два вида склонения существительных, основное и указательное, которые имеют разные формальные показатели и противопоставлены друг другу по принципу выражения неопределенного и определенного предмета/лица, например, в номинативе *ломань* «какой-то один человек» ↔ *ломанесь* «этот определенный человек», а также *Те ломанесь паро* «Этот человек хороший», *Неть ломантне парот* «Эти люди хорошие». Основное и указательное склонения в эрзянском языке имеют специфические формы в 10 падежах. Функционально форманты указательного склонения соответствуют определенным артиклям немецкого, английского, французского, венгерского языков, что дает основания некоторым исследователям говорить о т.н. постпозитивном артикле в эрзянском языке. Однако последнее мнение пока не находит широкой поддержки исследователей.

Падежная система неопределенного склонения состоит из 12 падежей:

Название	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	Ø	Кто? Что?	пакся «поле»
Генитив	-нь	Чей? У чего? У кого?	паксянь «поля»
Датив	-нень, -нэнь	Кому? Чему?	паксянень «полю»
Аблатив	-до/-де, -то/-те, -тэ	О ком? О чем?	паксядо «о поле»
Инессив	-со/-сэ	Где?	паксясо «в поле (есть)»
Элатив	-сто/-стэ	Откуда?	паксясто «с поля»
Иллатив	-с	Куда?	паксяс «в поле (внесу)»
Латив	-в/-й	Во что?	паксяв «в поле (иду)», велей «в деревню»

Пролатив	-ва,-га,-ка	По кому/чему?	паксява «по полю»
Компаратив	-шка	Величиной с кого, чего?	паксяшка «как поле»
Абессив	-втомо/-втеме, -теме	Без кого? Без чего?	паксявтомо «без поля»
Транслатив	-томо/-тэме -кс	В кого? Во что (превратиться)?	паксякс «в поле (превратиться)»

В эрзянском языке устойчиво сохраняется своеобразное языковое явление — предикативное спряжение существительных, когда к существительным в функции именного предиката присоединяются глагольные лично-числовые суффиксы. Примеры:

лицо	формы ед. числа	формы мн. числа
1 лицо	<i>мон учител-ян</i> «я учитель»	<i>минь учитель-тяно</i> «мы учителя»
2 лицо	<i>тон учител-ят</i> «ты учитель»	<i>тынь учитель-тядо</i> «вы учителя»
3 лицо	<i>сон учитель</i> «он/она учитель»	<i>сынь учитель-ть</i> «они учителя».

Такое явление существует также в самодийских языках, однако в эрзянском глагольные личные суффиксы принимают и прилагательные, порядковые числительные, наречия, местоимения, послелогии, а также формы инессива, элатива, компаратива, абессива существительных, например, *ош* «город», *ошс* «в городе», *ошс-ан* «я в городе», *ошс-ат* «ты в городе», *сон ошсо* «он(а) в городе», *ошсо-тано* «мы в городе», *ошсо-тадо* «вы в городе», *сынь ошсо-т* «они в городе»; *мон мазы-ян* «я красивый(-ая)», *тон васенц-ят* «ты первый», *тон парьшка-лить* «ты была величиной с кадушку», *сельмензэ ваканишка-т* «его (её) глаза величиной с чашку», *мон кудовтом-ан* «я без дома», *тон кудовтом-ат* «ты без дома» и т.п.

Одни прилагательные в эрзянском языке изначально производны (*од* «новый», *ташто* «старый»), другие же имеют развитую деривацию. Однако в языке нет специальных морфологических показателей для выражения значений степеней сравнения, для этого

используются различные аналитические конструкции, например, *поки* «большой» — *седе поки* «больше, досл. его больше, больше, чем он» (*седе* местоимение в аблативе) — *весемеде/сехте поки* «самый большой».

Числительные в языке отражают особенности праязыка, однако в функционировании существительных при числительных появилась инновация. Под влиянием русского языка при числительных от 2 до 10 существительное стоит в форме мн. числа (*кавто валмат* «два окна»), но с числительными от 11 и больше существительное стоит в ед. числе: *сядо ломань* «сто человек». В речи современных эрзян подчас употребляются русские числительные взамен исконных, например, диал. *Раминь семь штук тетрадь* «Купил(а) семь штук тетрадей», *Школам прядья в тысяча девятьсот девяносто девятом году* «Школу закончил(а) в тысяча девятьсот девяносто девятом году», *Те тейтерькась монь второй* «Эта дочь у меня второй [ребенок]».

Глагол обладает очень богатой и сложной системой, имеются категории наклонения, времени, лица-числа, залога и способов глагольного действия, есть также разнообразные инфинитные формы.

В сравнении со всеми финно-угорскими языками, в мордовских языках наибольшее количество различных наклонений. В эрзянском языке их семь: 1) изъявительное (индикатив), 2) повелительное (императив), образующееся у глаголов 2 лица ед. числа с помощью суффикса **-к, -т/ть**, у глаголов 2 лица мн. числа с помощью суффикса **-до, -де** (*кунда-к* «лови», *кунда-до* «ловите»), 3) сослагательное или конъюнктив на **-вл, -воль/вель**, например, *кунда-влинь* «я ловил бы»), 4) условное или кондиционал на **-дерь**, (*кундындерян* «если я поймаю»), 5) побудительное или оптатив на **-з, -зо/-зэ** (*кундазан* «пусть я ловлю»), 6) желательное или дизидератив на **-кс(э)**, 7) условно-сослагательное или кондиционал-конъюнктив на **-дерь + -вл/воль**, например, *кундындерявлинь* «если бы я поймал». Все наклонения образуются с помощью простых и составных суффиксов, присоединяющихся к основе глагола. В объектном спряжении употребляются особые показатели императива, в отличие от глаголов в безобъектном спряжении (см. примеры, данные ниже).

Исторически в эрзянском языке развились два спряжения, безобъектное и объектное. Формы безобъектного спряжения принимают непереходные глаголы, а также переходные, но в непереходном значении, например, лично-числовые формы от глагола *кундам* «ловить»:

лицо	формы ед. числа	формы мн. числа
1 лицо	<i>Мон кундан</i> «Я ловлю»	<i>Минь кундано</i> «Мы ловим»
2 лицо	<i>Тон кундат</i> «Ты ловишь»	<i>Тынь кундатадо</i> «Вы ловите»
3 лицо	<i>Сон кунды</i> «Он(а) ловит»	<i>Сынь кундыть</i> «Они ловят»

Формы объектного спряжения употребляются у переходных глаголов при наличии у них определённого объекта, на который переходит действие; при этом действие глагола мыслится как завершённое. Есть 6 рядов глагольных форм, указывающих на определённый объект в отношении к его лицу и числу. Приведем иллюстративные примеры лишь по трём рядам ед. числа глагола в настояще-будущем времени индикатива. Некоторые формы объектного спряжения омонимичны, однако в контексте это свойство суффиксов нейтрализуется.

Ряд *монь* «меня»

лицо	формы ед. числа	формы мн. числа
1 лицо	-----	-----
2 лицо	кадса-мак «(ты) меня оставишь/оставляешь»	кадса-мизь «(вы) меня оставите/оставляете»
3 лицо	кадса-мам «(он, она) меня оставит/оставляет»	кадса-мизь «(они) меня оставят/оставляют»

Ряд *тонь* «тебя»

лицо	формы ед. числа	формы мн. числа
1 лицо	кад-тан «(я) тебя оставлю/оставляю»	кад-тадызь «(мы) тебя оставим/оставляем»
2 лицо	-----	-----
3 лицо	кад-танзат «(он, она) тебя оставит/оставляет»	кад-тадызь «(они) тебя оставят/оставляют»

Ряд *сонзэ* «его, её»

лицо	формы ед. числа	формы мн. числа
1 лицо	кад- са «(я) его/её оставлю/оставляю»	кад- сынек «(мы) его/её оставим/оставляем»
2 лицо	кад- сак «ты его/её оставишь/оставляешь»	кад- сынк «(вы) его/её оставите/оставляете»
3 лицо	кад- сы «(он, она) его/её оставит»	кад- сызь «(они) его/её оставят/оставляют»

Как и в большинстве уральских языков, отрицательная форма глагола в прошедшем времени образуется аналитически из специального отрицательного вспомогательного глагола и основного глагола без лично-числовой суффиксации, например, в индикативе *эзинь яка* «(я) не ходил», *эзить яка* «(ты) не ходил», в императиве *иля яка* «не ходи», в конъюнктиве *аволинь яка* «не хотел бы идти/сходить» и т.д. Однако в настоящем времени отрицание выражает отрицательная частица *а*, стоящая перед спрягаемым глаголом, например, *а якан* «я не хочу». Подобное же глагольное отрицание есть в угорских и русском языках.

Глагол эрзянского языка изменяется по временам, всего выделяется три разряда: 1) настоящее-будущее время, не имеющее специальных формантов, 2) I прошедшее время с суффиксом **-и/-ы** в 1, 2 лицах, с суффиксом **-сь** в 3 лице, 3) II прошедшее с суффиксом **-ли** в 1, 2 лицах, с суффиксом **-ль** в 3 лице. I прошедшее время выражает законченное и незаконченное действие, а II прошедшее служит для обозначения длительного или повторяющегося действия в прошлом, например, *Мон морынь* «Я пел(спел)», *Мон морылинь* «Я пел долго».

Многие глаголы употребляются с залоговыми суффиксами (каузативными, рефлексивными), а также принимают показатели способов глагольного действия, представляющие аспектуальную характеристику действия.

Эрзянский язык обладает разнообразными инфинитными формами глагола. Выделяются два вида инфинитива, образующиеся при помощи суффиксов **-мс** и **-мо, -ме**, например, *амезе теемс* «нечего делать», *молить оймамо* «идут отдыхать». Система причастий состоит из четырёх разрядов, выражающих разнообразные залоговые и временные значения. Выделяются 1) активные причастия настоящего времени на **-ы, -и, -ыця/-иця** (*прыця теште* «падающая звезда»), 2) активные/пассивные причастия прошедшего времени на **-зь** (*пужось лопат* «пожухшие листья»), *ледезь тикше* «скошенная трава»), 3) пассивные

причастия настоящего времени с синонимичными суффиксами **-викс** и **-ма**, например, *кемема* «надёжный», *вечкевикс* «любимый», 4) пассивные причастия прошедшего времени законченного действия с суффиксами **-нь**, **-вт**, **-вть**, например, *чапавтонь умарть* «мочёные яблоки», *сокавт пакся* «вспаханное поле». В языке также употребляются деепричастия сопутствующего действия на **-зь** и на **-мсто**, **-мстэ** (*чинь стязь* «когда солнце встаёт», *самсто* «во время прихода»), деепричастия прошедшего времени на **-до**, **-де**, например, *комадо* «наклоняясь», *озадо* «сядя».

Среди служебных частей речи бросается в глаза очень разветвленная система послелогов, союзы, и частицы. Язык богат дескриптивными словами и междометиями.

Синтаксис эрзянского языка сохраняет элементы порядка слов, характерного для финно-угорского праязыка: определения стоят перед главным словом (*стака кев* «тяжелый камень», *цёрань панар* «мужская рубашка»), отрицательные глаголы перед лексическими, послелоги после существительных. Определения с определяемыми словами не согласуются, а примыкают друг к другу. Лишь в позиции именного сказуемого прилагательные координируются со словами-подлежащими в числе, например, *Те ломанесь паро* «Этот человек хороший», *Не ломатне парот* «Эти люди хорошие». Главенствующим в языке является словопорядок SVO, например, *Мон молян кудов* «Я иду домой», *Тейтернесь ловны книга* «Девочка читает книгу». В речи часто встречаются односоставные предложения, состоящие лишь из одного слова, глагола в объектном спряжении, например, *Содатан* «Я тебя знаю», *Простясызь* «Они простят их». В настоящее время участились в речи и письменных текстах сложные предложения с бессоюзной и союзной связью.

Основной словарный фонд, базовую лексику образуют исконные прафинно-угорские, собственно мордовские слова, а также заимствования. Более поздние заимствования в эрзянский язык проникли из тюркских и русского языков. Слова из болгарского (старочувашского) языка проникали с VII в. н.э. до XIII в, например, *сирть* «яшень», *кендял* «клоп», *кишумань* «редька». В язык проникло также множество слов из татарского языка: *куяр* «огурец», *алаша* «лошадь», *айгор* «жеребец», *курка* «индюк», *пор* «мел», *сумань* «зипун, кафтан» и др. Древнерусских заимствований не столь много, например, *розь* «рожь», *бойр* «барин», *косяк* «тж», более новые слова насчитываются тысячами и охватывают все отрасли хозяйства, культуры и быта. В качестве реакции на засилие русизмов в литературном языке в последнее время усиливаются пуристические тенденции, предложены и постепенно

внедряются эрзянские неологизмы, например, *улевкс* «событие», *инелма* «слава», *валрисьме* вместо *предложения* «предложение», *инекужо* вместо *съезд*, *кочкамот* вместо *выборт* «выборы», *таштамо* вместо *накопленият* «накопления» и др.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

<i>Шумбрат!</i>	Привет! Здравствуй!
<i>Шумбра валске!</i>	Доброе утро!
<i>Шумбрачи!</i>	Добрый день! Здравствуй!
<i>Шумбра чокине!</i>	Добрый вечер!
<i>Вастомазонок! Неемазонок!</i>	До свидания!
<i>Кода леметь?</i>	Какое твоё имя?
<i>Монь лемем Миша.</i>	Моё имя Миша.
<i>Мон Мордовской госуниверситетэнь студентан.</i>	Я студент Мордовского госуниверситета.
<i>Мон тонь вечктян.</i>	Я тебя люблю.
<i>Кодамо шумбрачинк?</i>	Как ваше здоровье?
<i>Паро ярасмо!</i>	Приятного аппетита!
<i>Сюкпя!</i>	Спасибо!
<i>Сюкомяк пек!</i>	Поклон [передай]!
<i>Ёвтэк поздоровт весенень.</i>	Передай всем привет.
<i>Паро киланго!</i>	Доброго пути!

ТЕКСТЫ

АЙ, БАЮ, БАЮ, ТЕЙТЕРНЕМ

Ай, баю, баю, тейтернем,
Баю, баю, тейтернем!

Баю, мадтя вадринестэ,
Удокая, тейтернем!
Баю, баю, тейтернем,
Баю, бояравинем,
Мазы инзэй лопинем!

АЙ, БАЮ-БАЮ, ДОЧЕНЬКА МОЯ

Ай, баю-баю, доченька моя,
Баю-баю, доченька моя!

Баю, ложись-ка хорошенько,
Спи-ка, доченька моя!
Баю-баю, доченька моя,
Баю, боярьшняя моя,
Красивый малины
листочек мой!

ВАЙ, ВЕРЬГА, ВЕРЬГА

Кодамо моро
Минь моратано?
Кодамо ёвтамо
Минь ёвтатано?
Эрзянь морыне
Минь моратано,
Эрзянь ёвтамо
Минь ёвтатано.
Вай, верьга, верьга
Ливтить яксяргот,
Седеяк верьга
Ливтить идемкат.
Вай, козонь, козонь
Валгить ярсамо?
Вань, козонь, козонь
Валгить симеме?
Пиже луга лангс
Валгить ярсамо,
Сура пей чирес
Валгить симеме.
Вай, козонь, козонь
Валгить налксеме?
Ашо човар лангс
Валгить оймсеме,
Ашо песок лангс
Валгить налксеме.

Ефимия Кривошеева

ПАСТУХОНЬ МОРО

Цёковнекс цёкордан,
Куковнекс кукордан...
Кона тейтернесь мельнесэнь,

Кона тейтернесь седейсэнь?

ОХ, ВЫСОКО, ВЫСОКО

Какую песню
Мы споём?
Какой сказ (рассказ)
Мы расскажем?
Эрзянскую песенку
Мы споём,
Эрзянский сказ
Мы расскажем.
Ох, высоко, высоко
Летят утки,
Ещё даже выше
Летят дикие утки.
Ох, куда, куда
Спустятся они кормится?
Ох, куда, куда
Спустятся они пить?
На зеленую лужайку
Спустятся они есть.
На берег Суры
Спустятся они пить.
Ох, куда, куда
Спустятся они играть?
На белый песок
Спустятся они отдыхать,
На белый песок
Спустятся они отдыхать.

ПЕСНЯ ПАСТУХА

Соловьем пою
Кукушкой кукою...
Которая девушка в душе
моей,
Которая девушка в сердце
моём?

Седей ёжова вайгельнем
Тензэ нолдавлиа,
Малынезэнь айгевлия.

Мезе ули ули-паром,
Весе тензэ максовлия,
Ве арсемсэ арсевлинь,
Ве валнэсэ кортавлинь.

Мезть пельдензэ марявлинь, —
Седеезэнь путовлинь.
Ней жо мон яла ськамон
Якан стада удалга.
Пиземекс пизевтьсынъ сельведень,

Лисьмапяркс ливтьсынъ сельместэнь.

От сердца голосок мой
Ей подал бы я,
Близко к себе приблизил бы
её.

Какое есть богатство моё,
Все ей бы отдал,
Одной думкой бы думал,
Одним словечком бы
говорил.

Что от неё бы услышал, —
В сердце моё бы положил.
Теперь же я всё один
Хожу за стадом.
Дождем слезы свои

заставляю идти,

Родником из глаз моих
заставляю их выходить-течь.

Литература

Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология: Учебник для нац. отд-ний вузов. — Саранск: Морд. гос. ун-т, 1980.

Имайкина М.Д. Эрзянский язык: Учебное пособие для русскоязычных студентов: Ч. 1., Ч. 2. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996.

Мосин М.В. Русско-эрзянский разговорник. — Саранск: Мордовской книжной издательствась, 1993.

Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вужонь эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавтницятнень туртов / редкол.: Д.В.Цыганкин (отв. ред.), Н.А.Агафонова, М.Д.Имайкина ды лият. — Саранск: тип. «Крас. Окт.», 2000.

Keresztes L. Chrestomathia morduinica. — Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.

Mosin M.V, Bajuskin N.S. Ersämordvan oppikirja. — Helsinki, 1983.

МОКШАНСКИЙ ЯЗЫК

Наименование языка происходит от этнонима-самоназвания *мокша*, который впервые встречается в источниках XIII в. в форме *Moxel* как название народа, живущего за Доном на Севере. Считается, что этноним возник от гидронима, названия р. *Мокша* (происхождение последнего неясно). Хотя современные мокшане р. Мокшу именуют другим словом *Ёв*, восходящим к прафинно-угорскому **joke* «река», историческая связь древнего названия реки и самоназвания народа очевидна.

Есть три основные диалектные зоны — центральная, западная и юго-восточная. Первый связный текст на мокшанском языке появился в конце XVIII в., затем печатная литература выходила на основе разных диалектов. Первый мокшанский букварь был опубликован в 1892 г. Изначально и теперь в мокшанском языке используется кириллица без введения каких-либо дополнительных знаков. Только с 30-х гг. XX в. литературный язык стал ориентироваться на центральный диалект. В настоящее время в литературном языке хорошо представлены особенности разных диалектов. Классиками мокшанской литературы являются Захар Дорофеев (1890–1952), Михаил Безбородов (1907–1935), Тимофей Кирдяшкин (1888–1972), Максим Бебан (1913–1986), Александр Малкин (1923–1976), Леонид Макулов (1907–1982). На мокшанском идет преподавание отдельных предметов в средней школе, его изучают на филологических факультетах Мордовского государственного университета и Мордовского государственного педагогического института, на нём издается литературно-художественный журнал «Мокша», детский журнал «Якстерь тяштенья» (Красная звёздочка), республиканская газета «Мокшень правда» (Мокшанская правда), ведутся радио- и телепередачи. В Республике Мордовия в апреле 1998 г. был принят закон о государственных языках, согласно которому мокшанский язык получает статус государственного языка, наряду с эрзянским и русским. Однако в реальности этот закон в отношении большинства пунктов или не выполняется, или реализуется лишь частично.

Фонетическая характеристика. По составу фонем, особенно согласных, мокшанский язык один из наиболее богатых из современных уральских языков: в языке есть 7 гласных и 33 согласных. Однако некоторые специфические звуки языка отдельными знаками при письме не передаются. Так, глухие сонорные *L* и *L'* передаются буквосочетаниями *лх* и *лъх*, а гласные *ä* и *ə* выражаются

при письме совершенно разными гласными буквами *э, о, е, я*, что говорит о противоречиях в графической передаче произношения, т.е. традиционное правописание не вполне адекватно передает звучащую речь мокшан. По этой причине фонетическая характеристика мокшанского языка представлена с примерами в финно-угорской транскрипции на латинской основе.

Гласные подразделяются на вокалы переднего ряда *ä, e, i*, звуки среднего ряда *a, ə*, заднерядные *o, u*. Ударные гласные произносятся отчетливо, а безударные и в особенности ауслутные менее чётко или редуцированно. В отличие от эрзянского языка, в мокшанском сохранился переднеязычный вокал *ä*, а также появился редуцированный гласный среднего ряда среднего подъёма *ə* на основе безударных аллофонов других гласных фонем. Это вокал несет смысловоразграничительную функцию, например, *anək* «готовый» — *anak* «проси». В первом слове употребительны все согласные, во втором редко встречаются *o* и *э*, а в третьем и последующем слогах они не употребляются. Из состава консонантов в первом слове встречаются лишь глухие согласные.

Состав мокшанских согласных, в отличие от эрзянского языка, расширился за счет появления т.н. глухих сонорных *L, L', R, R', J* (их в транскрипции обозначают прописные буквы). Они образуют фонологические оппозиции с обычными сонорными, например, *kaln'ä* «рыбка» — *kaLn'ä*, диал. *kaLn'ъ, kaLn'e* «эти рыбы»; *nar'nä* «травка» — *naR'nä* «эти травы», *mar'n'ä* «яблочко» — *maR'n'ä* «эти яблочки». Общий состав согласных (в квадратных скобках дана орфографическая передача специфических звуков): *b, v, g, d, d', ž, z, z', j, J* [йх], *k, l, l', L* [лх], *L'* [льх], *m, n, n', p, r, r', R* [рх], *R'* [рьх], *s, s', t, t', f, h, c* [ц], *c'* [ць'], *š, š'*. В ходе истории языка в мокшанском языке развились десять пар согласных по твердости/мягкости: *t – t', d – d', s – s', z – z', r – r', R – R', l – l', L – L', n – n', c – c'*. В силу имевших место исторических изменений в мокшанском появилось немало слов с сочетаниями согласных в начале исконных по происхождению слов, например, *стирь* «дочь», *ксты* «земляника», *снав* «горох», *фкя-фкянь* «друг-друга», *фкакс* «одинаково», *кини* «железо». Это отличает мордовский язык от большинства уральских языков, где подобные сочетания нехарактерны. Соотношение употребительности гласных и согласных на 100 фонем следующее: 39 вокалов на 61 консонант.

Ударение в мокшанском языке, как правило, падает на первый слог: *ка́фта* «два», *ко́лма* «три», *си́момс* «пить». Однако если в первом слове слова есть гласные *и* или *у*, а в последующих появляются

широкие гласные *a* и *ä* (орфографически *я*), то последние перетягивают ударение на себя, например, *күломс* «умереть» — *кулán* «умру», *сiмомс* «пить» — *симán* «я пью», *симát* «ты пьешь». Древняя финно-угорская гармония гласных подверглась разрушению и сохраняется лишь частично, проявляясь в определенном взаимовлиянии гласных и согласных в составе слова.

Морфологическая характеристика. Агглютинативный характер языка устойчиво сохраняется, в нём употребляются лишь суффиксы, префиксов нет. Морфопорядки также устойчивы: у существительных — основа + суффикс числа + посессивный + падежный показатель, у глаголов основа + показатель наклонения + суффикс времени + лично-числовой формант. Примеры: *Сюкря минь тонафнесь-хне-ньди* «Спасибо нашим учителям» (существительное в дативе); *Синь шта-йх-ть* «Они умылись».

Существительные изменяются по числам и падежам, присоединяют лично-притяжательные суффиксы. Мн. число существительных образует суффикс **-т, -ть**, последний алломорф употребляется после мягких согласных, например, *ведь* «вода» — *ветть* «вóды», *куд* «дом» — *кутт* «дома», *ош* «город» — *ошт* «города́». Как и в эрзянском, формы мн. числа употребляются широко. Так, при числительных 2 и более существительные оформляются показателем мн. числа, например, *фкя куд* «один дом», но *колмо кутт* «три дома», *сядо целковайхть* «сто рублей».

Посессивные суффиксы в мокшанском языке образуют систему специфических (отличающихся от эрзянских) суффиксов, выражающие принадлежность предмета/предметов к 1, 2, и 3 лицу/лицам. Серия суффиксов образует систему следующего вида:

лицо	Один обладатель — одно обладаемое	один обладатель — много обладаемых	много обладателей — одно/много обладаемых
1 лицо	<i>кудо-зе</i> «мой дом»	<i>куд-не</i> «мои дома»	<i>кудо-ньке</i> «наш дом/наши дома»
2 лицо	<i>куд-це</i> «твой дом»	<i>кут-тне</i> «твои дома»	<i>кудо-ните</i> «ваш дом/ваши дома»
3 лицо	<i>кудо-ц</i> «его/её дом»	<i>кудо-нза</i> «его дома»	<i>куд-сна</i> «их дом/их дома»

Существительные склоняются по падежам в двух склонениях, в языке разграничивают парадигмы неопределенного и определенного (указательного) склонений.

Падежная система в неопределённом склонении состоит из 13 падежей:

Название	Показатели	Вопросы	Примеры
Номинатив	Ø	Кто? Что?	куд «дом»
Генитив	-нь	Чей? У кого?	кудонь «дома»
Датив	-нди	Кому? Чему?	кудонди «дому»
Латив	-в, -у, -и	Куда?	куду « в дом»
Инессив	-са, -ца	Где?	кудса «в доме (есть)»
Элатив	-ста, -цта	Откуда?	кудста «из дома»
Иллатив	-с, -ц	Куда?	кудс «в дом (иду)»
Пролатив	-ва, -га, -ге,	По кому/чему?	кудога «по дому»
Аблатив	-ка	От кого/чего?	кудода «от дома»
Компаратив	-шка	С кого, чего величиной?	кудшка «как дом»
Абессив	-фтома	Без кого? Без чего?	кудфтома «без дома»
Транслатив	-кс	Кем стать? Во что превратиться?	кудкс «в дом (превратиться)»
Каузатив	-нкса	Из-за кого, чего?	кудонкса «из-за дома»

Специфическое указательное склонение служит для выражения определенных предметов или лиц, для сравнения: *веле* «село вообще», но *веле-сь* «это село», *куд* «дом вообще», но *куд-сь* «этот дом» (форма номинатива), *куд-ть* «этого дома», *кут-тнень* «этих домов» (в генитиве), *куд-ти* «этому дому», *кут-тненди* «этим домам» (в дативе). В отличие от эрзянского языка, указательное склонение в мокшанском охватывает 3 падежа номинатив, генитив и датив. Формы указательного склонения выполняют функции определенного артикля европейских языков.

Прилагательные в мокшанском языке сохраняют древнюю особенность: не согласуются с определяемым словом в позиции атрибута, например, *цебьяр квартира* «хорошая квартира» — *цебьяр*

квартират «хорошие квартиры»). Значения сравнительной и превосходной степеней прилагательных выражаются аналитически, с помощью самостоятельных слов. Так, значение компаратива обозначается при помощи слова *сяда* (*акша* «белый» — *сяда акша* «белее»; *оцю* «большой» — *сяда оцю* «букв. больше этого»), а значение суперлатива при помощи слов *инь*, *сембода*, например, *акша* «белый» — *сембода акша* «самый белый». Кроме того, слово, обозначающее предмет, с которым что-то сравнивается, может стоять в форме аблатива, например, *Панарозе ловда акша* «Моя рубашка белее снега».

Специфичной особенностью мокшанского языка является т.н. предикативное спряжение, когда глагольные лично-числовые суффиксы безобъектного спряжения присоединяются к существительным, наречиям, прилагательным в функции сказуемого, например:

лицо	формы ед. числа	формы мн. числа
1 лицо	<i>Мон колмоцесян</i> «Я третий»	<i>Минь колмоцетнетяма</i> «Мы третьи»
2 лицо	<i>Тон колмоцесят</i> «Ты третий»	<i>Тинь колмоцетнетяда</i> «Вы третьи»
3 лицо	<i>Сон колмоцесь</i> «Он(а) третий(ья)»	<i>Синь колмоцетне</i> «Они третьи»

Глагольная морфология языка отличается своей сложностью и разнообразием. Выделяется семь наклонений, которые образуются синтетически, при помощи суффиксов, присоединяющихся к глагольной основе: индикатив, императив на **-к**, **-т**, **-ть** в ед. числе и **-да** во мн. числе (*мора-к* «пой», *мора-да* «пойте»), кондиционал (сослагательное наклонение) на **-л** (*мора-л-еть* «ты пел бы»), желательное наклонение на **-кс** (*морале-кс-олеть* «ты хотел было спеть»), побудительное наклонение на **-за** (*мора-за-т* «пусти ты споешь»), условное наклонение на **-ндяря**, например, *мора-ндяря-т* «если ты споешь», условно-сослагательное на **-ндяряль** (*мора-ндярял-еть* «если бы ты спел»).

У глагола есть три времени, два вида спряжения: безобъектное и объектное. В последнем случае действие глагола всегда переходит на определенный объект, т.е. суффиксы спряжения указывают не только на производителя действия, но и на лицо и число прямого объекта.

Всего выделяется шесть рядов суффиксов, ряд «меня», ряд «тебя», ряд «его», ряд «нас», ряд «вас» и ряд «их». Примеры и переводы для ряда «меня»:

лицо	формы безобъектного спряжения	формы объектного спряжения (ряд <i>монь</i> «меня»)
1 лицо	мон мора-н «я пою»	-----
2 лицо	тон мора-т «ты поёшь»	тон кунда-самак «ты меня поймаешь»
3 лицо	сон мора-й «он(а) поет»	сон кунда-самань «он меня поймает»
1 л. мн. числа	минь мора-тама «мы поем»	-----
2 л. мн. числа	тинь мора-тада «вы поете»	тинь кунда-самасть «вы меня поймаете»
3 л. мн. числа	синь мора-йхть «они поют»	синь кунда-самазь «они меня поймают»

Отрицание действия глаголов выражается достаточно сложно, несколькими способами. У глаголов в настоящем-будущем и II прошедшем времени оно образуется при помощи препозитивной отрицательной частицы *аф* «не», которая стоит перед спрягаемым глаголом, например, *аф молян* «я не пойду», *аф сёрмадолеть* «ты не написал бы». Собственно спрягаемые отрицательные глаголы употребляются в формах I прошедшего времени индикатива: *изе-нь яка* «я не ходил», *изе-ть яка* «ты не ходил», *изь яка* «он не ходил», *изе-ме яка* «мы не ходили», *изе-де яка* «вы не ходили», *ис-ть яка* «они не ходили». В других наклонениях формы отрицания также отличаются своеобразием, например, в сослагательном наклонении *афолемань сода* «он не узнал бы меня», в повелительном наклонении *тяман юкста* «ты меня не забудь», в побудительном *тянзат юкаба* «пусть он не забудет тебя», в желательном наклонении *афолексолень мора* «я не хотел петь».

К числу инфинитных форм глагола относятся два вида инфинитива на **-мс** (*морамс* «петь», *китимс* «плясать») и **-ма**. Система причастий включает несколько разрядов: активные причастия настоящего времени на **-ы**, **-й** (*уды ломань* «спящий человек», *ошса эряй стирь* «в городе живущая девушка»), активные причастия прошедшего времени на **-ф** (*праф лов* «выпавший снег»), пассивные причастия с суффиксами **-кс** и **-ма**, например, *шарьхкодевикс вал* «понятное слово», *кельгома ломань* «уважаемый человек». В устной речи часто употреб-

ляются деепричастия сопутствующего действия на **-зь** и на **-мста** (*налхксезь* «играючи», *ётамста* «проезжая»), деепричастия настоящего времени на **-да**: *Минь мораме озада* «Мы пели сидя».

Из служебных частей речи в мокшанском большом разнообразием отличается сеть послелогов, например, *куд ала* «под домом», *ведть лангса* «на воде», *шурфта фтала* «за деревом», а также выделяются союзы и частицы. Существительные при послелогах могут употребляться в формах номинатива, генитива и аблатива. Много союзов и большинство частиц заимствовано из русского языка.

Хотя синтаксис мокшанского языка в последние столетия подвергается сильному влиянию русского языка, однако в нём сохраняются и праязыковая черты: препозиция определений, существительные могут выступать в роли прилагательных: *акша ал* «белое яйцо», но *ал акша* «белок яйца». Сохраняется древняя особенность порядка слов: определения всегда стоят перед определяемым словом: *оцю веле* «большое село», *тылонь ши* «зимний день». В простом предложении главенствует порядок компонентов SVO, например, *Мон кандан ведь* «Я несу воду». Сложные предложения образуются без союзов и с союзами, большая часть которых заимствована из русского языка: *што, штоба, и, да, но, то... то, хоть, хотя, каба*, например, *Лоткась пиземсь, и менельса лиссь шиньясь* «Дождь перестал, и на небе появилось солнышко».

В лексике мокшанского языка выделяют основной словарный фонд исконно-языкового происхождения и заимствованные слова. В отличие от эрзянского языка, в мокшанский язык проникло больше тюркизмов, всего 200 слов: с VII в. по XIII в. проникали булгаризмы, а позднее, с XIII в. лексика из татарского языка. Примеры: *ака* «старшая сестра», *ава* «супруга, женщина», *куда* «сват», *конак* «гость», *кагод* «бумага», *ушкор* «завязка, тесёмка на штанах» и др. Русизмы массово проникали и в акающей форме (*баяр* «барин, боярин», *радня* «родня, родственник», *косяк* [kas'ak] «косяк»), и в окающей форме: *поталак* «потолок», *сока* «соха», *молатка* «молоток». Через русский язык в мокшанский заимствуется и т.н. интернациональная лексика, например, *квартира, фабрика, университет, институт*. В последнее время в литературном языке усиливаются пуристические тенденции, в языке появляются неологизмы, созданные на основе собственно-языковых ресурсов, например, *вешфкс* «требование», *оцюлма* «величина», *менель-мастор* «вселенная» и др.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Шумбрат(ада)!
Шумбрат(ада)!
Шумбраши!
Няемозонк!
Кият тон? Китада тинь?
Кода тефне?
Латц ярхцамс!

Монь лемозе Нина.
Мон тонь кельте.
Мон тонафнян Мордовский
государственной университетса.

Спасиба! Сюкпря! Оцю сюкпря!
Азан спасиба!
Кеми шубраши!
Павазу ки!
Шумбрада кельгом ялгат.

Привет! Здравствуй!
Доброе утро!
Добрый день! Добрый вечер!
До свидания!
Кто ты? Кто вы?
Как дела?
Приятного аппетита!
досл. Хорошо поесть!
Моё имя Нина.
Я тебя люблю.
Я учусь в Мордовском
государственном
университете.
Спасибо!
Благодарю!
За здоровье! (тост)
Счастливого пути!
Любимому другу привет.

ТЕКСТЫ

МОКШЕНЬ ЧАСТУШКАТ

Тяниень залётканязе
Якстерь помидора.
Кда лиси оцю вели,
Аш лацонда цёра.

Оцюфт, оцюфт капаньке,
Сяда оцюфт виреньке.
Мазыхть, мазыхть цёраньке,
Сяда мазыхть стиреньке.

Вай, Ваняня, Ваняня,
Вайгяльце шуваняня,

МОКШАНСКИЕ ЧАСТУШКИ

Мой теперешний залетка (дружок)
Словно красный помидор.
Если выйдет в большое село,
Нет ему равных.

Большие, большие наши стога,
Ещё больше наши леса.
Красивые, красивые наши парни,
Ещё краше наши девчата.

Ой, Ваняня, Ваняня,
Тонкий твой голосок,

Самогонка шинеце —
Вакстот тонь туй пинеське.

Исяк якань эшиняв,
Тоста веднять кандса.
Тячи телевизорса
Милканязень ванца.

ЭХ, ХОТЬ И ШАЧЕНЬ — УДАЛАНЬ

Эх, хоть и шачень — удалань,
Вирень акша келуныакс.
Келуть ала пангонякс,
Эхярь мазы лангонякс.
Аш няиняц-сязиняц.
Киге ётай од цёра,
Куз кептерец копсонза.
Ся няемань-сяземань,
Куз кептери путомань,
Кудозонза кандомань,
Ару ведьса сон штамань,
Пяшень парьти путомань,
Акша салса валомань,
Стака кевса матрамань.

ЭРЗЯНЬ ПОЛЮНЯСЬ

Эрзянь Полюнясь
Полю баяраванясь,
Сапоньц(а) апак штак
Полю акша шаманясь
Краскас(а) апак ватть
Полю якстерь щёканясь.
Полю наряжай
Алянц кудса, од кудса,
Васе щасыне
Полю рамаф цюлканзон,

Самогонкой от тебя разит —
От тебя убежит и собака.

Вчера ходил на колодец,
Оттуда водичку несу.
Сегодня по телевизору
Милёночка покажут.

УРОДИЛАСЬ — УДАЛАСЬ

Эх, хоть и уродилась — удалась,
Лесной белой березой.
Под березою грибом,
С очень красивой шляпой
Некому его увидеть, сорвать.
По дороге молодец идет,
С основным кузовком на спине.
Тот меня увидел, сорвал,
В основной кузовок положил,
К себе домой меня унес,
Чистою водой он промыл,
В липовую кадучку положил,
Белой солью меня посыпал,
Тяжелым камнем придавил.

ЭРЗЯНСКАЯ ПОЛЮШКА

Эрзянская Поленька
Словно боярышня
Без мыла умоется —
Всё равно у нее лицо светлое
И без красок
Щёки румяные.
Поля наряжается
В новом доме, в отцовском доме,
Сначала надевает
Поля новые чулки,

Сятнень ланга шай	На них обувает
Равжа покай кямонзон.	Черные новые сапожки
Лангозонза шай	На себя надевает
Полю акша палянянц.	Поля белую рубашку.
Прязонза соты	Голову повязывает
Полю якстерь фатанянц.	Красною фатой.
Перьфканза карксай	Подпоясывается
Гарусовой каркскянянц...	Шелковым пояском...

Литература

Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология: Учебник для нац. отд-ний вузов. — Саранск: Морд. гос. ун-т, 1980.

Мокшень кяль. Морфология: Вузонь мокшень и финно-угрань отделениянь тонафнихнеди учебник / Серматф-тиф Н.С.Алямкинень кядала. — Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000.

Поляков О.Е. Мокшанский язык. — Саранск: Изд-во МордГУ, 1993.

Поляков О.Е. Русско-мокшанский разговорник. — Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1993.

Поляков О.Е. Учимся говорить по-мокшански. — Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1995.

Kerestes L. Chrestomathia morduinica. — Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

Группа прибалтийско-финских языков состоит из семи языков, из входящих в т.н. северную группу финского, карельского, вепского, ижорского и входящих в южную группу эстонского, водского и ливского языков. Количество говорящих на прибалтийско-финских языках составляет примерно 6,5 млн. человек. Русские издавна называли прибалтийско-финские народы общим аллоэтнонимом *чудь*, *чудины*. Среди множества разнообразных мнений о происхождении корня *чудь* заслуживает внимание точка зрения замствования слова русскими от саамов. В саамском языке основа **c'idē* со значением «некий сказочный враждебный народ» развилась от значения «клин», ср. саам. *tjih̄ta* (в диалекте умеа) «клин в рукоятке топора, молотка», фин. *suude*, эст. *suue* «деревянный клин, затычка». Есть мнение, что прибалтийско-финские народы по одежде отличались наличием клиновидной детали, что, кстати, послужило семантической основой для возникновения автоэтнонима народа водь.

Считается, что современные языки в древности развились от единого прибалтийско-финского праязыка, который распался к началу н.э. Явное сходство прибалтийско-финских языков на всех уровнях говорит о том, что праязыковой период длился долго в составе западной периферии прафинно-угорского, далее прафинно-пермского праязыков и далее в составе отдельного праязыка. До сих пор говорящие на этих языках могут понимать друг друга без привлечения языка-посредника.

Все прибалтийско-финские языки отличаются достаточно большим числом гласных фонем, таких как *a, o, u, e, i, ä, ö, ü*, в некоторых языках и гласный среднего ряда *e*. Ранее в праязыке, а теперь в части прибалтийско-финских языков при произношении действует закон гармонии гласных, согласно которому в простом слове встречаются или гласные переднего ряда (палатальные *ä, ö, ü*), или гласные заднего ряда (велярные *a, o, u*), например, фин. *kylässä* «в селе», но *talossa* «в доме». Гласные *e, i* в отношении гармонии гласных являются нейтральными, они могут комбинироваться в слове с любыми гласными. Во всех прибалтийско-финских языках употребляются дифтонги: фин. *uo* «ночь», *sauna* «баня», эст. *rea* «ряд». Традиционно в прибалтийско-финских языках согласных немного, что являлось характерным ещё для прауральского периода. Из консонантов во всех языках встречаются фонемы *k, p, t, s, h, m, n, l, r, v, j*. В языках в древности не было звонких, в ходе истории исчезли и палатальные. В

прибалтийско-финских языках гласные и согласные различаются по долготе, есть краткие и долгие фонемы, в большинстве современных языков оппозиция фонем по долготе имеет фонологическое значение, т.е. это различие дифференцирует лексические и грамматические значения слов, например, фин. *lika* «грязь» и *liika* «лишний», *kuka* «кто» и *kukka* «цветок», эст. *kana* «курица» и *kaalud* «весы», *tume* «темный» и *tamm* «дуб», *öö* «ночь». Ударение в языках падает на первый слог слова.

В отличие от многих уральских языков, в некоторых прибалтийско-финских языках получили распространение морфонологические чередования в основе слова, они возникли в ходе истории языков. Так, в древности согласные *k*, *t*, *p* в инлауте, середине слова, употребляясь в закрытом слоге, становились артикуляционно «слабыми», упрощались, видоизменялись или заменялись на другие (*k* : γ ; *t* : δ ; *p* ; β), например, фин. *seppä* в номинативе «кузнец» ~ *sepän* в генитиве «кузнеца», эст. *siiga* «свинья» в номинативе ~ *sea* «свиньи» в генитиве (ср. *seapea* «свиная голова») ~ *sead* во мн. числе «свиньи» и т.д. Исторические фонетические изменения также увеличили число морфонологических явлений в основе слова. Так, переход *t* в *s* перед *i* дал чередование *s/d/t*: фин. в номинативе *käsi* «рука», в генитиве *käden* «руки», в партитиве *kättä* «руку», а также в различных морфологических позициях у слова со значением «вода» — *vesi/veden/vettä*.

В целом морфология прибалтийско-финских языков сохраняет агглютинативный характер. Существительные всех прибалтийско-финских языков имеют формы ед. и мн. чисел, причем мн. число образуется с помощью двух видов показателей: суффикс **-t* присоединяется к основам слов в именительном падеже, а суффикс **-i(j)* к словам в косвенных падежах, например, фин. *kala* «рыба» ~ *kalat* «рыбы» ~ *kaloissa* «в рыбах». По причине интенсивных межъязыковых контактов с балтийскими, германскими и русским языками в прибалтийско-финских языках появились существительные *pluralia tantum*, употребляющиеся лишь в формах мн. числа, например, фин. *silmälasit*, эст. *prillid* «очки», фин. *sakset*, эст. *käärid*, вепс. *raudaižed* «ножницы».

Падежи в прибалтийских языках обладают формально-системным единством: во всех языках есть номинатив, генитив на **-n*, партитив на **-ta/tä*, инессив на **-sna*, элатив на **-sta/stä*, иллатив на **-sen*, адессив на **-lna/-lnä*, аблатив на **-lta/ltä*, аллатив на **-llen*, эссив на **-na/nä*, абессив на **-ttak/ttäk* и транслатив на **-ksi*. Прауральский суффикс аккумулятива **-m* в ходе истории языка совпал с суффиксом генитива.

Языки имеют специфический падеж партитив, не встречающийся в других уральских языках. Исторически возникший на основе разделительного падежа (аблатива) партитив выражает частичный, парциальный прямой объект, оформляет существительные при числительных от 2 и более, например, фин. *Syön kalaa* «Ем рыбу», *kaksi kirjaa*, эст. *kaks raamatut* «две книги». Иногда существительное в партитиве выражает и субъект действия предложения: фин. *Lapsia juoksee pihalla* «Дети (неопределенное их количество) бегают во дворе».

Посессивные суффиксы были широко употребительны в прибалтийско-финском праязыке, однако из современных языков они полноценно функционируют лишь в финском языке, например, *isäni* «мой отец», *isäsi* «твой отец», *isänsä* «его (её) отец», *isämme* «наш отец», *isänne* «ваш отец», *isänsä* «их отец». Употребление посессивных суффиксов в карельском, вепсском, ижорском значительно сузилось, а в водском, эстонском и ливском языках они практически исчезли.

Глагол в прибалтийско-финских языках имеет однотипную парадигму спряжения, однако основа многих глаголов видоизменяется в зависимости от морфологической позиции слова, например, фин. *lukea* «читать» в инфинитиве, *minä luen* «я читаю», *hän lukee* «он(а) читает» в спрягаемых формах, эст. *teadma* «знать» в инфинитиве, *ma tean* «я знаю», *ta ei tea* «он(а) не знает» в спрягаемых формах. Выделяется т.н. пассив, представляющий собой специальный морфологический способ выражения действия неопределенных субъектов, например, фин. *lauletaan*, эст. *lauldakse* «поют». Во всех языках есть четыре формы времен, настоящее-будущее, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Глаголы имеют особую отрицательную парадигму, где спрягается отрицательный глагол, например, фин. *en mene* «я не иду», *et mene* «ты не идешь», *ei mene* «он(а) не идет» и т.д. Однако в эстонском и водском языках эта особенность глагола уже утрачена. Во всех языках имеются разнообразные инфинитные глагольные формы, инфинитивы и причастия. Инфинитивы свободно присоединяют к себе некоторые падежные суффиксы и посессивные суффиксы, указывающие на субъект действия, например, фин. *laulaessamme* «когда мы поём/пели».

Синтаксис прибалтийско-финских языков, с одной стороны, сохраняет некоторые особенности праязыкового состояния, с другой стороны, исторически претерпел изменения из-за сильного влияния со стороны балто-славянских и германских языков. Во всех языках возникли глаголы-связки, например, эст. *Mina olen Jaan Leppik* «Я есть

Яан Леппик». Так, в языках прилагательные-определения согласуются с определяемым словом в падеже и числе: фин. *iso talo* «большой дом», *iso-ssa talo-ssa* «в большом доме», *iso-i-ssa talo-i-ssa* «в больших домах». Очень часто употребляются сложноподчиненные предложения, определения-имена собственные часто стоят после определяемого слова: фин. *auto Audi* «автомашина «Ауди», *veli Seppo* «брат Сеппо», хотя одновременно сохраняется и диахронно традиционный порядок — *Seppo-veli*.

Лексика прибалтийско-финских языков состоит из исконной лексики и заимствований, которые стали проникать с I или со II тыс. до н.э. Ещё в прибалтийско-финский праязык проникло множество балтийских заимствований: слова, связанные с земледелием — фин. *heinä* «сено», *härkä* «бык», *siemen* «семя», *villa* «шерсть», со строительством и транспортом — фин. *lauta* «доска», *seinä* «стена», *reki* «дровни», а также слова фин. *hammas* «зуб», *kaula* «шея». Затем в языки проникло много древних германских заимствований, например, фин. *aura* «плуг», *kana* «курица», *lammas* «овца», *pelto* «поле», *kulta* «золото», *rauta* «железо», *kauppa* «товар, торговля», *kuningas* «король», *raha* «деньги», *rikas* «богатый». Восточные славяне стали соседями прибалтийских финнов в I тыс. н.э. Из древнерусского языка проникли следующие заимствования: фин. *ikkuna* «окно», *veräjät* «ворота», *sirppi* «серп», *pakana* «язычник», *pappi* «поп, священник», *raamattu* «библия», эст. *raamat* «книга», *risti* «крест». В ходе истории языков в лексике прибалтийско-финских языков произошли изменения, приводящие к многочисленным языковым капканам или несоответствиям в семантике, часто имеющим в межличностном общении комический характер. Такие схожие по форме слова с различными значениями в эстонском и финском языках собраны в отдельном словаре Курти Воола *Soome-eesti eksitussõnastik*. — Tallinn, 1901. Примеры: эстонскому слову *raamat* «книга» в финском соответствует слово *raamattu* со значением «библия», эст. *maha* «вниз, на землю» — фин. *maha* «живот», фин. *ruumis* «труп» — эст. *ruumis* «в комнате, на месте», фин. *pulmat* «проблемы» — эст. *pulmad* «свадьба» и др.

Далее более подробное освещение в настоящей работе получают финский и эстонский языки, остальным же языкам будут посвящены краткие эссе по причине близости прибалтийско-финских языков в основных своих характеристиках.

ФИНСКИЙ ЯЗЫК

Финский язык — родной язык финнов, которые называют себя *suomalainen* «финн», *suomalaiset* «финны», а родной язык называют *suomen kieli*. Самоназвание народа и языка исходят от названия страны *Suomi* «Финляндия». Слово это этимологизируют по-разному: по одной точке зрения, оно образовано от существительного *suomi* «рыбья чешуя», по другой от древнешведского слова *söte* «отряд, группа, сборище». В последних исследованиях финские учёные считают, что основа **šämä* была заимствована из балтийского праязыка, где слово **žeme* имело значение «земля». Исторически современный финский народ возник на основе трех групп племен *Suomi*, по-русски *Сумь*, *Häme*, по-русски *Емь*, и *Karjala*, по-русски *Корела*. Аллоэтноним финн является общераспространенным. Слово это очень древнее, оно встречается ещё у римского историка Тацита (I тыс. н.э.) в форме *Fenni*, последнее исходит от германского слова *fenpan* «идуший». Первоначально в Европе словом *финн* обозначали саамов, а позднее этим этнонимом стали называть финнов.

Носителей финского языка около 5 млн. человек, причем около полумиллиона финнов проживает за пределами Финляндии: в Швеции, России, а также Канаде, США, Австралии и других странах.

Всего в финском языке традиционно выделяется восемь диалектов: юго-западный (собственно финский), емьский или диалект *хяме*, южноботнический, среднеботнический, северо-ботнический, карельский, савоский и юго-восточный. Первый письменный памятник на финском языке — букварь, составленный около 1543 г. Микаэлом Агриколой, епископом из г. Турку. Он же перевел на финский язык Новый завет и опубликовал его. Этот литературный язык еще называют старописьменным финским языком, основанным на диалекте, на котором говорили в Юго-Западной Финляндии. В 70-х гг. XIX в. окончательно складывается современный финский литературный язык на основе западного диалекта с привлечением языковых ресурсов восточных диалектов. В 1863 г. особым актом финский язык был объявлен государственным языком наряду со шведским. Большую роль в формирование современного литературного языка сыграла публикация Элиасом Лёнротом национального финского эпоса «Калевала» в 1835 и 1849 гг. Крупнейшими финскими писателями-классиками являются Алексис Киви (1834–1872), Эйно Лейно (1878–1926), Минна Кант (1844–1897), прозаик, лауреат Нобелевской премии Франс Эмиль Силланпяя (1888–1964).

В Финляндии два государственных языка, финский и шведский, однако в реальности в стране преимущественно звучит финский язык, на шведском говорит этническое меньшинство на Аландских островах и юго-западном и западном побережье страны, составляющее менее 7% всего населения. Изначально финская письменность существует на латинской графике, в иноязычных заимствованиях употребляются также дополнительные буквы *b, c, f, q, x, z, ž, š, å*.

Фонетическая характеристика. В языке употребляется 8 гласных и 13 согласных. Гласные делятся на переднерядные *ä, e, i* (иллабиальные), *ö, u* [*iï*] (лабиальные), и на заднерядные *a* (иллабиальный) и *o, u* (лабиальные). Оппозиция по переднерядности/заднерядности имеет фонологический характер, т.е. дифференцирует значения слов, для сравнения, *laiska* «ленивый» — *läiskä* «пятно». Кроме этого, существует 16 наиболее употребительных дифтонгов: *yö* «ночь», *päivä* «день», *tuo* «тот» и др. Все гласные могут быть краткими и долгими, дифференциальный признак по долготе в языке имеет фонологический статус, например, *tuli* — *tuuli* «огонь — ветер», *pala* — *palaä* «кусочек — горит». Практически все исконные слова и большинство заимствований в номинативе в финском языке оканчиваются на гласный: *nukke* «кукла», *tuoli* «стул», *professori* «профессор», *tyyli* «стиль». К основам заимствованных слов, оканчивающихся на согласный, в финском закономерно добавляются гласные, например, *pankki* «банк», *baari* «бар», *printteri* «принтер», *kapakka* «кабак», *läävä* «хлев».

Финский язык отличается малым количеством согласных фонем, в современном языке их меньше чем было в уральском праязыке. В исконных словах встречается 13 консонантов *p, t, d, k, v, s, j, h, m, n, η, l, r*, из которых отдельной буквой не выражается лишь *η*. Кроме того, имеется 9 геминат: *pp, tt, kk, ll, mm, nn, ηη, ss, rr*. Признак геминированности также несет смысловозначительную функцию, например, *tuli* «огонь» — *tulli* «таможня», *kuka* «кто» — *kukka* «цветок». В языке нет палатальных согласных и звонких шумных, за исключением единственного *d*: *katu* «улица» — *kadut* «улицы». Соотношение гласных и согласных в потоке речи почти равное, на 100 гласных приходится 109 согласных. Из-за обилия гласных, явления гармонии гласных, отсутствия звонких смычных, аффрикат и шипящих согласных финская речь слышится мягкой, напевной, мелодичной.

Ударение в финском языке динамическое фиксированное, закономерно падает на первый слог слова. Архаичным и характерным для многих уральских языков является сингармонизм или прогрессивная гармония гласных по ряду, по переднерядности/заднерядности. Если в

I слоге слова стоят переднерядные *ä, ö, y*, то в последующих слогах употребляются переднерядные, если же в I слоге заднерядные *a, o, u*, то и в последующих также заднерядные, например, *kylä* «деревня» — *kylässänsä* «в его(их) деревне», *talo* «дом» — *talossansa* «в его(их) доме». Вокалы *i, e* нейтральны, они могут сочетаться с переднерядными и заднерядными гласными: *metso* «глухарь», но *metsä* «лес», *silmä* «глаз», но *ilma* «воздух». Таким образом, гармония гласных в языке не носит всеобщий характер.

В первом слоге слов исконного происхождения сочетания согласных не употребляются, в ранних заимствованиях из соседних языков такие сочетания устранены за счет опущения начальных согласных, например, *risti* < рус. *крест*, *leipä* < герм. *hleib* «хлеб», *ranta* < швед. *strand* «берег». В ходе истории языка возникло явление чередования согласных, когда в одних морфологических позициях сильная ступень чередуется со слабой, например, по долготе *pp – p, tt – t, kk – k* (*kauppa – kaupassa* «магазин – в магазине», *kukka – kukat* «цветок – цветы»), по качеству консонанта (*tapa – tavat* «обычай – обычаи»), по ассимиляционному изменению (*kaupunki – kaupungissa* «город – в городе»).

Морфологическая характеристика. Тип языка агглютинативный с многими элементами флективности. Черты флективности заключаются в возникших в ходе истории языка явлениях внутренней флексии, в употреблении различающихся основ в разных позициях слова, например, *vesi* «вода» /номинатив/, *veden* «воды» /генитив/, *vettä* «воду» /партитив/, *vedessä* «в воде» /инессив/, *veteen* «в воду» /иллатив/, см. также выше о чередовании ступеней согласных. Иногда основы различаются изменением гласных: *sana – sanoissa* «слово – в словах». Аналитизм проявляется в явлении твердого порядка слов в послеложных конструкциях и т.н. отрицательных глаголах, в появлении послеложно-именных сочетаний вместо падежных форм. К примеру, вместо слов в комитативе и абессиве участились послеложные конструкции, например, *mennä ystäväen kanssa* «идти с другом», *ilman ystävää* «без друга» (*kanssa* послелог со значением «с», *ilman* предлог со значением «без»).

Можно сказать, финский язык практически полностью суффиксальный язык, в ходе истории языка образовался лишь один префикс с отрицательной семантикой на основе причастия от отрицательного глагола *epä-*, например, *selvä – epäselvä* «ясный – неясный», *miellyttävä – epämiellyttävä* «приятный – неприятный». Есть морфопорядки следующих видов: в составе существительных основа +

(деривационный формант) + суффикс числа + суффикс падежа + possessивный суффикс, например, *opetta-j-i-lla-mme* «у наших учителей»; в составе глагола основа + (деривационный формант) + суффикс наклонения + суффикс времени + лично-числовой суффикс + (приглагольная частица), например, *Sa-isi-mme-ko* «Получим ли?», *Laivat lähes-ty-i-vät* «Корабли приблизились».

Части речи хорошо дифференцированы, они имеют свой набор словообразовательных формантов. Существительные различают категории числа, падежа и possessивности. Различаются безсуффиксальная форма ед. числа и суффиксальные формы мн. числа, последние образуются двойным образом: при помощи суффикса **-t** в именительном падеже и при помощи суффикса **-i(j)** в косвенных падежах, например, *musta kissa – mustat kissat – mustilla kissoilla* «черная кошка – черные кошки – у черных кошек». Формы ед. числа часто употребляются в значении мн. числа расширилось, что характерно и для большинства уральских языков, например, *Koirilla on pitkä häntä* «У собак длинные хвосты (досл. хвост)», *Saappaat ovat jalassa* «Сапоги на ногах (досл. в ноге)». Однако в ходе истории языка употребление мн. числа расширилось, что подтверждается появлением множества слов, употребляющихся только/преимущественно в мн. числе, например, *sakset* «ножницы», *hohtimet* «щипцы», *paarit* «носилки», *housut* «брюки», *häät* «свадьба», *ristiäiset* «крестины», *hautajaiset* «похороны», *vaalit* «выборы».

Possessивность в финском языке выражается генитивными определительными сочетаниями (*yliopiston kirjasto* «библиотека университета», *isän kirja* «книга отца», *tytön laukku* «сумка девушки») и серий лично-притяжательных суффиксов, характерных для большинства уральских языков.

лицо	один обладатель	много обладателей
1 лицо	<i>siskoni</i> «моя сестра»	<i>siskomme</i> «наша сестра»
2 лицо	<i>siskosi</i> «твоя сестра»	<i>siskonne</i> «ваша сестра»
3 лицо	<i>sikonsa</i> «его/её сестра»	<i>sikonsa</i> «их сестра»

Суффиксы 3 лица ед. и мн. числа совпали в ходе истории языка. Часто в речи существительные с possessивными суффиксами сочетаются с личными местоимениями в генитиве, например, *minun taloni* «мой дом», *sinun kirjasi* «твоя книга» и т.п.

Падежная система состоит из 14 единиц, однако абессив, комитатив и инструктив употребляются довольно редко, в настоящее время комитатив и инструктив выступают в речи лишь в формах мн. числа.

Название	Показатели	Вопросы	Примеры в ед. числе
Номинатив	Ø	Кто? Что?	vuori «гора»
Генитив	-n , мн. число -e,-den/tten/-en,-in,-ten	Чей? Кого?	vuoren «горы»
Партитив	-a/ä, -ta/tä	Кого? Что?	vuorta «гору»
Инессив	-ssa/ssä	Где?	vuoressa «в горе»
Элатив	-sta/stä	Откуда?	vuoresta «из горы»
Иллатив	-Vn,-hVn,-seen , мн. число -siin	Куда?	vuoreen «в гору»
Адессив	-lla/llä	На чём? Чей? У кого?	vuorella «на горе»
Аллатив	-lle	На что? Кому	vuorelle «на гору»
Аблатив	-lta/ltä	С чего? От кого?	vuorelta «с горы»
Эссив	-na/nä	В качестве кого?	vuorena «как гора»
Транслатив	-ksi	Кем стать? Во что превратиться?	vuoreksi «в гору»
Абессив	-tta/ttä	Без кого? Без чего?	vuoretta «без горы»
Комитатив	-ine	С кем? Чем?	vuorineen «с горой»
Инструктив	-n	Кем? Чем? Как?	vuorin «горой»

Достаточно сложным в финском языке является выражение прямого объекта, который в разных условиях выражают три падежа номинатив, генитив и партитив. Обычно номинативная и генитивная формы выражают определенный прямой объект полного охвата, в то время как партитивная форма специализирована для выражения объекта частичного охвата (парциального объекта), например, *Tuo vesi* (ном.) «Принеси воду (весь графин)», но *Tuo vettä* (part.) «Принеси воды (неопределенное количество или немножко)», *Toin veden* (gen.) «Я принес всю воду», *Toin vettä* (part.) «Я принес немножко воды». Существительные в партитиве также могут употребляться в функции подлежащего, при этом партитив выражает неопределенное количество предметов, например, *Ulkona juoksee lapsia* «На улице

бегают дети (неизвестно сколько)», для сравнения *Lapset juoksevat ulkona* «Дети (известно кто и сколько) бегают на улице». В последнем случае подлежащее выражено словом в номинативе. Слово в партитиве обязательно также в отрицательных предложениях, как и в русском языке в форме родительного падежа: *Simulla ei ole rahaa* «У тебя нет денег», *Älä ota minun kirjaani* «Не бери мою книгу». Партитив оформляет подлежащее в отрицательных предложениях: *Kadulla ei näkynyt lapsia* «На улице не было видно детей».

Система числительных включает исконный лексический материал, причем все корневые части составных порядковых числительных склоняются, например, *kahdeskymmeneskolmas* «двадцать третий», *kahdessakymmenenessäkolmannessa* «в двадцать третьем». Существительные с числительным «один» стоят в форме номинатива, с числительным «два» и больше закономерно принимают форму партитива ед. числа, например, *yksi lapsi* «один ребенок» – *kolme lasta* «три ребенка», *yksi pallo* «один мяч» – *kaksi palloa* «два мяча».

Прилагательные в финском языке всегда согласуются с определяемым словом в числе и падеже, например, *iso talo* «большой дом» – *isot talot* «большие дома» – *isoista taloista* «из больших домов». Формы сравнительной и превосходной степеней адъективов образуются синтетически, компаратив при помощи суффикса **-mpa/mpä**, суперлатив суффиксом **-in**, например, *helppo* – *helpompi* – *helpoin* «лёгкий – легче – самый лёгкий».

Глагол имеет морфологические категории наклонения, лица-числа, времени, залога. Различается четыре наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное (кондиционал) и возможностное наклонение (потенциал).

Императив образуется с помощью специфических суффиксов во всех членах глагольной парадигмы кроме 1 лица ед. числа, хотя диахронно первичными являются формы 2 лица, например, *kerro!* «расскажи!», *kertokaa!* «расскажите!». Отрицательные формы императива образуются аналитически при помощи специальных показателей **-kää** и **-ko/kö**, которые присоединяются и к основному, и к вспомогательному глаголу *älä*, например, *älä kerro* «не рассказывай», *älkää kertoko* «не рассказывайте», *älkөөn kertoko* «пусть он не расскажет».

Глагольные формы сослагательного наклонения или кондиционала образуются синтетически при помощи суффикса **-isi**, который присоединяется к основе спрягаемого глагола, а в перфекте к основе смыслового глагола, например, *kertoisin* «я рассказал бы», *olisin kertonut* «я бы рассказал раньше». Отрицательные формы конди-